

З.А.Ж.А.Т.

МИР ПОСЛЕ КАТАСТРОФЫ

Александр Трубников
Владимир Контровский

ГОРЬКАЯ ЗВЕЗДА

Год 2006-й. В считанные часы после взрыва на Чернобыльской АЭС правительство Российской Федерации приняло решение о срочном вводе в окрестности станции мотострелковой дивизии с частями усиления общей численностью около двадцати тысяч человек. Надо было тушить атомный пожар, вспыхнувший на славянской земле, и нельзя было допустить, чтобы войска НАТО появились там раньше. Бывшие союзники по Варшавскому договору открыли огонь первыми...

Молодой гражданин Украины Алексей решил поиграть в сталкера в зараженном радиацией и обезлюдившем Киеве. Но очень скоро он понял, что в многомиллионном городе, который превратился в одну огромную Зону, — не до игрушек. Сражаться пришлось всерьез. С людоедами, натовцами и невесть откуда взявшимися мутантами. А еще с неведомой силой, которая отсрочила Чернобыльскую катастрофу 1986 года. Вопрос только, зачем?..

- [Владимир Ильич Контровский, Александр Трубников](#)

- [Пролог](#)

- [Часть первая](#)

- [Глава 1](#)

- [Глава 2](#)

- [Глава 3](#)

- [Глава 4](#)

- [Глава 5](#)

-

- [Глава 6](#)

- [Глава 7](#)

- [Глава 8](#)

- [Часть вторая](#)

- [Глава 9](#)

- [Глава 10](#)

- [Глава 11](#)

- [Глава 12](#)

- [Глава 13](#)

- [Глава 14](#)

- [Эпилог](#)

- [notes](#)

- [1](#)

- [2](#)

- [3](#)

- [4](#)

- [5](#)

- [6](#)

Владимир Ильич Контровский, Александр Трубников
ГОРЬКАЯ ЗВЕЗДА

Пролог

Время оружия

...Во все времена оружие — от бронзовых мечей до фугасных авиабомб с лазерным наведением — создавалось с одной-единственной целью: когда-нибудь быть пущенным в ход. И это «когда-нибудь» рано или поздно наступало — мечи с лязгом извлекались из ножен, а черные туши бомб покидали утробы бомбардировщиков, с воем низвергаясь на замершую от ужаса землю.

Бывало, что оружие годами и десятилетиями ждало своего часа, и чем дольше длилось это ожидание, тем яростней была высвобождавшаяся жажда крови боевого железа. Оружие ждало толчка — самого легкого, — и как только этот толчок рождался из клубка противоречий между людьми, странами и народами, стрелы тут же радостно срывались с тетив, и сотни лошадиных сил, закованных в танковые моторы, с глухим ревом устремлялись вперед по неистово вращавшимся гусеницам, с одинаковой легкостью сокрушая хрупкие стены жилищ, стволы молодых деревьев и мягкие человеческие тела.

Двадцать шестого апреля 2007 года таким толчком стало радиоактивное облако, вырвавшееся из развороченного взрывом четвертого энергоблока Чернобыльской АЭС.

Заботливо сплетенный поднаторевшими в этом деле заморскими умельцами политический узел вокруг Украины, ставшей одним из главных геополитических перекрестков набирающего обороты двадцать первого века, был уже затянут втугую. Все заинтересованные стороны почти бессознательно ждали только *casus belli* [\[1\]](#), чтобы, по примеру знаменитого полководца Древнего мира, разрубить этот узел одним взмахом меча.

* * *

В считанные часы после взрыва, прекрасно понимая, что Гуманитарные силы быстрого реагирования ООН ждать не будут — еще бы, такой случай! — правительство Российской Федерации приняло решение о срочном вводе в зону бедствия (в окрестности Чернобыля) мотострелковой дивизии с частями усиления — общая численность российского воинского контингента составляла около двадцати тысяч человек. Надо было тушить атомный пожар, вспыхнувший на славянской земле, и нельзя было допустить, чтобы ООН-«пожарники» появились там раньше, причем вовсе не для борьбы с огнем.

Тревога в расположении мотострелковой дивизии, дислоцирующейся в глухих брянских лесах, была объявлена ближе к вечеру, и каким-то необъяснимым чутьем все, от комдива до штабного писаря, мгновенно поняли-осознали: она *не учебная*. Трудно сказать, откуда пришло это понимание, но оно охватило всех. И разом отошли куда-то далеко все мелочные житейские заботы, еще час назад казавшиеся такими важными, и слово «война» обрело зловещую плоть и весомость.

Мигом стряхнул с себя последние остатки похмелья молодой лейтенант, просидевший всю ночь в компании таких же молодых офицеров, беседуя о судьбах России под неразведенный технический спирт; и капитан отложил до лучших времен выяснение вопроса, действительно ли его благоверная сблудила с заезжим торговцем из одной бывшей солнечной республики Союза; и стерлась грань между дедами, солдатами-первогодками и контрактниками: перед лицом близкого и вполне возможного небытия все равны. Тучный зампотех бегал рысцой от машины к

машине, лично проверяя, как их заправляют и чем, — из его хитрой головы начисто вылетели мысли о замышляемом гешефте с продажей на сторону пары цистерн дизельного топлива. А клянущему все на свете ушлому подполковнику-снабженцу хватило одного только взгляда на выстуженное смертным холодом лицо комдива, чтобы понять: если хоть что-то пойдет не так, генерал-майор лично пристрелит его прямо у дверей родного продсклада.

Переброску российских войск проводили в ночь с 26 на 27 апреля сухопутным марш-броском по коридору, оговоренному с правительством Республики Беларусь, из района города Брянск через Брянскую и Гомельскую области. Первоначальный план переброски по воздуху либо путем выброски парашютного десанта был отвергнут для обеспечения скрытности, чему способствовали местные условия: лесистый и малонаселенный регион. Правда, оставались еще всевидящие глаза спутников, развешанных на орбите, однако тут сработала технология «невидимок», созданная еще во времена Советского Союза. Всю подвижную технику перед выходом из автопарков накрыли сверху срочно доставленными с одного из подмосковных сверхсекретных складов большими кусками камуфлированной сетки, подключенными к источнику питания. В результате космическая разведка противника засекала только неясное шевеление, без какой-либо качественной оценки, — причиной такого шевеления, по мнению хитроумной программы распознавания, которую использовало разведывательно-аналитическое управление Министерства обороны США, запросто могла быть миграция стада расплодившихся лосей или понемногу возрождавшихся зубров, бредущих через белорусские пущи.

Водители следили за дорогой через приборы ночного видения, и грозные боевые машины шли через леса без огней, тревожа рокотом двигателей сонные полесские деревушки и бередя души стариков, помнивших детство, наполненное лязгом гусениц немецких танков.

Марш в район Чернобыля удалось провести быстро и эффективно: при средней скорости движения механизированных колонн около пятидесяти километров в час, первые два батальона, проделав двухсотпятидесятикилометровый путь без поломок и остановок, к семи часам утра вышли к реке Припять, после чего приступили к блокированию зоны бедствия и проведению радиологической разведки.

В то же самое время, утром 27 апреля, самолеты военно-транспортной авиации Украины по прямому распоряжению Главнокомандующего — президента Украины — начали переброску техники, вооружения и личного состава войск НАТО из Вильнюса, Варшавы, Праги и Загреба: лимитрофам ненавязчиво напомнили, что за приобщение к лону «мирового цивилизованного сообщества» им придется поиграть в «пушечное мясо». Для организации общего управления и взаимодействия из Брюсселя в Варшаву прибыл бригадный генерал США со своей ротой охраны и отделением связи. Ему были оперативно подчинены все Гуманитарные силы НАТО (которые честнее и правильнее было бы назвать «армией вторжения»).

Войска НАТО начали прибывать на аэродром Гостомель, в пяти километрах северо-восточнее Киева. Гостомель, некогда служивший испытательным центром конструкторского бюро Антонова, располагал бетонной взлетно-посадочной полосой длиной два с половиной километра. С этой полосы взлетали когда-то уникальные «Мрии» и «Русланы», поэтому грузовые «Ил-76», любезно предоставленные «гуманитариям» украинскими властями, садились здесь без проблем. И они приземлялись, опускали аппарели, и солдаты миротворческого контингента в полном боевом выскакивали наружу, подгоняемые окриками «инструкторов»: «Go, go, go!»

Однако оказалось, что киноподвиги «простых натовских парней» не имеют ничего общего с реальным боевым столкновением, особенно если в нем участвуют не бандиты-моджахеды или вооруженные чем попало деморализованные иракцы, а подразделения регулярной Российской армии. К вечеру 27 апреля бригадный генерал дал команду на выдвигание колонны в сторону

Чернобыля. Колонна начала движение по маршруту Гостомель — Вышгород — Лютеж — Дымер — Иванков — Припять, и к двадцати одному часу 27 апреля передовой дозор, польский моторизованный разведвзвод, выйдя в район села Лютеж, вступил в визуальный контакт с российскими БРДМ. Командир взвода поручик Кшиштоф Згойский, рассмотрев на бронетехнике российскую символику, тут же ощутил приступ шляхетской гордости. Почувствовав себя по меньшей мере «крылатым гусаром» XVII века, он немедленно открыл огонь на поражение и только потом доложил по команде. Руки, лежавшие на спусковых крючках и стрельбовых кнопках, пришли в движение...

Русские, потеряв две боевые разведывательные десантные машины, отошли, вызвав подкрепление. И оно не замедлило появиться, свалившись как снег на голову — в буквальном смысле слова. Вертолетный полк штурмовых «крокодилов» «Ми-24» и противотанковых «мышей» «Ми-28» взлетел с Брянщины и уже в открытую, не заботясь о маскировке — маски сброшены, — атаковал части «гуманитариев», первыми открывших огонь. Передовые российские батальоны, производившие разведку зоны бедствия, получили приказ наступать, выдвинулись вперед и отбросили ооновцев.

Боестолкновение было коротким, но ожесточенным: реактивные гранаты с tandemной боевой частью, выплевываемые РПГ-27 «Таволга», рассчитывались на поражение танков с динамической защитой, и легкие восьмиколесные польские «росомахи» они прошивали шутя, будто консервные банки. Время словно повернуло вспять: за дымом чадно горевших «Хаммеров» чудились тени всадников, а за грохотом взрывов слышался звон скрестившихся сабель.

В зону бедствия подтягивались все новые и новые российские части — расчеты на их низкую боеспособность оказались несостоятельными. По линии образовавшего фронта занял оборону усиленный российский мотопехотный батальон. Силы НАТО, не ожидавшие такого развития событий и избегавшие расширения конфликта до непредсказуемого, оценив обстановку, рассредоточились и начали зарываться в землю. Обе стороны оставались в позиционной обороне и вели беспокоящий ружейно-минометный огонь всю ночь, соблюдая тем не менее некий стихийно установившийся статус-кво. Одновременно шли переговоры по дипломатическим каналам о прекращении огня и урегулировании политического кризиса. К утру договоренности удалось достичь: были определены зоны, занимаемые миротворцами и российскими войсками, — Чернобыль и вся прилегающая к нему зона бедствия была признана подмандатной территорией России, а Киев, пострадавший от радиоактивных осадков, был оставлен «гуманитариям». А к нещадно фонившему четвертому энергоблоку Чернобыльской атомной электростанции уже направлялись первые бригады ликвидаторов, не обращавших внимания на шепот: «Камикадзе...» за их спинами.

Однако достигнутая договоренность оказалась зыбкой. С рассветом командующий российской группировкой, у которого в Киеве жили ближайшие родственники — отец, мать и сестра, — получив информацию о том, что на город движется радиоактивное облако и что его в панике покидают все представители власти, предпринял попытку взломать оборону противника и прорваться к массиву Оболонь, чтобы спасти семью. Попытка прорыва быстро превратилась в самый настоящий бой с применением авиации и тяжелой бронетехники с обеих сторон. Ценой ощутимых потерь оборона натовцев была прорвана, однако в районе Вышгорода российские войска получили категорический приказ прекратить огонь и отойти к селу Старые Петровцы, по административной границе которого, согласно только что подписанному договору, проходила демаркационная линия, разделяющая зоны ответственности Гуманитарных сил ООН и сил по ликвидации последствий аварии РФ и Республики Беларусь.

Необъявленная война перешла в тлеющую фазу. Тысячи людей с обеих сторон — бывшие

друзья по «социалистическому лагерю» и союзники по Варшавскому договору — зло смотрели друг на друга через прицелы «АК-74» и «М-16», и снарядам было тесно в орудийных стволах. А над головами этих людей ползло на Киев облако незримой смерти, выброшенное истекавшим ядовитой кровью четвертым реактором Чернобыльской АЭС...

Часть первая

Князь

Глава 1

Мертвый город

По информации из блогов и новостных сайтов

...По различным оценкам, в течение четырех часов после начала широкомасштабного освещения подробностей катастрофы в СМИ, с разных направлений к двум вокзальным площадям Киева стянулось от ста пятидесяти до четырехсот тысяч человек, из них примерно десять процентов погибли в давке, которая стала самой большой трагедией такого рода в истории человечества...

...Основной причиной воцарившейся в городе паники, по единодушному мнению всех экспертов, стала почти полная потеря контроля над ситуацией со стороны всех без исключения государственных служб. Непосредственным же толчком, приведшим к катастрофе, оказалось выступление по первому каналу мелкого чиновника из Минтранса. Именно этот человек — единственный, кого застали репортеры в здании министерства, — сообщил о том, что все выезды из города заблокированы, и порекомендовал добираться до Центрального вокзала...

...По словам известного политолога Сахно-Колокольцева: «Украинской национальной идеи, выпестованной самостийниками-диссидентами девятнадцатого и двадцатого столетий, хватало лишь на то, чтобы воевать с языком „проклятых москалей“ и объявлять национальными героями фашистских прихвостней. Однако для того чтобы уберечь древний город от обрушившейся на него цивилизационной катастрофы, этого оказалось недостаточно. Все эти „радетели за Украину“, от главы государства до постового милиционера, в час смертельной опасности думали только о спасении своих шкур и личные ценности без малейших колебаний предпочитали общегражданским»...

...Сразу же после конфликта состоялось заседание Совета Безопасности ООН, следствием которого стал собранный в Дубае международный саммит на высшем уровне. На саммите «Большой семерки» было принято решение: зоной ответственности России признать уже занятую российскими войсками территорию катастрофы от восточной границы до предместий Киева. Зоной ответственности Гуманитарных сил ООН стала бывшая столица Украины...

...Целью выступления президента Украины, в котором он публично признал несостоятельность своего правительства и потерю контроля над ситуацией, была легитимизация ввода войск НАТО. Однако наличие в Украине военных баз России и крайнее недовольство населения восточных областей насильственной украинизацией последних лет вызвало непредвиденный резонанс.

Одновременно с событиями в Киевской области региональные лидеры объявили о выходе из состава Украины и начали проведение референдумов. Таким образом появились новые государственные образования: Крымская Республика (Симферополь), Северодонецкая Республика (Северодонецк) и Южноукраинская Республика (Запорожье). При этом все они немедленно обратились в Государственную думу РФ с просьбой принять их в состав Федерации.

На сегодняшний день три самопровозглашенные республики признаны только Россией, Абхазией, Южной Осетией и Венесуэлой. ООН считает правопреемником Украины Украинскую Народную Республику (УНР), столицей которой объявлен город Тернополь. Мнение официального Тернополя известно: авария на Чернобыльской АЭС инспирирована российскими спецслужбами с целью раскола Украины, территория Украины неделима, ликвидацией последствий аварии должен заниматься исключительно гуманитарный контингент ООН, действия которого обеспечиваются вооруженными силами НАТО.

Правительство УНР, в котором все ключевые посты заняли представители финансово-олигархических структур, приняло экстраординарные меры, в первую очередь направленные на защиту банков и страховых компаний. Вчера опубликовано постановление Кабинета министров, в котором чернобыльская катастрофа не признана форс-мажором, так как, по мнению украинских властей, все ее последствия (в том числе и необходимость выплаты компенсаций пострадавшим) целиком и полностью возлагаются на Москву.

Киев, превратившийся в зону бедствия, блокирован силами ООН. Люди, выходящие из контролируемого периметра, направляются в фильтрационные лагеря, где с гражданами Украины работают банковские коллекторы...

* * *

Квартира была наполнена той нервной пустотой, какая остается после поспешного бегства людей, некогда обитавших в этом жилище. На грязном паркете валялись какие-то тряпки, на стене косо висела небольшая картина в затейливой рамке — мирный пейзаж, не вязавшийся с тем, который был виден из окон. Гонимые паникой хозяева бежали отсюда, похватав самое необходимое, но пережитый ими страх еще витал в пыльном воздухе и прятался по углам.

«Интересно, сколько может стоить эта безделушка, — подумал Алексей, рассматривая небольшую золотую брошь, найденную среди всякого хлама в ящике туалетного столика, — там, за блокпостами? Царапины на ней, и вообще вещичка пустяковая... Здесь она не стоит ничего — здесь в цене оружие, патроны, лекарства, еда: то, без чего человеку не выжить. А золотые бирюльки — без них человек проживет, и еще как проживет. Как там сказал Маугли, попавший в сокровищницу Белой Кобры с ее грудями золота: „Зачем все это? Разве это можно есть?“ Да, иногда подумаешь даже, а стоит ли нагибаться за очередным украшением, брошенным в панике бегства... Хотя, если разобраться, не ради ли таких вот безделушек я и остался здесь, в мертвом городе, где не место нормальному человеку, еще не съехавшему с катушек? Закордонье, где золото снова обретает свою вековую ценность, — это что-то вроде тридевятого царства, границу которого стерегут железные чудища на колесах и гусеницах и тупоголовые солдаты, приученные без размышлений шпиговать свинцом все движущееся из глубины „карантинной зоны“ — из города, густо присыпанного „чернобыльской пудрой“. И попасть из вымершего Киева в это заветное тридевятое царство ох как непросто. К тому же пересечь кордон — это еще полдела: за ним таится множество жадных рук, очень охочих до хабара, вынесенного лутерами из заблокированного города. И еще неизвестно, чьи законы более жестоки: законы радиоактивной зоны или законы так называемого цивилизованного мира...»

Алексей прислонил к подоконнику «Сайгу» и посмотрел в окно. Дома города не были разрушены — Киев не бомбили и не обстреливали, как это было в середине прошлого века, — но город умер, лишенный живой человеческой крови, пульсировавшей в жилах его улиц. Над крышами бывшей Фундуклеевской, потом улицы Ленина, с недавних пор Богдана Хмельницкого, висела кладбищенская тишина, не нарушаемая ни привычным городским

шумом, ни голосами людей, ни даже криками птиц. У дома напротив уткнулась в столб легковая машина со спущенными колесами, выбитым ветровым стеклом и оторванной передней левой дверцей, а посередине проезжей части жалобно-сиротливо замерла брошенная детская коляска. Она была опрокинута набок, и из нее на асфальт высыпались вещи, когда-то представлявшие несомненную ценность для их владельцев. Где они, эти люди, набивавшие тесное нутро этой коляски всем, что попадалось под руку? Удалось ли им выбраться из охваченного ужасом города или они присоединились к тысячам тех, кто этого сделать не смог, и теперь, может статься, их давно уже нет в живых?

Мертвые пустые дома казались пыльными. Скорее всего, такими они выглядели через грязное стекло — «чернобыльская пудра» малозаметна, — но впечатление было зловещим, как будто незримая смерть, поразившая город, вдруг обрела осязаемость.

Радиоактивная пыль... Алексей видел, что она делает с людьми, не подозревавшими об опасности. У брошенного на произвол судьбы гражданского населения огромного города не было ни дозиметров, ни даже информации о зараженных участках — люди шли наугад, с каждым шагом вдыхая рассеянную в воздухе смерть.

За месяц, проведенный в киевской зоне, Алексей увидел столько трупов, сколько он не видел во всех, вместе взятых, боевиках и триллерах, обильно орошавших зрителя потоками крови. И самое мерзкое — умиравшим людям никто не спешил прийти на помощь. Наоборот, как только уровень радиоактивного заражения в городе достиг опасного предела, ооновцы получили приказ расстреливать всех, кто пытается выбраться за кольцо оцепления, — ведь эти люди несли в своих телах лучевую смерть. И миротворцы добросовестно выполняли приказ: у блокпостов оставались сотни и тысячи разлагающихся трупов мужчин и женщин, стариков и детей — отчаявшиеся люди шли на пулеметы и падали, падали, падали...

А те, кто остался в городе, тоже умирали. Умирали от лучевой болезни, от голода, жажды и полной безысходности. Трупы лежали прямо на улицах, став неотъемлемой частью нового городского пейзажа, и никому до них не было дела — никто не торопился их не то что хоронить, но даже убрать. И на всю жизнь врезалась в память Алексея дикая сцена, которую он пережил в опустевшей квартире одного из покинутых домов.

Он тогда только что разжился найденным в одном жилище охотничьим карабином «Сайга» и, чувствуя себя с оружием в руках почти командос, воспрянул духом — у него появилась надежда удачно подхаварить, а потом исхитриться выбраться из проклятой зоны, уже сидевшей у него в печенках, за кордон и начать там новую жизнь. План этот изобиловал белыми пятнами, однако лучшего у Алексея не было: по крайней мере, этот план не давал ему впасть в отчаяние и разрядить себе в лоб найденный карабин.

Обшаривая покинутые квартиры, в прихожей одной из них Алексей вдруг услышал странные чавкающие звуки. Осторожно ступая и держа карабин наготове, парень заглянул в ближайшую комнату и замер, пораженный увиденным.

Посередине комнаты лежал труп молодой женщины в нижнем белье. Пол был густо заляпан потеками крови, а над телом сидел (или сидело?) непонятное существо — Алексей не сразу признал в нем человека.

Человек выглядел жутко — безбровое лицо, покрытое кровоточащими язвами, лысый череп, скрюченные пальцы рук, грязные лохмотья вместо одежды. И ни проблеска мысли в остекленевших глазах. Но самым ужасным был окровавленный нож, зажатый в руке этого человекоподобного существа, и его щербатый рот, перемазанный кровью. Искромсанное тело женщины, от которого были отрезаны куски мяса, напоминало тушу, лежащую на разделочном столе, и Алексей, чувствуя, как сердце его валится в бездонную ледяную пропасть, понял, что здесь происходит, — ему уже доводилось слышать рассказы о безумцах-людоедах.

Человекоподобный, судя по его внешнему виду, уже получил сильную дозу радиации, и жить ему осталось недолго. Но сейчас он был еще опасен, очень опасен — он заворчал и приподнялся, пачкая паркет каплями крови, срывавшимися с лезвия ножа. И тогда Алексей, глуша свой ужас диким криком, вскинул карабин и выстрелил в уродливое лицо, в котором уже не осталось ничего человеческого.

Картечь разнесла череп безумца, забрызгав всю стену белесыми студнеобразными кляксами. Алексей, чудом не выронив карабин, опрометью бросился прочь, забыв о своем намерении похабарить — никакие силы не заставили бы его задержаться в этой квартире хотя бы еще на минуту...

Зачем он остался? Он нередко сам задавал себе этот вопрос. Уже через неделю жизни в мертвом городе стало ясно, что все книжки, фильмы и игры про героев-одиночек — полная чушь. Хотя бы потому, что ни одна игра, даже самая реалистичная, не могла передать все запахи, которыми был пропитан теперешний городской воздух. Осознание собственной глупости пришло слишком поздно. Что ждало его теперь там, за линией блокпостов? Фльтрационный лагерь, щирые украинизаторы и коллекторы, которые непременно припомнят долг за взятый в кредит компьютер и загонят на стройки карпатских отелей.

Алексей тяжело вздохнул, взял карабин и поднялся.

Нужно было идти.

* * *

Алексей, самый обычный молодой киевлянин начала двадцать первого века, не знал, что жуткая атомная катастрофа должна была состояться двадцатью годами раньше. И уж тем более он не мог и предположить, что эту катастрофу подтолкнула могущественная неземная сила, наделенная холодным нечеловеческим разумом...

* * *

Ранним утром 26 апреля 1980 года Пирс Паркер, корреспондент газеты «Morning Star», стоял в толпе русских чиновников под забором недостроенной станции метро и, ежась на пронизывающем мокром ветру, ожидал приезда весьма значительного лица. Летний плащ, надетый поверх костюма, пропитался висящей в воздухе мелкой моросью и теперь, вместо того чтобы защищать своего хозяина от превратностей погоды, вытягивал из тела английского журналиста остатки гостиничного тепла.

Ужасный отель, ужасный город. Что здесь, среди этих коммунистов, делает он, англичанин до мозга костей, много лет писавший о странных местах, пограничных состояниях разума и сверхъестественных созданиях? Ностальгические воспоминания чуть согрели душу, уставшую от дискомфортности социалистического бытия. Где теперь солидный еженедельник «За тонкой чертой», в котором он, Паркер, публиковал свои блестящие материалы? Где поездки по доброй старой Англии и по средневековой Европе, замки с привидениями и необъяснимые аномалии в старинных городах? Где странные места неподалеку от поместий и деревень? Все то, о чем так нравилось читать рациональным англичанам, оказалось источником популярности и завидного благосостояния. Пиком его карьеры эзотерического публициста стали статья и фоторепортаж, посвященные ожившим легендам замка тамплиеров в шотландском Мерикалтере — они были признаны материалом года и удостоены одной из самых престижных национальных премий.

«Все дело в большевиках и арабах, — с усталой ватной злостью невыспавшегося человека подумал журналист. — Когда цены на бензин вырастают за полгода в три раза, наступает экономическая депрессия и обывателей перестает интересовать сверхъестественное. Тиражи падают быстрее, чем индекс Доу — Джонса, и объявления о банкротстве журналов появляются в газетах по несколько штук в неделю».

Именно тогда на руинах большого кризиса в британской публицистике воссияла «Утренняя звезда», печатный орган коммунистической партии Британии. Ее немалые тиражи, не скупясь, едва ли не целиком выкупает Советский Союз, что гарантирует редакции высокие и стабильные доходы. К середине семидесятых контракт с газетой, которую раньше ехидно называли «Великим слепцом», стал несбыточной мечтой любого безработного журналиста, кем Паркер и стал, после того как учредители еженедельника «За тонкой чертой», храня на лицах мужественно-торжественное выражение, достойное героев Голсуорси, объявили о роспуске персонала газеты.

Он, Пирс Паркер, счел, что эзотерика никуда не денется, а есть ему что-то нужно, и, приложив невероятные усилия, смог устроиться в «Morning Star» вначале внештатным репортером, а затем, войдя в материал и усвоив нехитрые коммунистические порядки, вышел в международные обозреватели. И теперь, невзирая на то, что коммунист из него примерно такой же, как из Анджелы Дэвис свидетель Иеговы, он вот уже четвертый год пишет пламенные статьи об обреченности капитализма и о фантастических успехах Советского Союза. Правила игры просты. Все публикации из Северной Ирландии делать с пометкой «от нашего зарубежного отдела». Сотворять гневные филиппики об угнетении и увольнении пролетариев-шахтеров, закрывая глаза на то, что шахты в Британии нерентабельны и лет через десять британские шахтеры станут историей. Восхвалять все действия Советского Союза, начиная с пакта Молотова — Риббентропа до Пражской весны и недавнего ввода войск в Афганистан. Главное — писать всю эту трескотливую чушь бесцветными недлинными предложениями, избегая редких слов и сложных оборотов, потому что главными читателями газеты являются не русские и даже не британские коммунисты, а сотни тысяч советских школьников и студентов, изучающих английский язык. «Morning Star» — единственное официально разрешенное в России англоязычное иностранное периодическое издание, что делает его незаменимым приложением к любому английскому языковому курсу.

До сегодняшнего дня выполнять эти правила было легко. Приезжаешь за счет газеты в какой-нибудь русский город. Участвуешь в обязательном банкете, где все присутствующие упиваются до ирландского визга. Придя в себя на следующий день (ближе к вечеру), описываешь то, о чем расскажет присланный из КГБ переводчик-сопровождающий. Отправляешь текст главному редактору, затем дожидаясь появления статьи и получаешь честно заработанный чек. Но этот странный город, куда он приехал, собирая материал для статьи о подготовке коммунистов к летним Олимпийским играм...

Здесь, в сыром горьковатом воздухе, было растворено нечто такое, что встречалось Паркеру лишь несколько раз в очень старых и по-настоящему загадочных замках Европы: то, что едва не заставило его, материалиста и циника, на самом деле поверить в существование привидений.

Вчера, объездив за день лихорадочно достраиваемые стадионы и тренировочные центры, он исподволь окунулся в странное, не испытанное раньше состояние. Говоря языком безвременно скончавшегося еженедельника «За тонкой чертой», главный редактор которого обожал творчество Лавкрафта, Пирсу Паркеру стало казаться, что вполне современный (по советским меркам, конечно) город на самом деле вот уже много веков пребывает в какой-то невыразимой, неестественной вневременной летаргии, а все, что происходит вокруг него, — не более чем часть этого бесконечного странного сновидения.

...Ветер задул от реки, загоняя под плащ пронизывающую сырость. Пирс Паркер тихо выругался и поежился. Он был, без ложной скромности, отличным журналистом и чуял дух «особенных мест». То, что этот город, одновременно красивый и уродливый, мертвый и живой, таит в своих глубинах нечто загадочное, Паркер чувствовал с первого дня, а сегодня — особенно. Вечером, как ни странно, не было никакого застолья: видимо, рассказы об аскетизме здешнего коммунистического бонзы имели под собой некоторые основания.

Рано утром переводчик привез его в городской район, название которого карманный англо-русский словарь истолковал как «свободно свисающий ниже талии край верхнего платья или нижнего белья». Пирс вычитал в путеводителе, что здесь, в неширокой долине, расположенной между холмами старого города и большой медленной рекой, в средние века располагалось торговое предместье, затем еврейское гетто. Причиной ранней побудки стала строящаяся под этим районом новая линия метро, куда с инспекционной поездкой с минуты на минуту должен был прибыть местный коммунистический лидер.

Паркер решительно не понимал, почему ему позволили взять интервью именно здесь и зачем всесильный партийный бонза делает это в такую рань. Замерзший зевающий журналист, чтобы хоть отчасти скрасить затянувшееся ожидание, в который раз огляделся по сторонам. Большую площадь, мощенную неровной брусчаткой, окружали двух-трехэтажные здания, и все они, судя по густо облеплявшим их стены строительным лесам, одновременно ремонтировались. Из-за лесов проглядывали сюрреалистические старинные фасады, словно коммунисты ни с того ни с сего решили восстановить этот квартал в том виде, какой он имел во времена «*proklyaty tzarizm*». Неподалеку от того места, где ждали прибытия главного украинского коммуниста, на гранитном постаменте торчал старинный бронзовый памятник, изображающий какую-то местную знаменитость в сандалиях, сплетенных из древесной коры. В сотне ярдов от памятника, за чахлым сквером, высилась глухая фанерная стена, укрывавшая, по всей видимости, какие-то мрачные большевистские тайны. Композицию, достойную камеры Бунюэля, завершала парящая над зеленым холмом изящная бирюзово-золотая церковь.

Одной этой панорамы какому-нибудь Сальвадору Дали с лихвой хватило бы для нового сюрреалистического полотна, но оказалось, что древнему городу, всерьез решившему ошеломить залетного писака-британца, этого было мало. Словно исполняя волю незримого режиссера-авангардиста, из железных ворот расположенного напротив большого здания с полукруглым фронтоном, глухо и слитно ударяя по мостовой тяжелыми подошвами ботинок, вытянулся длинный строй матросов в черных бушлатах.

«Либо это я сошел с ума, либо мы находимся на съемочной площадке, либо маразм у коммунистов достиг последней стадии, когда реальность и логика уже просто не имеют прежнего значения, — подумал Паркер. — Откуда здесь столько моряков, да еще и военных, если до ближайшего моря отсюда миль четыреста, а до завалящего военного корабля и того больше?» Рука невольно потянулась к висящему на плече «Кодаку» со сменными объективами. Не успев прикоснуться к застежке, Паркер перехватил хмурый взгляд кареглазого коротко стриженного атлета в скверно пошитом гражданском костюме. Иностранцы могли здесь фотографировать только то, что укажут, и только тогда, когда им это было разрешено. Пирс Паркер вздохнул и вернул руку в мигом остывший карман.

Корреспондент встряхнулся, чтобы отвлечься от посторонних мыслей, — нужно было немедленно отбросить всю эту ненужную эзотерику и начинать работать. После обеда его обещали отвезти на атомную электростанцию, а затем посадить на поезд, который доставит в Москву, в благословенные объятия «British Airways». А там, расслабившись в мягком кресле и глотнув принесенного стюардессой виски, он откроет учебник и будет зубрить русские слова: чтобы сделать карьеру политического обозревателя, он обязан знать язык этой страны.

Из-за фанерной стены вынырнула стремительная черная тень. Окружавшие Пирса мелкие партийные чиновники начали беспокойно шевелиться и притоптывать на месте. Переводчик напрягся и нервно засопел. Паркер бросил взгляд на часы — было без трех минут семь. Быстро приближаясь, тень материализовалась в бронированный правительственный лимузин, который был похож одновременно на «Паккард» и на «Крайслер», какими их выпускали в далекие шестидесятые, еще до нефтяного кризиса, приучившего Запад к экономии бензина и лаконичности форм. В этой автомашине, которая, вне всяких сомнений, несла в себе ожидаемое Very Distinguish Person^[21], вблизи обнаружилась мощь британского «Роллс-Ройса», хотя совершенно лишенная его грозного викторианского изящества.

За время, которое понадобилось черной машине для того, чтобы пересечь площадь и остановиться у деревянных ворот окружающего стройку забора, в уме Пирса Паркера сложилась первая фраза будущей статьи: «В этот знаменательный год старинный русский город, считающийся первой исторической столицей восточных славян, готовился к Олимпийским играм и представлял собой сплошную строительную площадку...»

* * *

Подъезжая к метростроевской площадке, машина сбросила скорость. «ЗИЛ-111», правительственный броневик, просторный, как троллейбус, и надежный, как танк, вместе с трехэтажным барским особняком на улице Герцена достался его нынешнему владельцу в наследство от предшественника, Петра Шелеста. Особняк преемник Шелеста брать не стал, распорядившись отдать его под акушерский центр, а вот машину, несмотря на то, что все остальные члены Политбюро давно уже пересели на более современные «ЗИЛ-114», оставил себе и привязался к ней настолько, что за все восемь лет пребывания на посту ни разу не подумал о замене — новую «Чайку», полученную в позапрошлом году, он держал только для представительских нужд.

Колеса глухо зарокотали по разбитому асфальту — машина свернула на Подол. Первый секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии Украины Владимир Васильевич Щербицкий оторвался от бумаг, которые по давней привычке просматривал по дороге на работу, откинулся на спинку сиденья, повернулся к окну и нахмурился. Первым, что попало ему на глаза при въезде на Красную площадь, как назло, оказалась позорящая город фанерная ширма, укрывшая бывший Гостиный двор. До Олимпиады, к которой ударными темпами приводили в порядок старый и, чего греха таить, изрядно запущенный город, оставалось всего ничего: май, июнь и первая половина июля. Аварийное нежилое здание, где, по слухам, водились крысы размером с кошку, реконструировать не успели, и поэтому пришлось таким вот образом прятать его от посторонних глаз. «Надо распорядиться — пусть на фанере плакат какой-нибудь нарисуют, что ли, а то перед иностранцами стыдно...»

Машина остановилась. Щербицкий открыл тяжелую дверь, вышел в бодрящий утренний воздух и, прежде чем шагнуть к встречающим, по-хозяйски огляделся вокруг. Увиденным он остался в целом доволен: реконструкция площади и прилегающих к ней улицы Жданова и Андреевского спуска подходила к концу. Недели через две-три строители уберут леса, и древний Подол предстанет перед киевлянами и гостями столицы точно таким же, каким он выглядел в девятнадцатом веке. Бронзовая фигура-памятник народному философу Григорию Сковороде была поставлена недавно, всего три года назад, но, благодаря мастерству и таланту девяностолетнего скульптора, выглядела она так, будто стояла тут с тех самых времен, когда на месте нынешнего Военно-морского политического училища размещалась Киево-Могилянская

академия. По мостовой, четко печатая шаг, промаршировали мимо памятника морские курсанты.

Щербицкий перевел взгляд на часы. Семь утра ровно. Это время было выбрано не случайно — Красная площадь располагалась почти по пути его ежедневного маршрута с дачи, находящейся в Межигорье, на рабочее место в ЦК, поэтому в раннее время можно было обойтись без милицейского эскорта, мигалок и перекрытых улиц, чего Щербицкий очень не любил. Вдобавок к тому столь ранний — до начала рабочего дня — визит не ломал метростроевцам и без того плотный рабочий график. Да и начальник охраны категорически потребовал, чтобы во время осмотра в метро не было посторонних.

Сегодняшняя утренняя поездка, из-за которой пришлось нарушить привычный график, была напрямую связана со спортивно-политическими олимпийскими делами. Щербицкому хотелось лично посмотреть, ради чего он, отстаивая интересы киевских ученых, пошел на жесткий разговор в Политбюро.

Новая линия метро прокладывалась прямо по центру древнего Подола, на малой глубине, и сражение метростроевцев с археологами началось едва не с самого первого дня работ. Осознав, что археологи всерьез намерены пропустить через мелкое сито каждый кубометр выработки, а прокладка туннеля при помощи лопат и археологических щеток продлится по меньшей мере лет двести, вследствие чего премии с переходящими знаменами отодвинутся точно на такой же срок, пробивные метростроевцы начали необъявленную войну с исторической наукой. Но и интеллигенты-археологи оказались не лыком шиты — проявив изрядную сноровку в номенклатурных интригах, они бились насмерть за каждый раскоп.

Дело решило письмо, направленное в Центральный Комитет директором Института археологии. В толковой пояснительной записке заслуженный профессор, доктор наук, чьими трудами был почти полностью восстановлен облик древнего города, ссылаясь на мнение знаменитых академиков и сумев обойтись без высоконаучной зауми, нормальным человеческим языком доказывал, что обнаруженное неподалеку от строящейся станции «Велесово капище» место поклонения древним языческим богам является «ярким свидетельством того, что до навязанного извне христианства в Древней Руси существовала собственная самобытная и прогрессивная система взглядов и верований, не менее развитая, нежели библейское учение, и близкая по духу к коммунистической идеологии».

Усмотрев в пояснениях ученых за местечково-политической риторикой, нешуточную тревогу за судьбу ценнейшего исторического наследия, Щербицкий не пожалел вечно не хватающего времени и потратил вечер и полночи, чтобы вникнуть в вопрос. Убедившись, что ученые не приукрашивают ситуацию сверх меры, а находки, сделанные в метро, и в самом деле представляют необычайную ценность, он скрепя сердце принял сторону науки. В Кремле, на ближайшем заседании Политбюро, взял слово и убедил товарищей, что сдача новой очереди метро к Олимпиаде особого политического значения не имеет, а вот поднявшим голову после войны церковникам, напротив, было бы очень неплохо утереть нос: мол, отлично жила Киевская Русь и без вашего царьградского опиума. И при этом отнюдь не во мраке и дикости пребывала она до тех пор, пока Владимир Ясно Солнышко со своими подручными — Добрыней и Путятой — не окрестил свободолюбивых славян огнем и мечом. Предложение было принято, и археологи получили необходимое для работы время. Однако бумаги бумагами, а на то, ради чего он позволил оставить без метро еще на три месяца растущую как на дрожжах и задыхающуюся без транспорта Оболонь, следовало посмотреть лично.

Новые линии киевского метро проектировались, в отличие от Москвы, практически — без помпезных вестибюлей, — поэтому вход на станцию «Красная площадь» отличался от обычного подземного перехода разве что зеленой светящейся буквой «М». У самых ступеней высокого

гостя встречали первый секретарь Подольского райкома и начальник метростроевского главка с секретарем парткома «с сопровождающими их лицами», большую часть которых составляли сотрудники КГБ. Среди чиновников, прорабов и комитетчиков наметанный глаз Щербицкого тут же выделил английского коммуниста, о котором предупреждал помощник. В светло-сером, безупречно сидящем плаще с геометрически точным треугольником галстучного узла, в окружении партийных и хозяйственных руководителей, на которых были скверно скроенные темные костюмы, иностранец смотрелся, будто изящная залетная птица, чудом затесавшаяся в стаю грачей.

Щербицкий поздоровался за руку с представителями принимающей стороны и, соблюдая обязательный для всех ритуал, надел поданную секретарем парткома красную строительную каску. Обменявшись парой слов с первыми лицами, вспомнил про обещанное интервью и высмотрел во вторых рядах знакомого переводчика.

— Это вы сопровождаете англичанина?

— Так точно, Владимир Васильевич!

— Передайте товарищу, что я отвечу на его вопросы после того, как осматрю новостройку.

Старший лейтенант КГБ обернулся к коммунисту и начал активно жестикулировать, возмещая недостаток словарного запаса энергичной пантомимой. Щербицкий, увлекая за собой сопровождение, зашагал вниз по лестнице.

Идти было недолго: линия прокладывалась в низине, станция была малозаглубленной и располагалась почти под самой поверхностью. Недостроенный зал станции, освещенный множеством ярких ламп, был пуст. В нос ударило запахом сырости и свежей побелки. Из чащи строительных лесов вынырнул подполковник из девятого управления.

— Здравия желаю, Владимир Васильевич! Все чисто. Генерал Федорчук приказал докладывать лично ему — больно уж объект сложный.

Щербицкий кивнул. Он не любил окружать себя охраной — в поездках позволял лишь одну машину с мигалкой, да и то больше для безопасности граждан, а на публичных мероприятиях терпел за спиной не более двух человек «в штатском». Но и Федорчука, председателя КГБ при Совете Министров УССР, можно было понять...

Первым делом Щербицкий переговорил с метростроевским руководством. Начальник главка, прораб и секретарь парткома были людьми толковыми: дело свое знали, работали от зари до зари и обещали, что если археологи дадут добро, то к осени, кровь из носу, пустят линию метро в новый массив. После заслушивания партхозактива Щербицкий переключил внимание на археологов. Роль экскурсовода взял на себя руководивший исследованиями доктор наук — он говорил хорошо поставленным лекторским голосом, который, впрочем, немного подрагивал от вполне объяснимого волнения.

— Еще у Нестора-летописца упоминалось некое «Велесово капище», расположенное в лесной чаще на левом берегу реки Глыбочицы. Велес, — пояснил археолог, — это языческий бог торговли, которому, если верить старинным рукописям, поклонялись купцы. Как он выглядел — неизвестно. Дело в том, что все древнеславянские изображения богов вырезались из цельных дубовых стволов и до нашего времени не сохранились. Поэтому найденный загадочный предмет культа — большой каменный круг с письменами — воистину уникален и представляет для науки интерес не меньший, чем знаменитый Стоунхендж.

Щербицкий краем глаза отметил, что при слове «Стоунхендж» английский коммунист вытянул шею, нетерпеливо толкнул старшего лейтенанта, — давай, мол, переводи, — и начал подбираться поближе.

— Даже при самом поверхностном изучении ясно, — продолжал ученый, — что это открытие приведет к настоящему скачку в знаниях о Древней Руси. Тут и календарь наш,

народный, дохристианский, и какая-то неизвестная письменность. К сожалению, надписи мы пока еще расшифровали не все... Самобытность народной культуры... развитая цивилизация... исконные верования...

Щербицкий, уже уяснив для себя суть вопроса, идеологическую часть объяснений профессора слушал вполуха: заинтересованно кивал и шел вдоль платформы, осматривая облицовку из бежевого мрамора, пока процессия не уткнулась в дальний конец станции, где начинался туннель. Там, на рельсах, уходящих в темноту, его ожидало нелепое сооружение: несуразно-короткая высокая тележка с наспех приделанными к ней мягкими автомобильными сиденьями.

— Это дрезина, Владимир Васильевич, — отозвался в ответ на невысказанный вопрос начальник строительства. — Поезда ведь пока не ходят, вот мы и приготовили вам для поездки.

Метростроевский «правительственный вагон» столь разительно контрастировал с оставленной наверху машиной, что Щербицкому пришлось предпринять героические усилия, чтобы задавить ухмылку. Обижать товарищей не годилось — старались, как могли. Зато он услышал, как за спиной осклабился, получив перевод, английский коммунист.

— Далеко ехать? — спросил первый секретарь у хозяев.

— Да нет, совсем рядом, — ответил начальник главка. — Метров сто пятьдесят от силы.

— Сто сорок семь, — уточнил прораб, заработав при этом хмурые взгляды начальства.

— Тогда пройдемся пешком, — предложил Щербицкий. — Нет возражений, товарищи?

У товарищей возражений не нашлось. По узкой боковой дорожке можно было пройти лишь гуськом, и инициативный прораб был выдвинут в голову процессии. За ним шел Щербицкий; у него за спиной недовольно сопел отвечающий за безопасность подполковник.

Звуки шагов отлетали от стен загадочным гулким шелестом. Идти было и в самом деле недалеко — вскоре за широким боковым проходом открылось довольно просторное круглое, ярко освещенное помещение со сводчатым потолком. В центре его лежало огромное каменное колесо, более всего напоминающее, как показалось Щербицкому, мельничный жернов.

— Вот, Владимир Васильевич, — сообщил, пробираясь вперед, археолог. — Это и есть наш раскоп. Благодаря поддержке метростроевцев, была специально оборудована подземная камера. После завершения исследований сюда, как и на площади Октябрьской Революции, где были найдены Лядские ворота, можно будет открыть доступ для посещения граждан.

Щербицкий сделал несколько шагов вперед и склонился над камнем, чтобы рассмотреть высеченные рисунки. Но не успел он толком взглядеться в затейливую каменную резьбу, как прямо у него за спиной вдруг раздался уверенный голос:

— Ну, здравствуй, князь!

Глава 2

Небесный пришелец

Щербицкий обернулся. У стены, неподалеку от входа, на бесформенном выступе — то ли на камне, то ли на пне, — сидел незамеченный им («Почему я его сразу не увидел? — мысленно удивился первый секретарь ЦК Компартии Украины. — Пещера не так велика, и спрятаться в ней негде. Странно...») седой как лунь длинноволосый бородач в длинной, до пят, грубой рубаше, из-под которой выглядывали босые ступни.

«Кино снимают, что ли? — недовольно подумал Щербицкий. — Если так, то должны были предупредить, приехал бы в другой день. А вообще-то интересно, как это охрана их проглядела?»

— Вы кто? — спросил он артиста.

— Страж портала, — непонятно ответил тот.

— Какого еще портала?

— Прости, князь, попутал. Вы этого слова еще не знаете. Чтобы стало понятнее — волхв.

«Сказку снимают или фантастику?» Времени было в обрез, поэтому заигравшегося не в меру артиста следовало немедленно вернуть с небес на землю. Щербицкий сделал паузу, подспудно ожидая, что сейчас откуда-то из укрытия донесется режиссерское: «Стоп, снято!», а вокруг засуетятся киношники. Тогда можно будет вызвать ребят из «девятки» и разъяснить недоразумение. Он обернулся ко входу, чтобы позвать подполковника, и едва не остолбенел.

Выход из подземелья теперь перегораживал светящийся прозрачный занавес ярко-синего цвета. Из чего он был сделан — непонятно («электрический» — подобрал подходящее слово Щербицкий). Все сопровождающие остались по ту сторону занавеса, причем была в их позах какая-то с ходу неуловимая странность. Щербицкий присмотрелся и понял, какая именно: группа товарищей представляла собой застывшую картину. Рука секретаря партийной организации замерла, поправляя съехавшую набок каску; из-за его плеча, замерев в неестественной позе, тянул шею английский коммунист.

— Они нас не видят, князь, — раздался голос волхва.

Неправдоподобность происходящего была столь очевидной, что Щербицкий не то что испугаться — удивиться толком не смог. В поисках хоть какого-то объяснения на ум приходил разве что фильм «Иван Васильевич меняет профессию».

И ответил он скорее машинально:

— Никакой я не князь. Я первый секретарь ЦК Компартии Украины. У нас нет ни князей, ни царей. А вы кто?

— Не будь ты князем, — усмехнулся сидящий, — мы бы не смогли повстречаться. Течет, течет в тебе кровь Рюриковичей. Впрочем, не это важно.

— И как все это понимать? — спросил Щербицкий, решив пока не акцентироваться на странных словах босоногого старика и кивая на «электрический занавес» и на застывших за ним людей.

— Очень просто. Мы с тобой ненадолго отгорожены от твоего времени, — пояснил волхв. — После того как мы переговорим, ты возвратишься обратно — так, что никто ничего не заметит, да и сам ты позабудешь о нашей встрече.

— Зачем же тогда все это понадобилось?

— Ты должен выслушать меня и принять решение. Остальное — не важно.

— Какое еще решение?

Щербицкий почувствовал, как им овладевает раздражение. Если это какой-то дикий,

нелепый розыгрыш, то организован он на уровне киностудии Довженко. Первый секретарь ЦК Компартии Украины двинулся в сторону стены, но его словно окутала вязкая жижа: он вроде бы и шевелился, но не мог сделать ни шагу.

— Послушай меня, — волхв поднялся со своего импровизированного сиденья. Он оказался сухопарым и очень высоким, на полголовы выше Щербицкого. — Просто послушай, а потом я постараюсь ответить на все твои вопросы.

Резанувшая сперва фамильярность незнакомца теперь, как ни странно, не возмущала, хотя Щербицкий давным-давно уже не мог позволить обращаться к себе на «ты» никому, кроме домашних (ну, и Леонида Ильича, разумеется). Однако сейчас это не имело значения — Щербицкий обладал острым, пронизательным умом, умел смотреть на вещи незашоренным взглядом и понимал: все, что с ним сейчас происходит, находится за гранью привычной реальности и никоим образом не соответствует материализму марксистско-ленинской философии. «Впрочем, — подумал он, — любому, даже самому, казалось бы, невероятному явлению всегда можно найти объяснение».

— Говори, — кивнул Щербицкий, отметив про себя, что тоже перешел на «ты».

Речь волхва была странной. Он использовал множество незнакомых слов и выражений, но Щербицкий все отлично понимал, потому что в его мозгу вдруг объявился невидимый переводчик.

— Одиннадцать тысяч лет назад, когда обитатели здешних мест охотились на мамонтов и строили хижины из их костей, на Землю обрушился метеоритный дождь...

* * *

Хууммы шли вдоль реки. Они ступали тяжело и уверенно, попирая волосатыми колоннами ног мягкую землю и мерно покачивая изогнутыми бивнями. Могучие звери не боялись никого и ничего — кто осмелится встать на их пути? И все-таки вожак стада был настороже — окружающий мир сам по себе всегда таит опасность, таков суровый закон бытия.

Влажный ветер дул со стороны реки, не принося с собой пугающих запахов. Опасность угнездилась с другой стороны: за камнями длинной скалистой гряды, окаймлявшей речную пойму, прятались двуногие — люди, внимательно и жадно следившие за шествием мохнатых гигантов. Один-единственный хуумм — это много-много мяса, которого хватит на весь клан, это шкура, это бивни и масса других полезных вещей. Вот только как его добыть? Дубины, утяжеленные камнями, кремневые копья и стрелы с костяными наконечниками — все это для хууммов не более чем комариный укус, и на открытом месте охотнику-человеку нет спасения от разъяренной живой горы. И все-таки люди, имевшие самое сильное оружие Вселенной — разум, — научились брать эту заманчивую добычу.

Хууммы ходили по твердой почве, избегая коварных болотистых низин, которые в изобилии оставлял за собой отступавший к северу ледник, и люди с бесконечным терпением выслеживали тропы волосатых исполинов. Выслеживали, а потом копали на этих тропах глубокие ямы, маскируя их настилом из ветвей и устанавливая посередине ловушки — торчком — бревно, заостренный конец которого был обожжен на огне до каменной твердости. И терпеливо ждали, зная, что не завтра, так послезавтра, не послезавтра, так через несколько дней грузный зверь непременно попадет в хитрую западню. А иногда, когда ожидание это становилось слишком долгим, а голод уже хватал за горло, люди выходили на облаву и гнали шерстистых великанов к ловушке, пугая их шумом и главное — огнем, которого боялись все без исключения звери равнины. Но сегодня в такой облаве нужды не было: стадо хууммов неспешно

шло туда, где давно уже ждала добычи обширная ловчая яма. А когда хуумм провалится в яму, он обречен: вылезти из нее зверь не сможет и рано или поздно умрет, напоровшись на бревно, вскрывшее ему брюхо, и забитый камнями, которые без устали будут метать в него мускулистые руки людей.

Охота обещала быть удачной, но старший охотник, Каменный Клык, прозванный так за то, что в отчаянной схватке он, сломав копье, перегрыз зубами горло матерому волку, был сумрачен. Каменный Клык, могучий воин с гривой густых черных волос, словно свитый из тугих жилистых мышц, стал вожаком клана не только за физическую силу и выносливость, но еще и за недюжинный ум и смекалку. И сейчас умение размышлять стало причиной его беспокойства.

Мир, простиравшийся вокруг от горизонта до горизонта, от реки до лесов и от степей до границы ледника, был хорошо знаком людям: они знали все его звуки и запахи, различали следы и жили с этим миром одной жизнью, выживая и погибая, становясь то добычей, то охотниками. Понятия этого мира были просты и незатейливы, и люди за сотни поколений усвоили их. Это помогало удержаться на тонкой грани между жизнью и смертью, и люди удерживались и постепенно расширяли узкую охотничью тропу до дороги, по которой пойдет будущее человечество, оплачивая каждый шаг в неведомое своими жизнями.

Неведомое начиналось за горизонтом, где никто из племени не был, и еще — прямо над головой, в небе, служившем обителью духов. И в небе этом в последнее время творилось недоброе: полыхал огонь, и ночами, раздирая небосвод огненными лентами, падали звезды, сотрясая испуганную твердь. Каменный Клык советовался с шаманом, но тот не сказал ничего определенного: он сам был в смятении, это не укрылось от опытного взгляда вождя. В другое время старший охотник приказал бы немедленно сниматься и уходить, переносить стойбище за реку, подальше от мертвых звезд, рушащихся на землю, но в дни звездопада охота была плохой. Звери бежали из этих мест, в стойбище иссяк запас мяса, и отправиться в путь на голодный желудок означало потерять по дороге множество — если не всех — женщин и детей. Клан мог остаться без будущего, без новых охотников и новых жен, чего Каменный Клык допустить не мог. И поэтому он скрепя сердце вывел всех мужчин на охоту — добыть хуумма означало спасти племя.

Духи, похоже, смилостивились: стадо идет прямо туда, где приготовлена ловушка, и сворачивать не собирается. Каменный Клык издал невнятное глухое ворчание, но охотники поняли вождя и с бесшумной ловкостью хищников начали перемещаться вдоль скального гребня, не спуская глаз с вереницы мохнатых исполинов. А стадо хууммов тем временем дошло до излучины, где река делала крутой поворот, и приостановилось: хуумм, шедший первым, что-то почуял и замедлил шаги, приняхиваясь и прислушиваясь. Старший охотник затаил дыхание: неужели... Нет, вожак стада поводит лобастой головой, взмахнул хоботом и пошел дальше. Шаг, другой, третий, и... Хлипкая зеленая кровля, маскировавшая ловушку, подалась под тяжестью огромного тела, и хуумм провалился в западню — так, что из ямы торчала только его голова с длинными загнутыми бивнями и судорожно извивающимся змееподобным хоботом. Зверь испустил трубный рев; стадо шарахнулось, толкаясь крутыми боками и разворачиваясь. Хуумм, угодивший в ловушку, затрубил снова, и ответом на его крик стало громовое эхо, раскатившееся над всей равниной.

Небо вспыхнуло. Ослепительное пламя съело серые тучи, и огонь затопил небеса от края и до края. Скрежещущий грохот раздирал уши, но старший охотник все-таки услышал испуганные вопли соплеменников: испытанные воины, не боявшиеся вступать в бой со злобным пещерным медведем и львом, бросились врассыпную, гонимые самым сильным человеческим страхом — страхом перед неведомым. Этот страх терзал и самого Каменного Клыка, но вождь

нашел в себе силы зычным окриком остановить перепуганных охотников, а ближайшему хорошенько врезать по загривку. Внизу, в яме-ловушке, ворочался пойманный хуумм — гора мяса, жизнь всего клана, и бежать, бросив такую добычу, означало обречь род на голодную смерть. Да, небесный огонь — это тоже смерть, но смерть возможная, тогда как смерть от голода — это смерть верная. И вождь, вскочив на ноги, криком остановил бегущих охотников — они пришли в себя и, поминутно бросая испуганные взгляды на пылающее небо, начали спускаться по скалам вниз, к яме-западне, на ходу подбирая увесистые каменные обломки.

С небес пролился огненный поток. Земля вздрогнула, и вожаку показалось, что небо падает на твердь и что оно вот-вот раздавит на ней все живое, от птиц до могучих хууммов. Впереди, в нескольких сотнях шагов, взметнулась туча серого дыма, над головой Каменного Клыка пролетели комья вырванной земли. Зловещее облако не перекрывало дорогу к яме, в которой неистово бился и трубил хуумм, но оно было рядом и угрожало: чтобы добраться до добычи, охотникам надо было пройти по краю клубящейся дымной тучи, расползавшейся по земле и глотавшей траву и кустарник.

Сердце вожака билось так, как будто норовило выскочить из груди. Охотники за его спиной молчали: они не бежали, но и не осмеливались идти вперед. И тогда Каменный Клык сделал первый шаг — один из множества шагов по долгой дороге рождения человечества. И вслед за ним медленно и осторожно двинулись его люди.

Серая туча больше не расползалась — наоборот, она редела, оседала и понемногу рассеивалась. Старший охотник шел вперед, сжимая копье: клан должен жить, и ради этого вождь готов был сразиться даже со злыми духами.

Под ноги текли дымные змейки. Каменный Клык почувствовал жар, истекавший из глубины серого облака: значит, небесный огонь горит, и приближаться к нему смертельно опасно. И еще он почувствовал зло — *нездешнее* зло. Полуобернувшись, вождь выразительно махнул рукой: не подходить! Охотники поняли: они один за другим стали огибать дымную границу. Старший охотник принялся. Ничем особенным не пахло — горят листья и трава, запаха сожженной плоти нет, — но в глубине тучи явно что-то таилось, и насколько это *что-то* могло быть опасным, вожак не знал. И тогда Клык несколькими гортанными выкриками послал своих людей к ловушке — добивайте добычу, пока она не досталась другим, — а сам пошел вперед, вслед за отползавшими и всасывавшимися в мокрые мшистые кочки серыми дымными змеями: он должен быть уверен, что из колышущегося дыма никто не выскочит и не нападет на охотников, занятых добиванием хуумма.

Дым редел. Из-под его тускнеющей завесы проступили глыбы вывороченной земли, сожженный кустарник, дымящиеся каменные обломки. Вождь шел, пока не увидел впереди громадную яму, из которой вытекал дым; земля здесь расплескалась, словно грязь, в которую бросили камень. А через три удара сердца старший охотник, подойдя ближе, к самому краю ямы, увидел этот камень: черный и казавшийся раскаленным — теперь стало понятно, откуда идет жар.

Камень был странным: он имел форму правильного круга не меньше человеческого роста в поперечнике и в локоть толщиной. Вожак не ощущал поблизости присутствия ничего живого — в яме был только этот камень, медленно остывавший и понемногу светлевший. И все-таки Каменный Клык не мог уйти: каким-то неведомым чутьем он чувствовал смутную угрозу, затаившуюся где-то рядом. За его спиной уже вовсю раздавались крики охотников и тупой хряск камней, врезавшихся в голову хуумма: люди, забыв о страхе перед неведомым, спешили прикончить пойманного косматого исполина. Место старшего охотника сейчас там, рядом с сородичами, а небесный камень — он лежит себе в яме и никому не угрожает. Да, это занятно, но главное — хуумм, которого надо добить и разделать, чтобы род жил. И Каменный Клык,

пятасть, отступил от дымящейся ямы, торопясь к другой яме — к западне, где ворочался обреченный хуумм.

...Через несколько часов все было кончено. Волчья Лапа, второй охотник племени, который станет первым, когда Каменный Клык уйдет к предкам (если, конечно, предки еще до этого не призовут к себе самого Волчью Лапу), исхитрился всадить копье в маленький глаз оглушенного камнями хуумма и пробил мозг великана, избавив его от мук долгого умирания на остром бревне. А после этого люди с муравьиной сноровкой принялись разделять тушу, срезая с нее огромные куски мяса, которые тут же уносились в стойбище: пировать рядом с ямой, в которой лежал таинственный небесный камень, не хотелось никому. Вереница носильщиков — вождь поднял всех, в том числе женщин и детей, — сновала туда-сюда между ямой-западней и стойбищем, и мало-помалу все самое ценное было перетащено подальше от упавшего с неба каменного диска. Но все это время старший охотник, чутко слушавший тишину, ощущал дыхание неведомой опасности, исходившей из оставленной небесным камнем пробоины в земной тверди. И когда последняя группа людей, взвалив на плечи бивни хуумма, двинулась к стойбищу, ощущение этого дыхания сделалось вдруг злым и острым.

Каменный Клык почувствовал леденящий озноб, и шаман, стоявший рядом, тоже почуял недоброе и прошептал:

— Злой дух...

— Уводи людей, — резко бросил вождь, — прикрой их своими амулетами, а я...

И, не договорив, шагнул к яме с камнем, откуда все еще сочился серый дымок.

Он шел, до судорог в пальцах сжимая древко копья, шел, потому что он был вождем и должен был позаботиться о своих соплеменниках: если в яме с камнем-диском прячется злой дух, старший охотник должен встретить его первым. Нет, Каменный Клык не надеялся одолеть бестелесную тварь, но он мог хотя бы ее отвлечь, чтобы все его люди успели уйти. И он шел вперед, несмотря на то, что каждый шаг давался ему с огромным трудом.

Присутствие чего-то — или кого-то? — непонятного вождь ощутил, не дойдя до ямы шагов тридцать. Нечто невидимое, неосязаемое, скользило-перетекало совсем близко, где-то рядом, и это *нечто* угрожало. И тогда старший охотник, оскалившись и зарывав, ударил пустоту копьем, со свистом пронзив податливый воздух. И пустота ударила в ответ.

Сердце человека сжала ледяная рука и сдавила, прекращая его биение. Ноги вождя подогнулись, но умер он раньше, чем упал на землю. Каменный Клык уже не видел, как его люди, подгоняемые криками шамана и Волчьей Лапы, торопливо бежали по спасительной тропе, с каждым шагом удаляясь от раны, нанесенной земле упавшим с неба камнем...

Воины вернулись за телом вождя на закате: вернулись, преодолевая страх. Злого духа поблизости не было — во всяком случае, шаман его не чувствовал. Подхватив окоченевший труп, охотники торопливо вернулись в становище, где Каменного Клыка, сразившегося с бестелесной невидимой тварью и доблестно павшего в неравном бою, предали земле.

Мертвого вождя опустили в неглубокую могилу, посыпали порошком красной охры, положили рядом охотничье копье и прикрыли тело лопаткой хуумма. Отдавая дань мужеству вожака, в его могилу уложили и кусок бивня: так род благодарил того, кто умер, чтобы жили остальные.

А утром, переждав ночь, полную опасностей, клан снялся и ушел за реку, к новым местам охоты. Там охотились другие кланы, и без боя они не уступят чужакам свои уголья, но другого выхода не было: клан должен был уйти как можно дальше от места, где поселился злой дух-убийца. А схватка с себе подобными — что ж, это бой на равных, исход которого решат стрелы с костяными наконечниками, каменные копья и топоры, сноровка, ловкость и сила воинов. Небо решит, кому жить, а кому умереть — кому уйти к предкам, а кому и дальше топтать землю, на

которой пасутся стада могучих хууммов.

* * *

Пришелец, всецело поглощенный изучением нового мира, в котором он оказался, не обратил внимания на аборигенов. Абсолютно чуждый всему, что его здесь окружало, он убил Каменного Клыка мимоходом — так, как человек топчет муравья, даже не замечая, что под подошву кто-то попал. Не заметил пришелец извне и отчаянного взмаха копья с кремневым наконечником — вернее, почти не заметил: этот взмах заставил Бестелесного чуть изменить направление движения. Пришелец из иномирья скользнул стороной, не задев кучку перепуганных людей, спасавшихся бегством: они остались жить, потому что один из них умер. Пришелец не преследовал туземцев, они были ему неинтересны — пришелец изучал новый мир, пробовал его на вкус, слушал его звуки, разглядывал его цвета и осязал твердь нового мира, дорогу в который ему открыл Ключ — тот самый каменный диск, удививший своей формой вождя клана охотников на мамонтов. У призрачного выходца из параллельного мира было много забот, совершенно непонятных разумным обитателями Земли, еще не знавшим, что они не одиноки во Вселенной...

* * *

— Много дней шел каменный дождь, — продолжал волхв, — и неспроста. Падавшие с неба камни были обломками разрушенной планеты, распавшейся по неведомой причине: почему погибла эта планета, мы вызнать не сумели. Зато мы узнали и постигли, что среди камней этих были особые, пропитанные волшбой, или, — волхв улыбнулся одними губами, — обладающие свойствами, неизвестными науке. Одни из них были большими, другие поменьше, но все они имели форму диска, как и этот, — он кивнул на мельничный жернов, — и все они каким-то образом воздействовали на пространство и время, пронзая их.

— Фантастика какая-то... — пробормотал Щербицкий.

— Нет, князь, не фантастика и не сказка. В них, камнях этих, заключена удивительная сила: человек, стоящий возле одного камня, может читать мысли другого человека, стоящего подле такого же камня, пусть даже между ними тысячи верст пути. И еще они перекачивают между мирами энергию — одного такого камня хватит, чтобы освещать и обогревать целый город, если, конечно, знать, как взять его силу. Линия электропередачи, по-вашему.

«Прямо каменные реакторы какие-то», — подумал Щербицкий, но промолчал.

— А самые большие камни, вроде этого, позволяют путешествовать между разными мирами так же просто, как перейти из комнаты в комнату. Это ключи — эти камни создают «пространственные двери» или, как их станут называть в будущем, порталы. И через порталы эти Землю стали посещать существа из других миров.

— Марсиане со щупальцами? — иронически осведомился Щербицкий, припомнив прочитанную когда-то уэллсовскую «Войну миров».

— Не марсиане, — волхв не обратил никакого внимания на иронию первого секретаря, — а жители других измерений. Миров множество, князь, они вложены один в другой, как матрешки. Из одного мира в другой можно пройти через двери-порталы, открытые камнями-ключами, и приходили к нам через эти двери твари неведомые, бестелесные.

— Опасные? — спросил Щербицкий, поневоле проникаясь серьезностью собеседника. —

Враждебные?

— Как сказать, — волхв пожал плечами. — Враждебны ли человеку волна морская, ветер буйный или грозовая туча? Опасны — да, если стать им поперек дороги, но не враждебны. И могут они служить людям, подобно ветру, несущему ладью по волнам, — надо только суметь с ними договориться. Так и эти существа, пришедшие к нам из неведомого. Они разумны, но разум их так сильно отличен от нашего, человеческого, что понять друг друга нам очень трудно, почти невозможно. Сами по себе эти твари, дети таинственного бессолнечного мира, непостижимы — они незримы, не имеют формы, изменчивы, как текучая вода. И они могучи, князь, невероятно могучи — если бы они захотели, они легко уничтожили бы на Земле все живое одним своим дыханием. К счастью, это им не нужно — им вообще ничего от нас не надо: они пришли к нам, движимые одним любопытством, коим обладает любой разум. Были жертвы, но твари убивали не со зла — огонь ведь жжет руку не потому, что хочет это сделать, а по оплошности того, кто сунул ладонь в пламя. И во многих землях нашего мира мудрые люди сумели найти с Бестелесными общий язык и получили от них бесценный дар: знания. Многие древние народы создали свои цивилизации, основываясь на этих знаниях, и все шло хорошо, пока несколько тысяч лет назад, когда в Египте строились великие пирамиды, одна тамошняя тайная секта, проникнув в тайну небесных ключей-дисков и узнав, кто такие есть таинственные пришельцы и откуда они явились, не замыслила черное дело...

* * *

Палящее солнце стояло в зените, и влажное дыхание великой реки не могло смягчить зной. Все живое в этот час прячется в тень, ища спасения от жары, и трудно приходится тому, кто вынужден в это время работать, надрывая мышцы и обливаясь потом.

Человек в белой одежде, со свободными складками, сидевший под навесом на плетеном стуле, явно не принадлежал к тем, кто вынужден трудиться ради заработка для пропитания или понукаемый плетью свирепого надсмотрщика. На холеных руках его не было застарелых мозолей, а взгляд холодных серых глаз был взглядом человека, привыкшего властвовать. На тонких губах сидевшего застыло выражение презрительной брезгливости к тем, кто ниже его, хотя выражение это не сразу бросалось в глаза, — надо было приглядеться, чтобы заметить пренебрежительную гримасу и понять ее смысл.

«Властители воздвигают себе величественные гробницы, — думал он, вглядываясь в контуры пирамид, — заботясь о жизни за гранью земного бытия. Они надеются обрести свое бессмертие там, тогда как бессмертие это можно обрести и здесь — надо только знать, как это сделать. Их власть призрачна и преходяща, несмотря на все их усилия сравняться с богами, и кончается, как только последний вздох покидает брненное тело фараона, который умирает точно так же, как простой крестьянин или грязный раб. А наша власть, которой мы добьемся, будет истинной и вечной — весь этот мир ляжет нам под ноги. Дорога к этой власти займет века и тысячелетия, но в конце концов мы достигнем своей цели, и тогда... А пока пусть эти глупцы тешатся мнимым величием, не зная ничего о настоящем величии, и надеются на загробное бессмертие, не ведая о бессмертии подлинном, осязаемом, достижимом. Знания Бестелесных воистину сакральны, и владеть этими знаниями должны только мы, adeпты истинной веры и дети истинного Бога, попирающего стопой всех многообразных божков разных племен и народов. Дорога к вершине длинна, но ее осилит идущий, а все камни с этой дороги должны быть убраны. Да, камни, диски-ключи, упавшие с неба... Мы постигли их тайну, но ее могут постичь и другие, чего допустить нельзя. И главное — двери в иномирье должны быть заперты

навсегда».

От размышлений человека в плетеном кресле оторвал шорох шагов. На дорожке меж финиковых пальм появился молодой человек в белой юбке и светлой накидке, торопливо шедший, почти бежавший к навесу. Приблизившись, он поспешно склонил бритую голову перед человеком, сидевшим в кресле.

— Да пребудет с тобой сила Бога, светоч, — произнес юноша. — Ты звал — я пришел.

— Хорошо, — небрежно уронил сидевший, слегка приподняв руку в жесте, отдаленно напоминающем приветственный.

Жрец не предложил пришедшему сесть, но аколит принял это как должное и остался стоять в позе выжидательного внимания.

— Ты не догадываешься, зачем я тебя позвал? — поинтересовался жрец, выждав две-три минуты.

— Твои замыслы недоступны моему пониманию, — почтительно ответил аколит.

— Круглые камни — небесные камни. Ты знаешь, что они такое и какой силой они обладают.

— Знаю, светоч. Это ключи от дверей, ведущих в смежные миры.

— Так вот, — с расстановкой произнес человек в плетеном кресле, — пришло время закрыть эти двери. Для этого надо сломать ключи — пришельцам извне пора преградить дорогу в наш мир.

— Зачем, о хранящий мудрость? Разве мы уже познали все, что ведомо Бестелесным?

— Познать все не под силу никому. Но бестелесные демоны готовы делиться своими знаниями со всеми, кто сумеет найти с ними понимание, и тогда полученное от них наше знание перестанет быть только нашим. Земле волей Бога предназначено стать нашим миром, мы будем его полновластными хозяевами во веки веков, а все прочие народы и люди не должны даже догадываться о том, что есть иные миры и другое знание, отличное от того, о котором будем вещать мы, и другие пути, кроме тех, что указаны нами. Мы отсечем человечество от контактов со вселенским разумом, наденем на людей шоры, скроем от них великое многообразие Мироздания и будем править безраздельно! — в монотонном голосе жреца прорезались зловещие нотки. — Да будет так!

— Что я должен делать?

— Вместе с другими адептами нашей веры ты отправишься в странствие по всей Ойкумене. Вы будете искать и разбивать каменные диски — расколотое каменное колесо теряет свою способность соединять миры.

— По всей Ойкумене? — изумился аколит. — На это не хватит и десяти жизней!

— Не хватит, — спокойно согласился жрец. — То, что не успеете сделать вы, сделают ваши преемники из поколений ваших детей, внуков и правнуков: не важно, сколько для этого понадобится веков и тысячелетий, и сколько человеческих жизней. Двери в иные миры надо закрыть — только тогда мы исполним волю Бога и овладеем Землей. Да будет так! Ты понял сказанное мной?

— Я понял тебя, светоч.

— Тогда ступай и будь готов. Грядет смута — скоро грянет бунт черни и рабов. Этим надо воспользоваться — пока воины фараона станут резать мятежников, ты с группой верных людей проникнешь в святилище на берегу Великой Реки и разобьешь хранящийся там диск. Это будет непросто, — по губам жреца скользнула змеиная улыбка, — ибо камень этот прочен. И знай: многие из вас умрут, прежде чем вы сможете его расколоть. А если в этот момент рядом окажется кто-то из бестелесных демонов, странствующих по нашему миру, умрете вы все. Но камень должен быть расколот!

— Камень должен быть расколот, — эхом отозвался юноша. — Моя жизнь — ничто перед ликом Вечности! Я готов, о хранящий мудрость.

— Ступай.

Молодой аколит склонил голову и уже повернулся, чтобы уйти, но вдруг замер и посмотрел на жреца.

— Дозволено ли мне задать один вопрос?

— Спрашивай.

— Демоны питаются силой через эти камни, принимая энергию своего мира. И через двери между мирами они приходят и возвращаются обратно — что будет, если лишить их пищи и закрыть им дорогу домой? Незримые равнодушны к нам, но не сменится ли их равнодушие на гнев, когда они узнают, что мы разбили камень? А они об этом узнают...

— Узнают. И разгневаются. Но не сразу, — отрывисто проговорил жрец. — А что будет дальше — тебе об этом пока еще не следует знать. Придет час, и ты узнаешь — я расскажу тебе, если ты останешься жив. А пока иди, исполни свой долг.

Юноша еще раз поклонился, и вскоре его стройная фигура исчезла за пальмами.

«Способный мальчик, — думал жрец, провожая его глазами. — Если небо сохранит ему жизнь, со временем я передам ему бразды правления. Он задал хороший вопрос, хотя ответ ему знать еще рано. Бестелесные равнодушны к делам и заботам нашего мира, но когда те из них, которые не смогут вернуться в свой родной мир, узнают, кто в этом виновен... Некоторые демоны умрут от голода, не найдя виновных или дорогу домой через другой портал, — твари тоже смертны, нам это известно; иные впадут в тысячелетний сон, а самые сильные придут в неистовство. Их гнев будет страшен, но обрушится он на те племена и народы, которые так или иначе могут нам помешать, — зло можно направить и заставить служить нам и нашей цели. А если от ярости пришельцев извне вместе с непокорными людьми погибнет и некоторое число адептов нашей веры — что ж, Богу угодна жертвенная кровь. Да будет так...»

...Через несколько дней на берегах Нила началось восстание рабов. Войска фараона беспощадно подавили бунт, но мятежники успели сжечь множество домов знати и жрецов. Пострадало и небольшое святилище, известное немногим: его священный дискообразный камень-алтарь был расколот ударами молотов. Нападавшим явно кто-то пытался помешать — у разбитого камня нашли несколько изувеченных мертвецов, лица которых искажала гримаса дикого ужаса. Впрочем, это мало кого удивило: разрушенных домов насчитывались сотни, убитых — тысячи, и очень многие трупы были изуродованы. Пострадали храмы верховных богов, и никому из власть имущих не было дела до оскверненного храма маленькой секты демонопоклонников, которых почему-то терпел на своей земле владыка Египта. Об этом храме забыли, и по прошествии ряда лет руины его занесло песком пустыни. А смутная легенда о свирепом демоне смерти, вырвавшемся из космической бездны и пожравшем души святотатцев, выветрилась из памяти поколений...

* * *

— И вот, уже на протяжении стольких лет, — закончил свой рассказ страж портала, — приверженцы этого древнего культа рыщут по всей Земле, находят камни-ключи и разбивают их. Их вера требует, — волхв помрачнел, — чтобы человечество было замкнуто и не общалось с другими мирами. Злая эта вера, князь, недобрая, и на погибель роду людскому она родилась...

— Стало быть...

— Да, это тот самый камень. Только он расколот пополам и оттого сделался слишком мал,

чтобы соединять миры.

Щербицкий внимательно пригляделся к жернову и рассмотрел тщательно затертую трещину, пересекающую каменное колесо почти посередине.

— И как же это произошло? — он задал вопрос, уже почти не сомневаясь в ответе.

— Случилось так, что твой далекий предок решил навязать своему народу новую веру. Вместе с греческими священниками в Киев прибыли и тайные adeпты древнего культа. Они изгнали волхвов, а камень раскололи. А было это так...

Глава 3

Свергавшие богов

Городок, в котором живет уже четвертое поколение киевских великих князей, стоит на высокой днепровской круче, оттого и прозывается Вышгородом. Отсюда вверх по Днепру, от Межигорского урочища и до самой Припяти, тянутся глухие черныбыльские леса. Внизу, до Почайнинской чащи, лежат непроходимые топкие оболони — заливные луга, изрезанные бесчисленными болотцами и протоками. Там, за оболонями, в устье реки Почайны начинается город Киев.

Из-за Днепра, высветляя надменные вежи Вышгородского острога, выглянуло веселое летнее солнышко. Распахнулись ворота, ненадолго открывая стороннему наблюдателю добротные великокняжеские терема, и понеслась в сторону Киева, рокоча копытами, полусотня оружных конников в дорогих парадных одеждах, в одном из которых любой житель Киева и окрестных селений без труда признал бы князя Владимира.

От Вышгорода до Киева можно добраться двумя путями. Первый — водный, по судоходному рукаву, который ответвляется от Днепра неподалеку от княжьего острога, огибает оболонские заливные луга и, расходясь в удобную глубокую гавань, возвращает свои воды широкому ленивому Борисфену. Другой путь — посуху, вдоль поросших сосняком песчаных берегов малой речки Ирпень, через Водицкую пущу. По воде добираться до Киева лучше, чем посуху: быстрее и вольготнее. Любо великому князю путешествовать на собственной ладье: знай сиди и осматривай живописные берега, пока гребцы налегают на весла. Можно по дороге и важный разговор провести, и поесть без спешки, и о делах подумать. Да, глядишь, и с прихваченной в дорогу теремной девкой время скоротать... Вот только многолетний опыт княжения учит князя Владимира, что самый короткий путь — не всегда самый верный.

В столь важный день тысячи киевлян и десятки иноземных посланников будут наблюдать, затаив дыхание, за каждым его жестом, вслушиваться в каждое произнесенное слово. Как прибыл князь, на каком коне, во что одет, кто по правую его руку скачет, а кто по левую... Каждый чих его белого хазарского скакуна суеверные язычники-киевляне и столь же суеверные христиане-греки будут истолковывать как знамение, а посему не годится великому князю киевскому, который есть кровь от крови этих земель, водой на торжество прибывать. Любое большое судно, что движется с верховий Днепра, сторожкие киевляне всегда разглядывают с тревогой: товар ли привезли тороватые новгородские гости или снова пожаловали на вик, то есть по-ихнему на грабеж, кровожадные свены и даны? Встретить-то встретят, но осадок нехороший останется.

Великий князь представил себе, сколько радости будет посланнику базилевса, Никите Афинянину, когда тот в письме к своему повелителю начнет, возомнив себя едва ли не ромейским летописцем Светонием, описывать тревожные знаки, сопутствующие последним приготовлениям женитьбы «архонта Владимирова» (как он упорно за глаза называет его, христианского правителя Руси, в своих письмах, каждые две недели тайно отправляемых в Константинополь) с единственной сестрой императора, порфирородной принцессой Анной.

Конного пути от Вышгорода до Киева — полдня, оттого и вышли с рассветом, чтоб народ киевский зря не держать. Воевода, хоть кол ему на голове теши, непременно соберет горожан с утра и заставит ждать под присмотром охраняющей город дружины.

Отряд вылетел к ирпенскому броду. По приказу князя всадники, чтобы не забрызгать парадных одежд, осадил коней и перешли с широкой рыси на ровный шаг. Макнув носки дорогих сапог и живот коня в прохладную воду, Владимир пересек реку и вместе со всеми

углубился в звенящий редколесный сосняк.

В воздухе пахло травой и хвоей. Владимир глядел на рассыпавшихся по лесу всадников, вспоминая бурные события последних десяти лет. Все, кто сопровождал его в этой поездке, от убеленных сединами ближних бояр и до безусых гридней малой дружины, были самыми верными и надежными его людьми, и каждый из них служил ему живым напоминанием о том, как юнец-изгнанник стал великим князем, которому теперь платят дань семь славянских народов, чьи земли превышают по размерам владения франкского короля Гуго Капета и германского кесаря-императора Оттона, вместе взятые.

Шагах в десяти от князя, щурясь на бьющие сквозь кроны солнечные лучи, подхлестывает пегого лангобардского жеребца улыбчивый бородатый дан с наголо обритым черепом. Это Сонгвар, бессменный охранник Владимира еще с тех времен, когда он, никому не известный юноша, изгнанный старшим братом с новгородского стола, пришел за военной помощью к дальней родне в деревянный городок Эльсинор, или, как его называют сами даны, Хельсингер. На груди у Сонгвара сияет двухфунтовый золотой крест, а в седельном чехле ждет своего часа боевая секира каленой стали, что пробивает доспех, словно тонкую ткань. Крест и конь — трофеи, взятые в Херсонесе, а секира, клейменная знаком княжьего рода, руной конунга Рерихта, — подарок Владимира. Выбитый на вороненой щеке тризуб, а на самом деле сложивший крылья и камнем несущийся вниз на добычу сокол, говорит о том, что ее бритвенно-острое лезвие, вышедшее из-под молота киевского коваля Людоты, сделано по особому князьему заказу и стоит намного дороже знаменитой фряжской стали.

Но не мастерским владением секирой в бою заслужил Сонгвар княжий подарок, а тем, что готов он, не рассуждая, обрушить ее на того, на кого укажет «конунг Вальдомир», будь то дядя Сонгвара, Рутвор, либо единокровный брат Владимира, Ярополк.

Отбросив недобрые мысли о прошлом, князь обратил взор в ближайшее будущее. Для свенов и данов он пока еще конунг, удачливый предводитель разбойничьих набегов. Для ромеев — архонт, вождь варварского народа, угрожающего имперским фемам и имперской торговле. Для живущих в лесах славян — берущий дань воитель, не хуже и не лучше тех же хазар, меньшее из многих зол. Но не пройдет и нескольких лет, как для ромеев, варягов, славян и даже для правителей далекого Запада он, свойственник ромейского императора, назовется кесарем Василием, стоящим во главе обустроенной единой державы, а его дети, в жилах у которых будет течь бесценная кровь константинопольских базилевсов, по происхождению и могуществу станут первыми среди равных в христианском мире.

Князь оторвался от приятных мечтаний, когда отряд вышел к берегам говорливой и своенравной речки Глыбочицы, за которой угрюмо чернела непроходимая Почайнинская чаща, главная нынешняя забота князя.

Киев исстари город вольный. Здесь каждый может исповедовать свою веру: помимо десятков больших и малых капищ имеется и греческая церковка, и небольшая мечеть, и даже оставшийся со времен хазарского владычества иудейский молитвенный дом. Есть здесь и латинская церковь, и даже маленькая община персидских купцов-несторианцев. Но большая часть горожан — язычники. И едва ли не все они, помимо родовых и семейных богов, непременно приносят жертвы покровителю города — Велесу. И вот именно там, в глубине Почайнинской чащи, за плотной стеной деревьев, меж которых теснятся колючие кусты ежевики, стоит почитаемое Велесово капище, камень преткновения для всех христианских проповедников.

Все дело в том, что Киев — град особенный. В отличие от Новгорода, Булгара и даже Херсонеса он напитан древними поверьями и какой-то необычной, волшебной силой, благодаря которой здешние ремесла процветают, словно этот затерянный в лесах форпост и впрямь

находится под опекой одного из могущественных языческих богов, посвящающего здешних жителей в недоступные простым смертным секреты. В горшках, сделанных мастерами Глыбочицкой слободы, вода сохраняет прохладу в жару и никогда не тухнет. Стекланные бусы, непременно украшение любой киевлянки, привозимые раньше из Константинополя, делают теперь здесь намного лучше, чем в армянских кварталах ромейской столицы, и нет мягче сафьяна, чем тот, что выделан искусниками с Кожемяцкого ручья.

Ромеи и их священники, тыча пальцем в Библию, где первой заповедью Моисеевой прописано: «Не сотвори себе кумира», постоянно требуют, чтобы князь все языческие капища уничтожил, а волхвов разогнал. Но горожане уверены, что им покровительствует сам Велес, потому его жрецы — люди очень влиятельные, и ссориться с ними князю нельзя никак.

Царьградских волхвов Владимир начал привечать недавно. Привез их с собой из похода на Херсонес и, как новокрещенный, приказал устроить обряд «убиения» своего родового бога Перуна. Тяжелую колоду из столетнего дуба, указанного ведунами и срубленного в первую новолунную ночь после осеннего равноденствия, привязали к коням, прилюдно отволокли к Днепру, под стоны специально назначенных плакальщиков избивая по дороге железными прутьями, и сплавили по реке. Обряд этот для местных жителей был привычным и понятным — его проводили, сменяя по тем или иным причинам бога-покровителя, не только здешние поляне и кривичи, но и пришлые норманны, а любой дан верит, что бог, уплывший, словно ладья с погребенным викингом, непременно попадает в Валгаллу. Однако греки что послы-соглядатаи и прикатившие в обозе корсунские священники, ничего не понимали в чуждых для них верованиях и приняли все действо за чистую монету.

Казалось бы, сделано дело, но нет. Теперь требуют греки, чтобы он, Владимир, вслед за своей княжьей кумирней разорил и Велесово капище в Почайнинской чаще, о чем ему прямо сказал странный и очень опасный (это чувствовалось) человек, прибывший вчера в Киев в свите византийской принцессы. Он сразу не понравился князю уже одним своим внешним видом. Яйцевидная голова, тонкие злые губы, мясистый нос, к которому сходятся домиком глубоко посаженные близорукие глаза, большие уши с длинными, словно серьги, мочками и оттопыренными верхушками выдавали в нем представителя одного из многочисленных и не слишком воинственных восточных племен, но слова, которые он произносил вяловатым блеющим голосом, таили явственную и почти неприкрытую угрозу. «Я и шестеро моих помощников, уважаемый князь, прибыли сюда для того, чтобы во славу Христа уничтожить капище Велеса. Велес — языческий бог торговли, изображаемый в виде быка, а ведь Святое писание ясно говорит о том, что все поклоняющиеся Золотому Тельцу будут страшно наказаны истинным Богом. Нужно убить жрецов Велеса и расколоть тот камень, который они прячут в своей чаще...»

На нелепое требование князь ответил туманно. Мол, вот на днях покрестим киевлян, потом свадьбу с Анной на Горе отгуляем и только после этого одно за другим начнем капища разрушать... То, что Почайнинскую чаще он трогать и в мыслях не имеет, князь опасному человеку не сказал. У тонкогогубого ушастика свои дела и свои приказы, пусть сам их и выполняет, ибо ему, князю, после такого святотатства не удержать киевлян от бунта.

...К тому времени, когда Владимир обдумал все предстоящие дела и принял окончательное решение, за урочищем Желань загорбились кабаньими спинами камышовые крыши подольского предместья.

Зачиняй, гончар из Глыбочицкой слободы, невесело поглядел на дружинников, оцепивших толпу горожан частым охотным загоном, и торкнул воду босой ногой. Вода, в которую предстояло залезть для совершения нового обряда, была прохладной, хотя, конечно, не ледяной, как в весенние игрища на купальские проводы Мары.

О новой затее Владимира глашатаи раскричали еще со вчера. Мол, все от мала до велика, кто живет в слободах окрест Киевского детинца, должны назавтра поутру собраться под Боричевым взвозом, чтобы поклониться новому князьему богу. Про греческий обычай водяного крещения Зачиняй, по всегдашней своей дотошности, сразу же распытал соседа, Ломка Кожемяку, — тот вслед за своим отцом, не единожды бывавшим в Царьграде, молился Христу и вместе с другими обитателями заможной гончарно-кожемяцкой слободы ходил в особый дом, отстроенный греческими волхвами в городском предместье и рекомый Ильиным храмом.

Самым тяжким для приятеля оказался вопрос о числе греческих богов. Кожемяка сперва пробовал повторять наизусть какие-то то ли заговоры, то ли скоморошьи сказки, услышанные от греков, а когда два отрока из городской стражи уже сотрясали ворота, грозясь княжьим гневом всем, кто не пойдет на реку, помявшись, признался, что бог у них то ли один, то ли их три. И так, и эдак говорят в церкви, а им, простым христианам, ничего толком не понять, знай поклоны бей да опускай серебряную денгу в особую кружку.

Еще узнал важное Зачиняй. Оказывается, греческие волхвы со своим богом-богами простому люду говорить не позволяют, а все через себя норовят передать. Жертвенные подношения, не чинясь, забирают и едят, а просьбы к Богу пишут за мзду на кусочках бересты и сами относят в свое капище.

Трудно было уразуметь Зачиняю, как это можно молиться, собравшись скопом и забившись в четыре стены? Праздники, гульбища, проводы Ярилы, Купальский день, Маслена — это понятно, они справляются всем миром. А вот тайный разговор со своим родовым богом-покровителем искони был у полян делом особым, прочих людей не касающимся.

Зачем, к примеру, ему, Зачиняю, таскаться в дальнюю даль, на самую Гору, за княжий теремный двор и делать подношения варяжскому богу воев Перуну? Или, обдирая бока о колючие ежевичники, носить мясо и вино в Почайнинскую чашу купеческому Велесу, если ему, с тех самых пор, когда он впервые положил ноги на гончарный круг, помогает сам Хнум? Это Перун, что ли, ведает, как и где искать лучшую глину? Не Велес ли подскажет, водой из какого ручья ее замесить? И уж не Христос ли нашепчет мастеру, каким огнем, большим или малым, нужно обжечь узкогорлые кувшины, чтобы любой напиток, что студеная колодезная вода, что густой кисель, что тягучая медовуха лились в них говорливо и звонко?

Солнце давно поднялось над землей, жаря согнанный люд и городящую берег стражу. В народе начал было расти недовольный ропот, когда со стороны дороги обозначилась кучка богато разодетых всадников, скачущих в окружении доспешной дружины. В стане томящейся городской верхушки сразу же началось шевеление — приехал князь, а стало быть, долгому постылому ожиданию вот-вот настанет конец.

Добравшись до берега, князь Владимир, под приветственные крики бояр и настороженное молчание толпы, расположился со свитой на невысоком пригорке между пристанью и далеко уходящей в Днепр песчаной косой. К нему сразу же подбежали городские холуи и начали о чем-то рассказывать, суетливо размахивая руками. Князь замахнулся плеткой на одного из старшин, тот согнулся в три погибели и замахал руками, словно мельница в бурный день. С пригорка сорвался и помчался вверх по взвозу всадник-гонец, а князь подозвал к себе начальника городской стражи и долго что-то ему втолковывал, то и дело поднося к толстому воеводскому носу свой тяжелый варяжский кулак, затянутый в червленую перчатку из тончайшего сафьяна. «Не соседовой ли выделки княжий сафьян?» — подумал, злорадствуя, Зачиняй. Как раз такие

козьи кожи для перчаток, сапог и кушаков дубит и красит его приятель-христианин.

Гонец, посланный в детинец, споро вернулся назад, и вскоре вниз по крутому взвозу ужом потянулось шествие поющих греков-волхвов в длинных одеждах, сплошь покрытых золотым и серебряным шитьем. Вслед за волхвами шла восьмерка черных, как смоль, заморских рабов, несущих ярко расшитые носилки, в которых, как рассказывал Зачиняю знакомый плотник, что ставил в детинце новый боярский сруб, ездит посланник самого греческого кесаря.

Когда поющая вереница почти подошла к берегу, с пригорка, где стоял, не спешиваясь по варяжскому обычаю, князь, махнула рукой. Греки, хором заголосив, затянули напевную речь и стали надвигаться на толпу, размахивая на ходу дымокурами.

Оцеплявшие берег дружинники поддержули удила и двинули вперед застоявшихся в ожидании коней. Разночинный люд туго и нестройно повалил в воду. «Скидывать рубаху или нет?» — стал соображать Зачиняй. Он оглянулся на знакомого купца, принявшего в далеком Булгаре покровителя торговли, бога Аллу. Тот, сотрясая брюхом и переваливаясь с ноги на ногу, словно откормленный гусь, топал к воде, не снимая дорогих шелковых одежд. Дочь слободской шептуньи и почайнинского волхва, красавица Вторуша, не чинясь, стянула через голову тонкую рубаху, аккуратно сложила ее на песке, тряхнула волосами, золотом разлетевшимися по статной белой спине и, привычно ловя жадные взгляды стоящих близь мужиков, звонко рассмеялась. Так и пошло по всему берегу: кто заголялся без сраму, кто шел к воде облаченным.

Горшечник и охнуть не успел, как был вытолкнут в Днепр едва не по самую шею. Греки запели громче, нутужнее и стали во всю силу окуривать берег. Подержав киевлян в воде, волхвы наконец-то отпели свою песню и, словно опасаясь отместки от мокрых уставших людей, стали отступать под защиту стражи. Кто-то снова махнул с пригорка рукой. Дружинники, словно рыба стая на мелководье, разом повернули коней и разъехались в стороны. Горожане, кто отряхиваясь, кто выжимая полы одежд, начали выбираться на берег.

Зачиняй снял и выкрутил мокрую рубаху. Отряхнул ее, натянул липкий холодный лен, уступил дорогу боярину с огромным золотым крестом на груди, сидящему на чудной черно-белой, с большими пятнами лошади, в седельной сумке которой виднелся страшный стальной топор, и двинул в сторону тропы, что коротким путем через Щекавицкий холм вела огородами в лавку к тому купцу, который торговал его горшками. Нужно было взять денег и купить у ювелира приглянувшееся монисто — после сегодняшнего купания Зачиняй стал всерьез думать о том, что пора уже, наконец, посвататься ко Вторуше.

* * *

Сонгвар из рода Свардов тронул рукой свое новое украшение — золотой нагрудный крест, взятый в одной из корсунских церквей, — и, как приличествует настоящему всаднику, одними ногами двинул вперед подаренного конунгом коня. До пира, который сегодня дает Вальдомир, нужно будет еще успеть заехать к купцу и сговориться о продаже своей доли собранных полюдем мехов.

Окинув взглядом разбредаящуюся толпу, Сонгвар вспомнил, как десять лет назад он, босой шалопай, стащив у деда старую щербленую секиру, тайком, вслед за старшими братьями пришел в Хельсингер, где правнук конунга Рериха набирал дружину для похода на Киев.

Про Вальдомира тогда знали лишь то, что он сын знаменитого Свендослава, и этого оказалось достаточно, чтобы собрать несколько тысяч бойцов. Еще живы были те, кто ходил в походы под началом быстрого, как молния, и невероятно удачливого конунга, сокрушая жирные хазарские города.

По прибытии в русские земли выяснилось, что Вальдомир вовсе не законный наследник Свендослава, борющийся с узурпатором за обруч киевского конунга, как он сам про себя рассказывал, а бастард, сын наложницы, отсиживавшийся в Новом Граде, которого местные купцы решили призвать вместо законного конунга Ярополка, чтобы не платить Киеву торговую дань, и которого выгнали из города Ярополковы люди.

Обо всем этом поведал прибывшей дружине наместник киевского конунга, но даны и свены, поставленные во главе отрядов, посовещавшись, решили, что для затейного дела законность Вальдомировых притязаний — дело десятое, тем более что его мать, как объяснил бывший киевский маршал Добреннар, была не простой наложницей, а, ни много ни мало, хранительницей ключей и наперсницей у самой Хельги, жены конунга Ингвара, которая по смерти мужа много лет правила в Киеве железной рукой. То есть, по понятиям тех же франков, мать бастарда занимала при Хельге почетную и высокую должность мажордома.

Прогнав из Новгорода людей Ярополка, даны взяли с жителей богатые подношения, подошли на драккарах к Киеву, припугнули горожан, и те отворили ворота. Потом вызвали обманом Ярополка на переговоры и убили его. Смерды до сих пор друг другу пересказывают побасенку, будто конунга заманили в комнату под видом переговоров и подняли на мечах за подмышки, но такую чепуху могли придумать лишь городские бездельники, в руках оружия не державшие. Бывшему владельцу Киева дали возможность защищаться с оружием в руках и честно зарубили, словно загнанного тура. Именно тогда он, Сонгвар, и сменил свою старенькую секиру (которая, впрочем, с легкостью вошла в спину Ярополка, пробив кости доверчивого конунга чуть ли не до самого сердца) на подарок Вальдомира — благородное оружие с клеймом Рерихта, ценою двести пятьдесят кун.

Через несколько дней после того, как Вальдомир торжественно возложил на себя золотой обруч правителя, предводители викингов решили отложиться от конунга, чтобы, по праву и обычаю, пограбить сам город и окрестные селения. Однако новый киевский владелец под страхом смерти запретил грабежи. Возмущенные викинги собрали тайный совет, на котором решили зарвавшегося бастарда умертвить, а Киев разорить, чтоб другим неповадно было. Но Вальдомир оказался истинным потомком Рерихта. Оказалось, что он имел среди свенов и данов своих людей, а потому узнал о заговоре еще до того, как вожаки ударили по рукам. Пока старые викинги делили шкуру неубитого медведя, конунг обратился к молодым, посулив им долю от княжьей дани.

Сонгвар был первым, кто принес ему клятву верности на франкский манер: стал на колени и вложил свои сомкнутые ладони в руки конунга. Затем во главе тут же приданного ему десятка ворвался в терем, где держали совет заговорщики, учинил беспощадную резню, а потом вернулся и вывалил к ногам своего нового повелителя свежесеченные головы, одна из которых незадолго до этого сидела на плечах его родного дяди Рутвора.

Глубокой ночью, прознав о расправе над смутьянами, во внутренний двор киевского фронхофа сбежалась, звеня железом, ревушая толпа. Два десятка присягнувших окружили конунга, готовясь защищать его до конца. Но тот решил вопрос миром. Приказал поднять на копьях головы убитых заговорщиков, сам в свете факелов вышел вперед и, пообещав щедрое вознаграждение, предложил всем желающим завтра же отправляться в Константинополь на службу к конунгу ромеев. Служба в гвардии самого могущественного правителя мира — мечта любого данского мальчишки, так что через три дня около пяти тысяч викингов, сменив драккары на легкие челны, отправились к днепровским порогам в поисках новой воинской удачи.

Вначале Сонгвар пожалел, что не пошел вместе со старшими братьями и остальными данами в Константинополь, а остался при конунге. Никакое полюдьё, пусть даже и с таких

богатых лесов, никогда не принесет такую дань, как добрый поход. Но вскоре выяснилось, что жизнь при Вальдомире, ценящем преданных людей, не так уж и плоха. Не прошло и года, как Сонгвар выстроил на Горе большой деревянный дом, набрал из лесных селений собственный отряд молодых охотников, завел два десятка дворовых слуг и поселил в палатах пятерых рабынь-наложниц.

Молиться Сонгвар ходил вместе с конунгом. Вначале к новому главному богу русов, Перуну, потом к Христу. Да только затея князя с единым державным капищем оказалось пустой. Киевляне не бунтовали, но втихаря все делали по-своему. Под палкой били поклоны грозному, но чужому для них божеству, а по ночам, как и прежде, таскали подношения в густой лес, где стоит молельня почитаемого здесь Велеса.

Сонгвар погладил секиру, потрепал за шею коня и поскакал наверх. Во фронхофе заглянул на свой двор, наскоро задрал подол одной из новых наложниц и отправился к купцу.

* * *

Архонт Владимирос, восседавший на снежно-белом арабском скакуне плотно и осанисто, словно на троне, устало махнул рукой, давая понять, что сегодняшнее крещение горожан, последнее звено в цепи сложных, почти десятилетних политических усилий, направленных на укрепление нового русского государства, завершено. Никита по прозвищу Афинянин, императорский посланник при дворе русского архонта, дернул за шелковый шнурок, продетый в серьгу старшего носильщика. Носилки стали плавно вздвигаться вверх, но вдруг пошатнулись, едва не выронив драгоценную ношу, — мимо них, пугая нубийских рабов, в сторону «дворца» пронеслись, щетинясь оружием, злые бородатые всадники.

Хотя эти еще ничего. Говорят, что отец нынешнего русского архонта, Свендославос, вот тот был настоящим зверем. Утопив в крови Хазарский каганат, он вторгся в Болгарию и разгромил ее так, что восточные земли лишились жителей, а западные обратились в имперскую фему. Хочется надеяться на то, что следующее поколение обитателей этой державы, вырванной из лап язычества, приобретет хоть какие-то цивилизованные черты.

Само собой, никто из ромеев не считал, что, приняв крест, русичи немедля повалят в церкви. Но не это важно. Уже при нынешнем поколении по приказу базилевса сюда приедут каменотесы-зодчие, и на месте мрачных деревянных церквушек, больше напоминающих курные избы, встанут гордые храмы. Для народов, не знающих каменных построек, высокие купола и своды — понятное и наглядное чудо. В новых церквях будут проводить богослужения греческие священники. Отсюда потянутся по охотничьим хижинам рассказы о том, как кровожадная язычница Ольга, обратившись в христианство, стала мудрой и справедливой государыней и как ее внук, Владимирос — братоубийца, многоженец, кровосмеситель и блудодей, — воцерковившись, прославил Русь добрыми делами и великими победами...

Брак родной сестры базилевса, порфирородной Анны, с безродным по ромейским меркам северным царьком был ценой, которую потомки Василия Македонянина вынуждены были заплатить за спасение Imperium Romanum. Никита вздрогнул, вспоминая дни, когда восток империи, от Антиохии до Трапезунда, вспыхнул мятежом, войска узурпатора Варды Фоки, не встречая сопротивления, надвигались на беззащитный Константинополь, а Болгария и таврический полис Херсонес объявили о своем выходе из империи. На письма с просьбой о военной помощи, разосланные тогда по обычаю всем дружественным соседям, откликнулся один лишь русский архонт. В ответном послании он соглашался немедленно посадить в моноксилы и отправить в распоряжение базилевса всех своих варангов. Просил за это совсем

чуть-чуть — «всего лишь» принцессу Анну. И хотя среди патрикиев согласие базилевса вызвало бурю возмущения, Никита его не осуждал. Он и сам в те дни на месте императора был бы готов, ради спасения династии и державы, отдать родную сестру не то что недавно крещенному язычнику, а хоть в гарем багдадскому халифу!

Горько об этом думать, но судьбу тысячелетней империи тогда решила горстка разбойников. В голове не укладывается, как шесть тысяч варангов, по сути, вспомогательный отряд, разгромили отборную армию, державшую в страхе всех восточных эмиров. Но цена этой победы оказалась страшной и непомерно высокой.

Владимирс, заполучивший в жены единственную сестру базилевса, в чем раньше было отказано и германскому императору Оттону, и Роберту, сыну франкского короля Гуго, теперь не скрывает своего торжества. Он возлагает большие надежды на то, что дети его и Анны смогут породниться с самыми знатными владетелями христианского мира и создадут собственную монархическую династию. Только этим чаяниям русского архонта не суждено воплотиться в жизнь.

Потому что не далее как вчера вечером именно ему, Никите Афинянину, неприятный человек, прибывший в Киев из далекой Птолемиады под видом слуги одного из херсонесских священников, передал бутыль черно-багрового, словно свежая кровь, прославленного еще Горацием знаменитого фалернского вина, которое так любит принцесса Анна. В тайном послании императора, написанном на тончайшем шелковом платке, вшитом в одежды акрского эмиссара, даны четкие распоряжения, которые невозможно истолковать двояко. Человек, доставивший бутылку вина, судя по чертам лица, был родом то ли из Египта, то ли из моавитянских земель. Он представитель очень закрытой секты, которой известны давно утраченные секреты фараонов. Переданное им вино содержит особый яд — даже не яд, а зелье, которое не убьет принцессу Анну, но сделает ее навсегда бесплодной. Потому что базилевс, чтобы спасти империю, может и должен прибегнуть к военной помощи варваров даже ценой неравного брака, но племянники правящего владетеля, прижитые его сестрой от безродного северного архонта, для блага великой Ромейской империи (которое, как известно, превыше всего) никогда не должны появиться на свет...

Взамен увесистой бутылки, которую Никита на сегодняшнем приеме с поклоном вручит принцессе как свой скромный дар, доставленный из лангобардских земель, он должен с заходом солнца передать в распоряжение пришедшего знахаря-моавитянина отряд императорской гвардии, сопровождавший Анну из Константинополя к жениху.

Дело осталось за малым — заехать по дороге в несколько лавок-эргастриев, уладить торговые дела и подобрать у здешних мастеров-ювелиров свадебный дар, достойный порфирородной принцессы, который окажется отличным дополнением к фалернскому, будь оно проклято, вину...

* * *

В лавке, тесно уставленной тугими тюками бобровых, куных и соболиных шкур, кроме хозяина крутился какой-то смерд, который при появлении Сонгвара тотчас шмыгнул за дверь. Хозяин с уважением, но без угодливости поклонился новому посетителю.

— Это Зачиняй, лучший киевский гончар, господин, — пояснил он, имея в виду исчезнувшего смерда (мол, ко мне в лавку кто попало не ходит). — Его кувшинами торгую во всем городе я один.

Сонгвар молча кивнул в ответ и прошел в глубину полутемного помещения. На дальних

полках и вправду стояло множество каких-то пестро расписанных горшков. Он вспомнил про недавно купленную изысканную и страшно дорогую белоглиняную посуду, привезенную из самого Багдада, и ухмыльнулся.

— И эти вот сосуды — лучшее, что делают в Киеве?

— Таких кувшинов нет больше ни у кого, — в ответе купца сквозила осторожная обида. — Молоко в них не прокисает, вода не портится, а когда в такой кувшин наливаешь вино или мед, он поет, словно горный ручей. Боги покровительствуют киевским мастерам, они знают секреты, недоступные другим, даже в далеких ромейских землях.

В подтверждение своих слов купец взял с полки один из горшков, подошел к лежащей на боку огромной бочке, открыл кран и подставил горлышко под струю. По лавке рассыпалось веселое мелодичное журчание. Купец протянул кувшин Сонгвару, и тот сделал несколько больших глотков. Медовуха упала в живот и скоро побежала по жилам. Сонгвар довольно кивнул:

— Когда мои смерды привезут тебе новый товар, отгрузишь им этих горшков два или три челна.

Прерывая беседу, скрипнула дверь. В лавку вошел царьградский посланник — изнеженный тонкогубый грек, по тамошнему господскому обычаю одетый в расшитый бабский сарафан, — чью молодость не могла скрыть даже ухоженная черная борода. Грек пошевелил длинным носом, капризно поморщился и, сверкнув десятком перстней, небрежно, одними пальцами, махнул купцу, изображая приветствие.

* * *

Едва войдя в эргастирий, Никита отшатнулся, словно от удара. По большой комнате, заставленной тюками и коробами, перекрывая резкий запах свежесделанных шкур, разносилась жуткая вонь давно немытого тела. Ее источником был, как несложно догадаться, беседующий с купцом варанг. Не простой наемный головорез, задержавшийся в городе проездом, а, судя по храпящему у коновязи породистому итальянскому коню, представитель новой русской знати, один из стратиотов архонта Владимирова.

Главным свидетельством высокого положения дикаря было ужасное украшение — поверх грязной рубахи на его груди сиял огромный золотой крест, явно взятый варангом из разграбленной херсонесской ризницы. Никиту едва не стошнило. Сделав знак купцу «зайду позже», он сделал шаг назад. Купец понимающе кивнул и возвел очи горе.

Оказавшись на свежем воздухе, Никита поднес к носу платок, пропитанный ароматными маслами, вздрогнул, вспоминая варанга, и подумал: вот кому на самом деле, прости Господи, не помешало бы сегодняшнее крещение. Картина, которую он наблюдал на берегу Днепра, вновь встала перед глазами, и Никита, не в силах сдержаться, прыснул в тончайший мосульский шелк. Растерянные мужики и бабы, голые вперемешку с одетыми, стояли в воде — кто по пояс, кто по грудь, — не понимая толком, чего же от них хотят, и испуганно озирались по сторонам, в то время как с берега, из последних сил пытаясь удержаться в рамках торжественного обряда, их окормляли беглые херсонесские священники.

Кстати, нужно посоветовать епископу Анастасису, чтобы он, когда будет «крестить» туземцев в Новгороде, хоть там разделит бы мужчин и женщин. Ведь не святое таинство сегодня проходило, если разобраться по сути, а едва ли не свальный грех. Хотя положи руку на сердце нужно признать, что в этом варварском лицедействе, устроенном специально для приехавших в Киев ромеев, было больше грустного, чем смешного.

Отвлекаясь от мрачных мыслей, Никита оглядел короткую улицу, вымощенную по обычаю северян деревянным настилом, и снова пришел в уныние. Прилепившийся к вершине холма крошечный акрополис даже вместе с земляным валом и частоколом вместо стены был, наверное, меньшего размера, чем русский квартал в Константинополе. Передвигаться здесь в носилках ввиду узости проходов между глухими деревянными заборами было почти невозможно, а всадник из Афинянина, историка и философа, как из гетеры катафрактарий. Придется идти пешком — хорошо еще, что до резиденции, куда все же нужно будет зайти до начала пира, чтобы надиктовать и отправить сообщение о том, что Русь окончательно порвала с языческим прошлым, отсюда не больше ста шагов. А лавка, торгующая золотыми украшениями, — вот она, прямо напротив.

В лавке ювелира крутился взъерошенный юноша, один из обитателей бесчисленных ремесленных слобод. Судя по мятой, не до конца еще высохшей одежде, это был один из тех горожан, что были обращены сегодня в истинную веру. Неофит вертел в руках нарядное монисто. Никита скрипнул зубами. Украшение было не дешевенькой примитивной поделкой из армянского квартала в столице ромеев, изготовленной в расчете на неприхотливые вкусы здешних варваров, но настоящим произведением искусства, с грифонами и сказочными львами, филигранно отлитыми на поверхности чередующихся золотых и серебряных дисков.

То, за что в Константинополе просят жалких тридцать оболов, совсем недавно здесь продавали аж за четверть золотой номисмы. За эти деньги в Киеве можно купить столько мехов или воска, что их не увезут и два моносила. Но с недавних пор здешние мастера вдруг, словно по волшебству, освоили изготовление золотых украшений, в которых не зазорно появиться на императорской трибуне гипподрома во время праздничных игр, и выгодная торговля стала хиреть на глазах. Волшебство ли это или просто особый дар обитателей здешних земель, Никита не знал, но он бы голову дал на отсечение, чтобы дар, лишаящий его трех четвертей торговой прибыли, покинул эти края навсегда.

...День, проведенный в бесконечных хлопотах и церемониях, подходил к концу. Больше всего на свете греку хотелось вернуться в свою резиденцию, подняться в атриум и, сбросив тяжелый парадный хитон, упасть на матрац, набитый тончайшим гусиным пухом. Отпрыск знатного рода, лучший ученик Афинской академии, патрикий и сибарит, за недолгое пребывание в русских землях он страшно устал от здешней дикой, непробиваемой и главное — дурно пахнущей и вечно угрюмой толпы.

Но, увы, отдыхать придется очень нескоро. В ознаменование исполнения последнего пункта договора с императором архонт Владимирос дает сегодня праздничный пир. Так что вместо мягкой перины, легкого ужина и чтения прихваченных из столицы последних поэзий приятеля, Иоанна Геометра, Никите придется чуть не до самого утра есть руками скверно прожаренное мясо диких быков и свиней, запивая его приторным сброженным медом. И при этом еще терпеть пьяные разговоры здешней, с позволения сказать, аристократии. Страшно себе представить, как все это выдержит новая архонтесса, которая уже совсем скоро его, Афинянина, рукой будет лишена даже призрачного права на простое женское счастье.

Глава 4

Княжья кровь

Объединенная мясная кость, пущенная нетвердой рукой, крутясь, полетела в дальний, не освещенный факелами конец зала. За подачкой с громким лаем кинулись снующие под ногами гостей собаки, но, не достигнув цели, визжа, подались назад. Из темноты донесся грозный рык — там, звеня натянутыми цепями, замелькали стремительные гибкие тени охотничьих пардусов. Пир в честь крещения Киева и приезда в город долгожданной княжьей невесты, достигнув пика, медленно подходил к концу.

Чем-чем, а изысканностью манер дружинники, по большей части бывшие викинги-северяне, не отличались. К концу застолья белые скатерти стали бурыми от вываленных прямо на стол кусков мяса, с которым подавляющее большинство гостей, не обращая ни малейшего внимания на разложенные перед каждым гостем серебряные двузубые вилки, управлялось с помощью рук и ножей, а пол покрылся грязным ковром из костей и объедков.

Длинный — от стены до стены — стол, сбитый из толстых дубовых досок, жалобно кряхтел от блюд, мисок, жбанов и бутылей. Владимир, как хозяин застолья, сидел во главе, по правую его руку буйствовали бояре и воины из малой, ближней дружины, по левую в молчании давились непривычной едой корсунские попы во главе со своим епископом. Дальше сидели иноземные посланники и греческие купцы.

Анна, немолодая, лет двадцати пяти, и совсем некрасивая, сидела в противоположном от князя торце. Ей, что-то негромко рассказывая, подливал в кубок вина из длинной глиняной амфоры личный посланник базилевса Василия, Никита Афинянин. О том, что с этой чужой непонятной женщиной, к которой князь не испытывал ни малейшего влечения, вскоре придется делить ложе и заводить детей, Владимир думал отстраненно, как о важном государственном деле. Княжья кровь важнее любви и каких бы то ни было личных чувств.

Ветераны еще из первой хелсингерской дружины по данской застольной традиции пустили вокруг стола огромный турий рог, доверху наполненный сброженным медовым напитком. Поставить рог на стол было невозможно, а передавать его соседу полагалось острием вверх, демонстрируя окружающим, что содержимое воистину варварского кубка выпито полностью и до дна.

Завидев медленно приближающуюся верную смерть, из-за стола, спросив дозволения, сбежал епископ со свитой. За ним, выдержав приличествующую паузу, поднялась с места и, сославшись на усталость, проследовала в отведенные ей покои принцесса Анна. Владимир, пряча в усы усмешку, наблюдал за Никитой, который по своему посольскому статусу не мог оставить пир и с ужасом смотрел, как его сосед переливает забористый хмельной напиток в свое бездонное брюхо. Гости пили за князя, а стало быть, отказаться от тоста не было ни малейшей возможности, так что ужас изнеженного грека, привыкшего к легким винам, разведенным водой, можно было понять.

Рог обошел весь стол и теперь лежал перед князем. Дружинники — те, кто не заснул, навалившись на доски, — пугая купцов и церковников, с громким рыганием выбирались из-за стола, а это означало, что скоро пьяные варяги, вдоволь наевшись и наоравшись здравниц, по недовытравленной годами службы у киевского конунга разбойничьей привычке двинутся во двор и дальше, за ворота княжьих палат, в поисках женщин. Слава христианскому богу, что сегодня несет охрану десятков, которым командует мягкий и улыбчивый на вид Сонгвар, чей кулак, а если понадобится, то и секира, без колебаний уймет любого буяна.

Не успел Владимир объявить о завершении пира и, как водится, поблагодарить еще

державшихся на ногах гостей за присутствие на нем, как от двери, расталкивая идущих, бросился к нему один из воинов Сонгвара — тот, что нес службу у въездных ворот.

— Беда, княже! — торопливо выдохнул он. — Волхв из Почайнинской чащи только что бегунца подослал. Пришлые Велесово капище громят!

Владимир вскинулся с места, шаря по поясу в привычном поиске рукоятки меча, словно получил весть о том, что город вдруг обложили незаметно подкравшиеся печенег. Да что там печенег, набег степняков — это сущая мелочь по сравнению с тем, что учинят разъяренные киевляне, прознавшие о разорении чужаками священной поляны, где молятся богу-покровителю городских ремесел. И никто не будет при этом разбираться, что князь настрого запретил кому бы то ни было трогать волхвов, признающих его власть.

— Кто из пришлых туда пошел? — спросил Владимир подскочившего за приказами Сонгвара.

— Посланный не знает, конунг, — ответил тот. — Но с вечера все двадцать пять пехотинцев-ромеев, что охраняли твою невесту в пути, убыли из фронхофа в полном вооружении и во главе со своим командиром. С ними вместе ушли семеро крысятников, которые притворяются слугами корсунского жреца.

«Стало быть, — подумал Владимир, чувствуя, как просится наружу его нарастающая подсердечная ярость, — не получив разрешения, этот мерзкий то ли египтянин, то ли моавит смог каким-то образом получить власть над ромеями и, надеясь, что все варвары вусмерть упьются на пиру, самочинно отправился на свое черное дело».

— Ну что же, — рыкнул князь на весь зал, заставив греметь цепями задремавших было гепардов, — они пришли сюда, чтобы нести нам кровь? Видит Перун, то есть Христос, они ее получают сполна. Сонгвар, вели, чтоб седлали коней, да кликни своих людей. Сами к Почайне поедем!

* * *

Полная, с оранжевым отливом, луна лучше всяких факелов освещала дорогу. Конные дружинники, плотно окружив своего конунга, спустились с Горы до Козьего болота, оттуда вниз, к Подолу, обошли по внешней стороне укрепления затворенного на ночь Нижнего города, шумно пересекли Глыбочицу и приближались к Почайнинской чаще, в глубине которой, полностью подтверждая слова гонца, мелькали недобрые отсветы занимающегося пожара.

Безжалостно прогнав боевого коня сквозь острые перепутанные кусты, Владимир вывел отряд на большую поляну. Князь бывал здесь не раз, но сейчас он не узнал хорошо знакомое место. Прилепившиеся к опушке крытые дранкой избы, где жили Велесовы волхвы со своими семьями, горели, словно сухие еловые шишки. Меж избами и капищем, в рыскающих огненных отблесках просматривалась редкая цепь пеших воинов в одинаковых круглых шлемах и с прямоугольными ромейскими щитами. На ромеев беспорядочно на скакивали обезумевшие, чем попало вооруженные люди. Ромеи уцеливали в них копьями, и люди отскакивали назад, оставляя на земле черные неподвижные тела.

За спинами ромеев серело огромное каменное колесо, более всего напоминающее мельничный жернов. Это колесо, с выбитыми на нем со всех сторон рунами и росписями, было тем самым Велесовым камнем, которому истово поклонялись крещенные вчера киевляне. Владимир вначале не смог понять, что не так во всей открывшейся его взору картине, но вскоре уразумел, что теперь в центре камня, в колесном отверстии шириной в добрых полсажени, больше не возвышается привычное изваяние бога-покровителя киевлян, вырезанное по обычаю

из цельного ствола столетнего дуба. Князь отлично об этом знал, так как не далее чем полгода назад пожертвовал десять золотых гривен на внушительные литые усы, которые до недавних пор украшали фигуру бога.

Но это была не единственная и не самая большая странность. Из-под камня, переливаясь кроваво-красным, пыхал очажным жаром костер из пережженных древесных углей. Дальше, за капищем, в противоположном конце поляны, что выходил к глинистому обрыву небольшого лесного озера, соединенного протокой с Почайной, возвышалось странное сооружение, напоминавшее не то огромный колодезный журавль, не то франкский осадный требушет. Меж озером, требушетом и камнем сновали люди в длинных кожаных фартуках. Одни крутились вокруг камня, раздувая угли почти добела, другие носили воду в большую бочку, привязанную к веревке, закрепленной на конце журавля-требушета.

Вся увиденная картина разительно напомнила князю фреску из притвора корсунского храма, на которой был изображен Страшный суд с котлом, чертями и корчащимися в геенне огненной грешниками. Не в силах сдержать kloкочущей внутри ярости, князь исторгнул из себя звериный рык, которым славились все потомки конунга Рерихта и, нащупывая рукоятку меча, слетел из седла на землю. Вслед за ним, обнажая оружие на лету, посыпались с коней дружинники-варяги.

Ромеи на внезапное появление нового противника отреагировали с выучкой опытных бойцов, побывавших во многих сражениях, скованных железной дисциплиной и обученных слаженным действиям на стадионе константинопольского гипподрома. Старший отдал резкую команду, и пехотинцы, тотчас же позабыв о волхвах, сомкнули строй, подняв щиты на уровень подбородков, и развернулись навстречу набегавшей на них варяжской стали.

Будь в распоряжении ромейского экатонтарха хотя бы сотня бойцов, чтобы прикрыть фланги и тыл, он мог бы если и не победить княжьих дружинников, то хотя бы выдержать первый удар и, понеся небольшие потери, отойти к лесу и там дожидаться утра. Но воинов у него было мало, и противостояли ему не набранные по лесам охотники-ополченцы, а даны и свены отборной княжеской гвардии, которыми руководил военачальник, отлично знакомый с тактикой ромейского пешего боя. Взмахнув мечом на бегу, князь отделил примерно треть тяжело дышащей толпы спешившихся дружинников и крикнул Сонгвару:

— Обойди их с этими и ударь с тыла!

Сонгвар из рода Свардов кивнул и начал, покрикивая на своих бойцов, помалу забирать вправо, так что в тот самый миг, когда основной отряд нападавших, отбивая мечами и топорами наставленные на них копейные острия, врубился в ромейский строй, разорители Велесова капища были почти одновременно атакованы с тыла.

Над Велесовой поляной взлетели к темному небу дикие крики сражавшихся, лязг железа о железо, треск столкнувшихся щитов и чмокающий звук рассекаемой плоти. Варяги ударили в ромейский строй и пробили его, как тяжелая льдина пробивает по весне хлипкую запруду. Наскоро выстроенная стена прямоугольных щитов рассыпалась.

В ромейском войске пехотинец — лишь инструмент в руках стратига и младшего командира. К бою один на один он не приучен — потеряв строй, паникует и теряется, даже если это крепкий боец из личной охраны порфирородной принцессы.

Увидев, как меч Владимира без видимого усилия пробивает тяжелый щит и кольчугу их командира, ромеи смешались, дрогнули и пустились в бегство, но было уже поздно. Мечи и секиры застоявшихся в мирной жизни варягов не знали пощады, так что к тому времени, когда князь, сам едва выйдя из боевого угара, рыкнул своим: «Охолоньте!», ромейские воины легли все до единого — поляна была усеяна неподвижными и слабо шевелящимися телами.

Приходя в себя, Владимир оглядывал место сражения, пересчитывая глазами своих и

проверяя, все ли целы, когда со стороны горящих домов на поляну, на ходу сбрасывая с плеч веревки, выбежал волхв — седой, с гривой волос до плеч и в длинной льняной рубахе.

— Остановите их!!! — крикнул волхв, указывая рукой на капище, над которым «черти» разворачивали свой требушет-журавль с раскачивающейся тяжелой бочкой.

Не дождавшись помощи, волхв обреченно махнул рукой и ринулся к камню. Дорогу ему перегородил один из фартучников — киевский князь признал в нем яйцеголового моавита, который пытался угрожать ему божьей карой. В руке яйцеголового сверкнул нож. Волхв — человек, никогда не державший в руках оружия, — охнул и, сложившись пополам, упал на землю.

«Если волхв на смерть пошел, лишь бы остановить этих чужих, значит, это неспроста», — подумал Владимир, бросаясь вперед и увлекая за собой воинов, едва переведших дух после отчаянной рубки с ромеями.

Когда до капища оставалось не больше десятка шагов, сразу два, а потом три «черта», словно язи на кукане, повисли на веревке, привязанной к проушине бочки, подвешенной к журавлю и наполненной почти до краев. На раскаленный камень обрушился поток ледяной воды. С шипением вскинулись вверх облака пара, и тут же послышался громкий треск, какой бывает зимой в лютый мороз, когда на Днестре лопаются громадные льдины. «Черти», радостно загомонив, разом прыснули из-под журавля, словно пастены из-под сунутой в щель лучины.

— Живыми брать! — приказал князь.

Дружинники кинулись врассыпную, охватывая фартучников широким полукольцом и прижимая их к озерцу. Сам же Владимир отыскал глазами лежащего волхва, подошел к нему и осторожно поднял за плечи.

— Жив ли?

Волхв с заметным усилием открыл глаза. Дыхание у него было тяжелым и частым.

— Они разрушили капище! — с натугой прохрипел он прямо в лицо Владимиру, не то вопрошая, не то утверждая, не то упрекая.

— Нет! — мотнул головой князь. — Цел твой камень, цел. Только треснул. А изваяние, что эти проходимцы сожгли, мы вам новое вырежем, это я тебе обещаю.

— Не сожгли, в озеро скинули, — поправил волхв, а потом, осознав сказанное ему князем, спросил с дрожью в голосе: — Как треснул?

— Пополам, от края до края, — пояснил подошедший Сонгвар и добавил: — Но беда небольшая, с трех шагов трещину уже и не видно. Всех семерых изловили, князь. Трех, правда, кончить пришлось: кидались с ножами, точно хорьки. А старшего взяли, вот он...

Дружинники приволокли и бросили перед князем на колени яйцеголового фартучника. В близоруких глазах египтянина читался одновременно смертельный страх и какое-то непередаваемое торжество, словно ему удалось выполнить что-то столь важное, что он почитал главным делом всей своей жизни.

— Святотатство ты затеял... — медленно произнес Владимир. Голос его был столь бесцветно-спокойным, что знавший конунга много лет Сонгвар напрягся и невольно провел пальцем вдоль лезвия дареной секиры. — Я тебе запретил капище трогать, да, видно, княжий запрет тебе не указ. Только вот не поспей мы вовремя, поутру на князя бы все подумали. Говори, кто тебя послал, и я, возможно, сохраню тебе жизнь.

Уши главаря осквернителей — точнее, их мясистые оттопыренные верхушки, — затряслись мелкой дрожью.

— Не убивай меня, князь! — пролепетал он, едва совладав с непослушной от страха нижней челюстью. — Этот камень — страшное зло, через которое в наш мир с того света пробивается всякая нечисть. Дьявол хитер, он совращает людей, подкупая их чудесами, а сам

только и ждет своего часа, чтобы уволочь грешные души в ад! Ваш город был проклят, и мы пришли сюда, чтобы расколоть этот проклятый камень и навсегда затворить ворота, ведущие в преисподнюю!

Владимир покачал головой.

— Ты болтаешь несуразное, моавитянин. Сегодня ты нанес своей христианской вере вреда больше, чем сторонники Магомета. Нельзя лишать людей в одночасье их веры — нужно много времени и трудов, чтобы горожане сами поняли, что Христос сильнее всех старых богов!

Фартучник рассмеялся, словно баран заблеял:

— Мне нет никакого дела до этого вашего Христа. Мы служим не распятому проповеднику, а тому, чье имя не называют! Несколько сотен лет мы выискивали по всем землям дьявольские камни и уничтожали их, как могли. Этот был последним, так что теперь во всем мире воцарится то знание, которое записал со слов Бога на священной горе наш пророк. А значит, придет наше время!

— Я понял, о каком боге и о каком пророке ты говоришь, — князь усмехнулся. — Но то, что ты сотворил, у всех народов носит одно название — святотатство. А за святотатство, сам понимаешь, полагается смерть — как ни крути.

Владимир-князь сделал шаг назад, давая дорогу Сонгвару. Варяг улыбнулся мягкой добродушной улыбкой, небрежно взял осквернителя за скрученные за спиной руки и, сжимая в свободной руке секиру, поволок его, словно нашкодившего пса, к разбитому камню.

— Лесину подложи, лезвие затупишь! — посоветовал ему кто-то из дружинников. Но Сонгвар, которому не впервой было исполнять быстрые княжьи приговоры, в ответ лишь снова улыбнулся, швырнул моавита грудью на вырезанные письма и обрушил на тонкую цыплячью шею тяжелое и острое как бритва лезвие, со свистом разрезавшее воздух. Удар был настолько выверен и точен, что секира, сделав свое дело, даже не задела камень. Сонгвар наклонился, подобрал отсеченную голову и, держа ее на вытянутой руке за жидкие волосенки, показал князю. Владимир сумрачно кивнул. Сонгвар, размахнувшись, швырнул голову в озеро. Из темноты раздался негромкий всплеск.

— Что с остальными? — спросил верный дан своего конунга.

— Тоже кончайте, — ответил князь. — Потом местных, кто уцелел, соберите. Своим убитым чтоб устроили по обычаю огненное погребенье, а ромейских воев и этих вот проходимцев, — он кивнул на обезглавленное тело, — пусть, словно собак, закопают.

Сонгвар, на всякий случай выставив караулы, принялся исполнять распоряжения князя. Сам же Владимир, завершив самые неотложные дела, вернулся к раненому волхву.

Волхв сидел с противоположной стороны Велесова камня, опершись спиной на торец. Над ним склонилась измазанная сажей девушка с разорванной на плече рубахой, и князь с удивлением узнал в ней золотоволосую красавицу, которую заметил у реки на крещение.

Из темноты доносились грубые голоса — дружинники искали деревянного Велеса.

— Куда же он пропал? Может, сожгли все же?

— Нет. Местные говорят, что его точно в воду скатили!

— Конунг велел выловить и на место поставить. Только где ж его искать?

— Дуб — тяжелое дерево. Может, на дно ушел?

Волхв, слушавший разговор вместе с Владимиром, обреченно махнул рукой:

— Они ничего не найдут. В Почайну течением утащило. В Днепр вынесет, а там поминай как звали. До самых порогов может доплыть...

— Тебе виднее, — князь пожал плечами. — Сейчас скажу, чтоб не тратили время. Сам-то ты как?

— Жив, и слава Велесу, — ответил раненый. — Вот сейчас Вторуша, дочь моя, трав

целебных принесет да отвар приготовит.

— Нож по ребру скользнул, — пояснила девушка, подняв глаза на князя, — отец будет жить. Но если б вы не поспели, они бы убили всех нас. — Она выпрямила гибкий стан и, не дожидаясь ответа, помчалась в сторону дгорающих домов.

«Вторуша, — подумал князь, провожая ее глазами. — Второй ребенок в семье. Прозвища нет — стало быть, пока не замужем...»

— Давай кликну воев, отнесем тебя в избу, — предложил он волхву, — ваши дома вроде не все сожгли.

— Нет! — мотнул головой лежащий. — Здесь, у камня, нужно мне оставаться да силы копить. Не врал тебе моавит — через камень приходит к нам из других миров всемогущий, только не дьявол, а бог, которого мы Велесом кличем. Сейчас он бродит где-то окрест Киева. Вернется сюда, почует, что камень сломан и что пути назад ему нет — взъярится, на город беду накличет. Буду здесь его ждать — может, отговорить сумею. Силы свои он ведь от камня берет...

«Бредит в горячке», — подумал князь, но, не желая обидеть волхва, кивнул головой.

Вернулась Вторуша. В руках она держала горшок, над которым курился пахучий пар. Напив отца, который тут же впал в тревожное забытие, вспомнила наконец о себе. Провела рукой по лицу, увидела на ладони сажу, фыркнула по-кошачьи:

— Чумазая, как золовка. Смотреть на меня противно.

— Отчего же? — с улыбкой спросил князь. — Девичью красоту сажей не скрыть.

Вторуша в ответ рассмеялась звонким и чистым смехом, словно не было этой ночью ни пожаров, ни смертей, ни прочих бед.

— Кровь на тебе, княже! Кровь и грязь, — сказала девушка, нисколько не смущаясь разговором с самим властителем Киева. — Пойдем обмоемся. Ночью вода — молоко парное.

Снова не дождавшись ответа, она бросилась к блестящей в темноте водной глади, скидывая на бегу порванную рубаху. «Вот кому бы стать великой княгиней, — ни с того ни с сего подумал вдруг Владимир. — Анна против нее — ничто. А из этой, сразу видать, вышла бы вторая Ольга».

Князь и дочь волхва, свежие и чистые после ночного купания, вернулись к дружине.

— Тучи идут, конунг! — сказал Сонгвар, указывая на небо. — По всему скоро начнется гроза. Нужно возвращаться во фронхоф, пока не размокли дороги.

— Не нужно! — отрезал князь. — Не любо мне в тереме на Горе, душно и тесно. Пошли гонца, чтоб не искали, с ним передай воеводе, что мы остались здесь до утра.

Сонгвар кивнул и ушел менять караулы.

Вторуша окинула князя долгим испытующим взглядом.

— Ты спас меня и отца. Я должна отблагодарить тебя за это. Но ты князь, а я простая девушка, и у меня нет ни золота, ни мехов. Единственное, что я могу принести тебе в дар — девичью любовь. Примешь ли?

Владимир, вдруг взволновавшись, не знал, что сказать: он стоял и молча смотрел на дочь волхва. Синие глаза ее глядели на него строго и пристально, и в то же время с затаенной нежностью, и князь, изведавший любовь многих жен и дев и не терявшийся ни в бою, ни на пиру, почувствовал, что он тонет в этих синих омутax. «Колдунья...» — подумал он.

А Вторуша взяла его за руку и увлекла за собой туда, где фонарь почти укрытой набегающими облаками луны едва освещал бревенчатые стены и остроконечную крышу стоящего на отшибе дома.

Волхв лежал, ощущая, как живительный отвар возвращает ему жизнь. Железа он не боялся — завтра-послезавтра от его раны не останется и следа. Страшно было другое: плотно прижатая к камню спина не ощущала больше той мощи, которую круг излучал раньше, давая пищу пришедшему из других миров богу. У могучего бога еще оставались силы, но их хватит только на то, чтобы найти себе укромное место и впасть там в глубокий сон.

Волхв прикрыл глаза, отдав себя на волю привычных ночных видений, выбрался из тела, пролетел над водой и узрел вынесенное на берег Днепра деревянное изваяние. Велес лежал на песчаной косе у холмов, стерегущих тихое лесное урочище, до тех пор, пока недоброе багровое солнце, неспешно завершая дневной свой оборот, не закатилось за мохнатые лобастые вершины. Ночь вступила в свои права, и над речной ширью, бросая на воду зыбкую дорожку, засияла мертвенно-бледная луна. Дорожка, отливая смарагдом под цвет днепровской воды, коснулась берега, торкнула погрузивший дубовый комель, и сразу же по вздувшейся от воды резьбе с затейливой вязью забегали юркими синеватыми лепестками холодные огоньки.

Гроза, назревавшая весь день за хмурыми чернобыльскими лесами, выпустив вперед себя табун кудрявых облаков, медленно надвигалась на город. Первый, еще далекий раскат нестрашного пока грома стоном отозвался в теле поверженного бога. Луна скрылась в тучах, засверкали, врезаясь в холмы, ветвистые молнии. Гром отозвался в урочище эхом, которое сплелось с хлопаньем сильных крыльев. На торчащую из воды могучую обугленную осину села огромная птица — то ли филин, что в ночном мраке казался похожим на человека, то ли вещая Гамаюн, принесшая с Восхода чью-то недобрую волю.

Завыл, прохрустел камышами вдоль берега ветер. Огоньки, блуждавшие по Велесову телу, собрались в рой мятущихся мотыльков, оторвались от дерева и поднялись в воздух. Ветер подхватил их, понес в глубь урочища. Дух Велеса, оторвавшись от деревянной оболочки, возвращался к своему камню. Он пролетел вдоль Лысых гор, где в дни гуляний приветствовали его горожане, прогудел, раскачивая разлапистые еловые ветки, по Перевесищу — глубокому яру, который еще не скоро будет поименован Хрещатым. Хотел было взвиться по крутому склону, но утерять уже отпущенные на полет силы.

Бог-покровитель Киева сделал круг над Козьим болотом, пустил белыми змеями густой стелющийся туман и осел на самое дно густой маслянистой жижи. Следуя за ним, все большие и малые боги, исконные покровители здешних земель, преданные русами и обращенные греческими священниками в злую нечисть, до рассвета бесплотными огоньками слетались со всех сторон и опускались в топь, где им предстояло скрываться многие сотни лет.

Действие отвара, приготовленного Вторушей, прошло. Видения, проносящиеся перед мысленным взором спящего волхва начали помалу тускнеть, растворяя яркие краски в густой темной воде сна. К первым солнечным лучам от глубокой ножевой раны, которой полагалось зарубцовываться не меньше двух недель, остался лишь тонкий, едва заметный шрам.

Владимир проснулся от бьющего в глаза света. Ночная гроза, печенежским войском нахлынувшая на Киев, ушла, смыв кровавые следы ночного сражения, и теперь в открытом ставне маячил ослепительный солнечный бок. Князь встал, потянулся всем телом и с нежностью посмотрел на дальнюю половину большой, устеленной мягкой духмяной травой, лежанки, где

сладко спала Вторуша.

Дочь волхва лежала, вольготно раскинувшись, — совсем без одежд, словно мраморная статуя греческой богини из тех, что показывали князю в херсонесском музее. Словно почуввав немигающий княжий взгляд, девушка шевельнулась и открыла глаза. В них лучились истома и неподдельное счастье. Вторуша встала и протянула руки Владимиру. Тот взял теплые, пахнущие цветами ладони, потянул девушку на себя и крепко обнял. О том, что было, говорить не хотелось — прежде всего потому, что так хорошо, как сегодняшней ночью, ни ей, ни ему не было никогда. Но не только по этой причине: Владимир понимал с болью в сердце, что у прошлой ночи нет никакого будущего.

Давя ненужные мысли, он наскоро умылся из стоявшего в углу деревянного жбана, накинул рубаху, присев, крутнул на ногах портянки, натянул мягкие сапоги, опоясался оставленным под рукой мечом.

Теперь перед обнаженной девушкой стоял не вчерашний свирепый воин, озверевший от крови, и даже не объятый неодолимой страстью к желанному женскому телу молодой и сильный мужчина, но облеченный огромной властью и столь же огромной ответственностью за каждый сделанный шаг правитель. Великий князь.

— Любишь меня? — спросил он Вторушу.

Она улыбнулась одними лишь уголками губ, приподнялась, обняла его, приникла жарким телом и прошептала:

— Люблю...

Лицо Владимира просветлело, потом нахмурилось.

— Женой своей сделать я тебя не могу. Прости. Дворовой девкой — не хочу: ты дочь волхва и достойна иной доли. Потому поступим мы так: сегодня же под охраной моих людей поедете в Межигорье. Там у меня острожец с охотничьей заимкой, подарю его твоему отцу. В нем и жить будете, а мне от Вышгорода рукой подать. Капище, как ни крути, разорено, и не завтра, так послезавтра придется мне всех жрецов языческих гнать из Киева. А посему — живите в Межигорье, так и тебе, и мне будет покойнее. Если от меня понесешь — ладно будет. Мальчик родится — как подрастет, ко мне пришлешь. Жив буду, гриднем сделаю. Девочку — замуж выдам за лучшего своего дружинника. Как отца твоего зовут?

— Щербой кличут.

— Вот и славно. Сына Владимиром назовешь, если дочь родится — то Владиславой. Двенадцать годков пролетит — не заметишь. Нужды знать не будете. Я дам приказ, чтобы отрока Владимира Щербинского, что из Межигорского урочища, ко мне всегда пропускали, а если не доживу либо буду в дальнем пути, чтобы взяли его во двор и начали ратному делу учить, на то и деньгу оставляю.

Вторуша, слушая его, тихо кивала. Когда же он закончил говорить, она разняла руки, обвившие крепкий стан князя, отпуская любимого от тихого лесного счастья к важным большим делам, от которых зависят судьбы многих тысяч людей.

* * *

Полдень застал княжий отряд на полпути от Подола к Горе. Двигаясь по самой кромке Козьего болота, кони по бабки вязли в рыхлой и тяжелой, набухшей в грозу земле. Князь не глядел вверх, на мелькающий среди деревьев частокол Верхнего города: он думал о том, как выполнит Сонгвар данный ему приказ, и добрались ли Вторуша с отцом, волхвом Щербой, до межигорской заимки, где их никто не сможет достать. Болото вздохнуло, пустив по проплескам

цепочки идущих со дна пузырей. Трясина дрогнула, подавшись вверх, потом вниз, словно там, в темной глубине, шевельнулся громадный зверь, тяжело раненный и затаившийся от охотников. Но Владимир не заметил и этого — его ждали заботы, рядом с которыми все суеверия и придумки волхвов казались просто немного страшными сказками, которые рассказывала ему перед сном так похожая на Вторушу бабка, княгиня Ольга...

Глава 5

Пленник капища

«Так вот почему он называет меня князем! Надо же, даже не верится... А почему бы и нет, собственно говоря? Что мы знаем о дальних предках наших, и кто из нас, за редким исключением, помнит имя хотя бы своего прадеда, не говоря уже о прапрадеде? Коротка, ой как коротка людская память...» — подумал Щербицкий, а вслух сказал:

— Интересно, конечно. Но что с того?

— Вот тут мы подходим к главному — к тому, ради чего мы с тобой встретились. Когда был расколот этот каменный диск, одно из существ «с той стороны» находилось в Киеве. Не имея возможности возвратиться в свой мир, оно ушло под землю и лежит там ни живо ни мертво, столетиями накапливая силы, чтобы жестоко отомстить городу, который его предал. Мы, хранители, соединили половинки разбитого камня и бережем город от беды. Но гнев оскорбленного и заточенного существа растет и рано или поздно прорвется наружу...

* * *

Дверь не открывалась.

Каррах испытал недоумение.

Пространство чужого мира вокруг ариссарра оставалось пластичным и податливым: он легко мог скользить в любом направлении — и в кислородно-азотной атмосфере планеты, и там, где водород и кислород, находившиеся в жидком состоянии, образовывали массивы, именуемые здесь реками, озерами и морями, и по-над поверхностью этого мира, сложенной из твердых минералов. Каррах мог беспрепятственно перемещаться в любых местных средах — в жидкой, твердой, газообразной, — уплотняя или, наоборот, доводя свое призрачное тело до предельно разреженного состояния; мог подниматься в верхние слои атмосферы, к самой границе ледяной космической пустоты. Энергосущества разумной звездной расы вселенских странников могли жить своей причудливой жизнью там, где не смогла бы уцелеть никакая другая форма жизни, от простейших до многоклеточных организмов. Здесь, в этом мире, для Карраха не было преград, но не более того: двери в материнский мир молодого (он познавал звезды и миры всего лишь несколько сотен циклов) ариссарра по имени Каррах не открывались.

Ариссарра Каррах сосредоточился и тщательно прощупал окружавшее пространство. Скрупулезный поиск увенчался успехом — Каррах обнаружил концентратор. Ключ-камень находился там же, где и прежде, но... Каменный диск был мертвым — он не светился и никак не отзывался на мысленные импульсы, испускаемые ариссарра. Каррах несколько раз повторил попытки пробудить концентратор — тщетно. Молодой ариссарра все делал правильно — как его учили, — однако ключ безмолвствовал, и межмировой переход оставался закрытым. Каррах даже подумал, что он ошибся и что это не тот камень, а просто похожий на него, но нет: это был тот самый диск-концентратор. Тот самый — но почему-то неактивный.

Каррах, как и все ариссарра из числа тех, кому разрешено было проникать в смежные миры, знал историю появления ключ-камней. На одной из планет системы местной звезды возникла опасная и агрессивная форма кремнийорганической жизни, и Следящие, оценив степень угрозы, уничтожили планету вместе со всеми ее обитателями, пока жуткие каменные твари не вышли на звездные тропы. Планета была полностью деструктирована, но среди ее обломков сохранились созданные аборигенами ключ-камни — концентраторы ментальных усилий, способные

взламывать измерения и создавать управляемые межмировые проходы. Кремнийорганики, истребленные Следящими, изготовляли эти ключи для себя, однако после их гибели нашлись в необозримых просторах Познаваемой Вселенной другие разумные существа, сумевшие воспользоваться наследством сгинувших. И скитальцы-ариссарра стали одними из них — они научились управлять концентраторами и уходили в смежные миры, гонимые вечной жаждой познания.

Но теперь ключ не работал, и Каррах, изучив камень, понял почему. Симметричная кристаллическая решетка, кропотливо выстроенная кремнийорганиками, создателями диска, была разрушена. И еще молодой ариссарра понял, что восстановить ключ самостоятельно он не сможет: это было ему не по силам. Причиной разрушения концентратора стала трещина, расколовшая каменный диск, но простое приложение его половинок, одна к другой, не восстанавливало работоспособность ключа: разрушение симметричной структуры камня-концентратора произошло на молекулярном уровне.

Какое-то время ариссарра размышлял, как такое могло случиться. Каменный диск был очень прочен, хотя, конечно, он мог быть поврежден ударом метеорита или подвижкой планетарной коры. Однако место, где находился диск, не отмечалось высокой тектонической активностью, а что касается попадания метеорита, то вероятность такого события была ничтожно мала: за все тысячи циклов существования ключ-каменей такого не случилось ни разу. И тем не менее диск-камень был расколот, что привело к необратимому разрушению ментального концентратора. Характер повреждения наводил на мысль, что тут могли быть замешаны разумные существа, но какие именно? Неужели Следящие узнали о наследстве кремнийоргаников и решили его уничтожить? Вот только вряд ли они прибегли бы к столь примитивным методам — те, что способны разрушать целые планеты, могли бы с легкостью дематериализовать каменный диск, полностью и бесследно. А если старейшины ариссарра решили по каким-то неизвестным Карраxu причинам закрыть этот мир для проникновений, они сначала предупредили бы и отозвали всех своих сородичей, находящихся здесь, а не бросали бы их в чужом мире на произвол судьбы — без помощи камня-концентратора Каррах не мог даже послать зов о помощи. Теоретически камень могли разбить туземцы, коренные обитатели этой планеты, — рядом с ключ-камнем вырос уже целый город, кишевший этими белковыми организмами, — но оставалось непонятным, зачем им это понадобилось. Ариссарра не мешали аборигенам и не причиняли им вреда (разве что ненароком). Более того, Каррах знал о том, что его сородичи контактировали с *людьми* — так называли себя жители этого мира — и передавали им знания, приносявшие последним немалую пользу. Непонятно — кто же станет засыпать источник, дающий живительную влагу? Значит, все-таки случайность? Может быть, может быть...

Но вскоре недоумение молодого ариссарра сменилось встревоженностью — сначала легкой, но постепенно усиливавшейся. Каррах осознал всю серьезность своего положения: путь домой был закрыт — наглухо.

Изобранный разум вселенского странника перебрал возможные варианты действий. Ключ-камень был не один — Каррах об этом знал, — значит, надо найти другую дверь, которая откроется. И сделать это надо побыстрее, пока ариссарра полон сил: закрывшийся проход не только сделал невозможным возвращение Карраха в родной мир, но и отсек его от пищи — от привычной свободной энергии, которой изобиловал мир его сородичей. И Каррах двинулся в путь.

Он перемещался по холмистой местности, огибая массивные препятствия и насквозь проходя незначительные. Ариссарра не обращал внимания на попадавшуюся ему живность — она его не интересовала, а хищники, хоть и ощущали присутствие Бестелесного, ни в коей мере

ему не угрожали — они были бессильны перед существом, лишенным плоти. К тому же звери чуяли что-то неведомое, это внушало им безотчетный страх, и они спешили убратся с дороги пришельца из иного измерения.

Каррах шел день за днем, экономя медленно убывающие силы — в этом мире не было источников свободной энергии, а местная цивилизация была еще зачаточно-примитивной: о ядерных реакторах не могло быть и речи. И по мере того как ариссарра слабел, в нем росло раздражение, переходящее в неприязнь, — в неприязнь к голубому небу, преломлявшему свет звезды, согревавшей эту планету; к структурированной белковой органике, именовавшейся растительностью и по большей части имевшей зеленый цвет, к многообразным подвижным комочкам биоорганической слизи, без конца пожиравшим друг друга, и в острую неприязнь к тем из этих комочков, которые были наделены искорками первичного разума, — Каррах подозревал, что аборигены этого мира все-таки причастны к разрушению концентратора. Ариссарра мог бы устроить туземцам избиение — их жалкое оружие не могло причинить Бестелесному никакого вреда, — однако холодный разум вселенского скитальца подсказывал, что это бессмысленно: виновников, если таковые были, найти и покарать вряд ли удастся, а затрата энергии на массовые убийства окажется невосполнимой. И Каррах проходил мимо людских поселений и городищ, не задерживаясь.

Но росла в нем тоска по материнскому миру, где по изломанным серым скалам текли багровые ручьи радиоактивной лавы, а с черного неба безатмосферной планеты лились потоки жесткого излучения, в которых так любили купаться юные ариссарра. «Неужели я никогда не вернусь домой, — спрашивал себя Каррах, — и никогда не войду в триаду, чтобы продолжить род?» Мысль эта была невыносимой, и пришелец напрягал всю свою волю, чтобы не впасть в обессиливающее отчаяние. «Нет, — говорил он себе, — я буду бороться до конца, и я найду способ вернуться домой, даже если для этого мне потребуется превратить весь этот мир в мертвую выжженную пустыню». И он шел и шел, внимательно слушая окружающее пространство в надежде встретить кого-нибудь из сородичей или найти другой камень-концентратор.

Каррах не считал дней и ночей, наполненных тщетным ожиданием, но всему на свете приходит конец: пройдя по лесам, просочившись сквозь горы и пронесшись незримой тенью над водами Серединного моря, насыщенного растворенными солями, ариссарра оказался в жаркой стране, где горячие пески пустынь рассекала могучая река. И там, среди древних монументов и каменных пирамид, Каррах уловил слабый зов: еле различимый голос своего собрата по расе.

Взрывая уплотнившимся телом желтый песок — со стороны это выглядело так, словно по пустыне неся бешеный смерч, — Каррах устремился на зов. Мыслеголос сородича был очень слабым, он то и дело замолкал, однако молодой ариссарра снова и снова его находил. И наконец он оказался среди бесформенных руин какого-то небольшого храма — так здесь назывались культовые сооружения, — почти полностью занесенных песком пустыни. Голос шел из руин; Каррах погрузился в песок, раздвинул каменные обломки и увидел — вернее, *воспринял*, — бесформенный слабо мерцающий силуэт другого ариссарра, погребенного среди этих древних развалин.

— *Кто ты?* — спросил Каррах.

— *Сородич...* — еле слышно отозвался его соплеменник, и непонятно было, ответил ли он на вопрос или просто обрадовался (в той мере, в какой вселенские скитальцы-ариссарра способны радоваться) появлению своего собрата. Найденный был слаб, очень слаб, его аура почти погасла, и Каррах понял, что сородич умирает: звездные странники-ариссарра тоже смертны — любая жизнь, как и все во Вселенной, имеет начало и конец.

— Хорошо, что ты пришел — я смогу рассказать тебе все, что должен рассказать. Меня зовут... — мыслеголос погребенного прервался. — Нет, это не важно. А важно то, что ключ-камень... мой ключ-камень... он разбит...

— Мой тоже, — прервал его Каррах и замолчал: собрат стремительно истекал жизнью, и его нельзя было перебивать.

— Да... так и должно было случиться... Среди аборигенов есть те, кто хочет отсечь этот мир от Вселенной, — я уловил обрывки их мыслей... Зачем — этого я не знаю, мне так и не удалось поймать никого из них и заставить говорить, — но предполагаю, что причина — жажда власти, безраздельной власти над всем этим миром, которой добиваются разрушители ключей. Мой камень-концентратор раскололи люди — это случилось несколько тысяч циклов тому назад. Я застал их за этим занятием и прервал жизнедеятельность их организмов, но я опоздал — они успели расколоть диск. И я сделал ошибку — я не захватил никого из них живым... Я был слишком разъярен и убил всех, кого застиг в этом храме, забыв главное правило расы звездных скитальцев: разум должен управлять эмоциями, а не наоборот.

Умиравший ариссарра замолчал. Каррах терпеливо ждал. Он хотел было передать сородичу часть своей энергии, однако тот почувствовал его намерение.

— Не делай этого, — возразил он. — Мне уже не помочь — я перешел допустимый порог самовосстановления, и мое разрушение необратимо. А сила пригодится тебе самому: чтобы выжить и чтобы отомстить. В этих землях есть еще два диска-ключа, и оба они тоже расколоты. За тысячи циклов, прошедших со дня разрушения первого концентратора — моего, — аборигены-сектанты не теряли времени даром: они искали и разбивали каменные диски. Мы, ариссарра, оказались слишком беспечны — даже с вершины нашей мудрости мы не могли предположить, что кому-то из разумных захочется наглухо отгородиться от всей необъятной Вселенной. Это болезнь разума, сородич... Болезнь, которую...

«Которую придется лечить, — подумал Каррах. — Но сначала...»

— Я рыскал по всем этим землям, — продолжал умирающий, — я искал, но так ничего и не нашел — ни целого ключ-камня, ни разрушителей дисков. Мы, ариссарра, сильны, но не всесильны, а эти... сектанты очень хитры. И я говорю тебе: не повторяй моих ошибок. Иди назад... к своему концентратору... Камень неактивен, но он может служить маяком. Мы, ариссарра, не бросаем своих — собратья придут к тебе на помощь, они найдут способ пройти в этот мир. Жди и береги силы — может быть, тебе придется ждать долго, очень долго. Не трать зря энергию на поиски и на бессмысленные умерщвления здешних дикарей — в большинстве своем они ни в чем не виноваты. Иди, сородич... иди... оставь меня: я сказал тебе все, что хотел сказать...

Мыслеголос прервался. Разум ариссарра, лежавшего среди древних руин, прекратил работать, и его призрачное тело — сгусток мыслящей энергии, которая перестала мыслить, — истаивало и распадалось. Раса вселенских скитальцев не знала похорон: умирая, ариссарра растворялись во Вселенной, становясь частицей плоти Мироздания. Каррах выждал какое-то время — звездные странники знали, что такое скорбь, — а затем описал вокруг развалин храма прощальный круг и двинулся в обратный путь, к своему расколотому ключ-камню. Каррах был согласен со своим только что умершим старшим сородичем, но вместе с тем молодой ариссарра испытал доселе неведомое ему чувство: ненависть, жгучую ненависть и желание убивать. Холодный разум пришельца контролировал эмоции, но Каррах надеялся, что когда-нибудь даст волю своей ненависти. Он знал, что так и будет, и сделать для этого следовало совсем немного: выжить в течение сотен (или даже тысяч) циклов и дождаться. Прожить столь долго при отсутствии привычной пищи не так просто, однако Каррах был уверен, что ему это удастся. «Оказывается, ненависть, может быть очень сильным стимулятором», — с некоторым

удивлением подумал молодой ариссарра, мимоходом утопив наполненную людьми утлую гребную ладью, попавшуюся ему на его пути через Серединное море.

* * *

Вернувшись к своему камню, Каррах незамеченным прошел сквозь многочисленные строения города, раскинувшегося вдоль берега полноводной реки. Людей в этом городе было великое множество, но никто из них не заметил Бестелесного — обитатель другого измерения находился вне спектра восприятия человеческих органов чувств. Кое-кто из туземцев — из тех, кого здесь называли волхвами-кудесниками, — почувствовал незримое присутствие чего-то непонятного и забеспокоился, но ариссарра никак не проявил себя на осязаемом уровне, и тревога этих немногих погасла. Ну, потянуло вдруг среди жаркого летнего дня леденящим холодом — бывает. А может, это и вовсе почудилось... А Каррах тем временем углубился в толщу земли вблизи от расколотого ключ-камня и распластался-растекся, принимая наиболее экономичную форму существования: долгое путешествие за море отняло у ариссарра много энергии.

Устроившись под землей, Каррах свел до минимума жизненную активность: он не знал, как долго придется ждать помощи (или возможности что-то сделать самому), и должен был беречь каждую каплю силы. Это было похоже на полусон — бодрствовал только разум скитальца, наблюдая, анализируя и собирая информацию. Каррах смотрел и слушал, хотя его восприятие не имело ничего общего с человеческим зрением и слухом.

Ариссарра изучал людей. Раньше, поглощенный многообразием нового мира, он не обращал особого внимания на местных разумных обитателей — да, суетятся тут какие-то биоорганические создания, и что с того? Их разум еще первичен, равноценный контакт с ними невозможен, а искать среди них *продвинутых* — этим занимались ариссарра постарше: вроде того, который умер среди руин храма, занесенного песком пустыни. Каррах был еще слишком молод (по меркам своей расы), и его время делиться знаниями с юными расами еще не пришло: он просто путешествовал по мирам, впитывая впечатления и медленно взрослея. И Каррах еще долго оставался бы простым странником-наблюдателем (или ушел бы в другой неизведанный смежный мир), если бы не разрушение ключ-камня, резко изменившее судьбу молодого ариссарра.

Присмотревшись к людям, Каррах нашел их довольно занятыми существами и понял, что со временем (если их развитие не будет так или иначе пресечено) они смогут достичь высот и даже занять достойное место во Вселенной. Однако до этого в любом случае было еще очень далеко, а пока Карраха куда больше интересовала своя собственная судьба, и еще — таинственная секта, разрушавшая камни-концентраторы.

Изучая религиозные воззрения туземцев, ариссарра пришел к выводу, что разбиение ключ-камня могло быть связано с установлением здесь, среди этого народа, новой религии, не терпевшей прежних языческих верований. Жрецы новой веры свергли прежних идолов и преследовали идолопоклонников, а вокруг каменного диска, насколько Каррах мог понять, прежде существовало что-то вроде капища древних богов. Но камни в жаркой заморской стране были разрушены раньше, чем появилась новая вера, принятая жителями этого города, и это было непонятно. И умирающий сородич говорил, что разрушители ключ-каменей знали об их назначении и действовали сознательно, а не слепо уничтожали символы старой веры. Кто же эти разрушители и где они прячутся, спрашивал себя Каррах, сожалея о том, что у него нет достаточно сил для поиска таинственных сектантов: энергия, необходимая для поддержания

жизни межзвездного скитальца, убывала — пусть медленно, но безостановочно.

Шли годы — так здесь называли циклы вращения планеты вокруг звезды. Ариссарра ждал, но его сородичи безмолвствовали: Каррах не получал никаких вестей из материнского мира, и никто из его соплеменников не пересекал межмировую границу. Ариссарра своих не бросают, но могло случиться так, что Каррах остался в этом мире один и след его затерялся — вселенские странники посещают сотни и тысячи миров, и бывает так, что кто-то из них пропадает бесследно. И все-таки Каррах не собирался сдаваться: ему помогала ждать жажда жизни, и еще — его ненависть, которая росла и крепла.

Волны человеческих эмоций омывали призрачное тело пришельца — его восприятие обострилось за столетия полусна-полубодствования, — и вот однажды (это случилось через два с лишним века после возвращения Карраха к запертой двери и добровольного заточения под расколотым каменным диском) на дремлющего ариссарра обрушилась настоящая лавина людских чувств: ярости, страха и боли. Заинтересовавшись, Каррах перефокусировал свое восприятие — это не потребовало от него чрезмерно больших усилий — и взглянул на город со стороны.

...На окружавшей равнине дымили многочисленные костры, и перемещались толпы людей, восседавших на прирученных животных, которых здесь называли *конями*. И Каррах быстро понял, что происходит, — это была война, большая война. Ариссарра знал, что войны — обычное явление для варварских рас, еще не вышедших из состояния дикости. Звездным расам тоже было известно это явление, но войны на вселенских тропах возникали только тогда, когда под угрозой оказывалось само существование высокоразвитой расы, причем — как правило — противником выступало полуразумное стихийное проявление или *вывихнутый* разум (вроде такого, каким был разум кремнийоргаников планеты, уничтоженной Следящими). Во всех прочих случаях (почти во всех) межзвездные конфликты удавалось разрешить без массового уничтожения разумных существ и без разрушения планет. Не так обстояло дело у варварских рас — они воевали непрерывно, улучшая свое существование за счет других племен, грабя их и покоряя, чтобы заставить побежденных работать на победителей. Оружие дикарей было еще примитивным — они прерывали жизнедеятельность тех, кого считали врагами, механически разрушая их белковые тела с помощью металлических колюще-режущих орудий, ближнего боя и метательных, — но число погибших в таких войнах бывало довольно значительным, особенно учитывая общую численность населения варварских миров. Для ариссарра мотивы этих войн были непонятны: сородичи Карраха просто знали, что войны — это неизбежный этап развития и совершенствования разума и что далекие предки нынешних межзвездных странников тоже воевали между собой, и воевали жестоко. И вот сейчас перед мыслевзором Карраха разворачивалась картина именно такой древней войны.

Холодный разум вселенского скитальца быстро оценил шансы сторон. Город был обречен: осаждающие превосходили защитников и численностью, и осначенностью — у них имелись машины, ломавшие стены и метавшие тяжелые камни и сосуды с горючей смесью. Мужество оборонявшихся могло только затянуть осаду, но не принести победу — это было ясно. Поняв это, ариссарра не испытал ни сожаления, ни горечи — война дикарей ни в коей мере его не касалась, и он не собирался в нее вмешиваться (даже если бы имел силы). Но посмотреть — почему бы и нет? В конце концов, звездные странники познавали миры во всей их многогранности, со всеми их бедами и катастрофами, — добро и зло во Вселенной тесно переплетены и неразделимы. И Каррах смотрел...

Осада продолжалась много дней. Местное светило появлялось и вновь уходило за горизонт, а машины медленно, но верно ломали стены, пробивая проходы, в которые врывались воюющие толпы захватчиков. Люди — пронзенные, раздавленные, изрубленные, — гибли сотнями, и

молодой ариссарра по имени Каррах вдруг почувствовал терпкий вкус эманации смертных мук, изливавшихся в пространство с каждым последним вздохом умиравших. И не только почувствовал, но и понял, что может впитывать эти муки и становиться от этого сильнее. Ощущение было новым, приятным и неожиданным: Каррах не знал, что он может питаться предсмертными выплесками эмоций гибнущих людей. Один умирающий приносил ему всего лишь малую толику силы, однако они погибали во множестве, и Бестелесный впервые за много лет заметил, как его энергонасыщенность возрастает. Но если так, то, может быть, нужно убить самому побольше местных обитателей и принять их последний беззвучный крик?

Не колеблясь, Каррах почти мгновенно убил ментальным лезвием несколько десятков людей, дравшихся в проломе стены (не делая различия между нападавшими и защитниками города — какая разница?). Однако эффект оказался нулевым — Бестелесномугодились только смертные всплески людей, погибавших не от его рук (которых у ариссарра вообще-то и не было). «Досадно, — подумал Каррах, — но не страшно: будем собирать последние вздохи туземцев, яростно убивающих друг друга, — в них недостатка нет». И ариссарра превратился в ментальную воронку, жадно всасывающую последние мгновения бытия воинов и горожан, умиравших на стенах и горящих улицах. Каррах не жалел людей — какое ему до них дело? А он, собрав страшную дань, проживет еще много циклов — ему ведь есть для чего жить.

Кровавое пиршество тянулось долго, и прекратилось оно только тогда, когда рухнул последний храм, разбитый таранами, когда дома превратились в пепел, когда все улицы были завалены телами павших, и когда победители, согнав в толпу пленных, потянулись прочь от опустошенного ими города. А насытившийся звездный скиталец по имени Каррах вытянулся вдоль измерения, притормозил бег своего собственного времени и погрузился в сон сознания — в таком состоянии он мог существовать долго, очень долго...

* * *

Сон Ктулху чуток, древний бог может пробудиться в любую минуту, и тогда явь обернется кошмаром для живущих...

— Я все равно не понимаю, каким образом рассказанное вами касается меня? Космический демон, спящий в подземелье, Батыево нашествие, какие-то сектанты-фанатики... Я-то тут при чем?

— Понимать здесь нечего, князь, — старик чуть шевельнул посохом. — Через несколько лет на твой город обрушится страшное несчастье. Но ты можешь и оттянуть эту беду — лет на двадцать или чуть больше.

— Что за несчастье?

— Существо иного мира наложило проклятье — так тебе будет понятнее, — используя отрывок из священной книги тех, кого он считает своими врагами. Там говорится: «И третий ангел вострубил, и упала с неба большая звезда, горящая, подобно светильнику, и пала на третью часть рек и на источники вод. Имя сей звезде полынь; и третья часть вод сделалась полынью, и многие из людей умерли от вод, потому что они стали горьки»...

— Ну, а это тут при чем? — начал сердиться Щербицкий. — Полынь какая-то...

— Сейчас эта фраза тебе ни о чем не говорит, — усмехнулся волхв. — Но поверь, скоро придет время, когда любой атеист, не открывавший Библии, будет без запинки цитировать этот стих из Откровения святого Иоанна Богослова. Потому что «полынь» по-украински...

— ...Чернобыль, — закончил фразу Щербицкий. И ему стало страшно, ибо город с таким

названием был ему хорошо знаком.

— Да, — старец кивнул, — Чернобыль. Там имеется то, что угрожает твоему городу.

— Как это будет выглядеть? — голос Рюриковича предательски дрогнул.

— Как цепь странных совпадений, — пояснил кудесник, — и нелепых случайностей, приведших к непостижимой беде, которая унесет множество жизней...

* * *

Призрачный сон Бестелесного длился семь веков. За это время произошло многое, но Каррах, выпав из потока времени, ничего не замечал. Почти ничего: часть его сознания не спала и стояла на страже, чтобы в случае необходимости известить и пробудить своего хозяина.

И этот час настал. На земли, прилегавшие к городу, — за семь столетий город сильно изменился, — вновь пришла война, принеся с собой новые потоки смертных мук. Война сменила свой лик — оружие стало другим, на смену мечам и копьям пришли взрывчатые вещества, выделявшие в ходе быстротекущих химических реакций значительное количество энергии, а воины взяли в руки огнестрелы и пересели с коней на железные гусеничные машины с тепловыми двигателями, — но люди гибли на войне так же, как прежде. Новые завоеватели, пришедшие с заката, не уступали по своей жестокости свирепым кочевникам с восхода и даже превосходили их зверствами, убивая беззащитных женщин, стариков и детей изощренно, целенаправленно и хладнокровно.

Но для ариссарра по имени Каррах водопад последних вздохов, несущий ментальную энергию, означал всего лишь сытный завтрак после долгого сна, и Бестелесный не замедлил подкрепиться. Он принимал агонию солдат, форсировавших широкую реку и гибнущих под пулями, и мирных горожан, погибавших под развалинами жилищ. Пища была обильной, и когда война ушла на закат, Каррах чувствовал себя превосходно. Он отнюдь не собирался пуститься в странствия по этому миру, но сознание его стало ясным и деятельным.

Первый вывод, сделанный ариссарра, был неутешительным. За прошедшие века его сородичи так и не появились, и это означало, что он должен рассчитывать только на себя. На первый взгляд положение было безнадежным — восстановить камень-концентратор Каррах по-прежнему не мог, — однако вскоре Бестелесный отметил и кое-что обнадеживающее. Да, на помощь извне полагаться не стоило, но цивилизация людей за прошедшие сотни лет сильно изменилась: туземцы добились впечатляющих успехов в науке и технике, а раз так, то можно было ждать от них и очень серьезных открытий, которыми смог бы воспользоваться звездный странник.

И Каррах не ошибся в своем предположении: всего через несколько циклов после окончания большой войны, охватившей почти всю планету, на которой застрял ариссарра, он почуял в атмосфере присутствие радиоактивных изотопов искусственного происхождения. А это значило, что аборигены уже овладевают внутриатомной энергией — энергией, способной (при грамотном ее использовании) проломить измерения и проложить Карраhu дорогу домой.

С этой минуты пленник бывшего языческого капища — за минувшие столетия оно ушло глубоко под землю — бодрствовал, непрерывно следя всеми своими сверхчувствами за происходящим вокруг. Ариссарра ждал атомной войны — огромное количество энергии, выделившейся при ядерном взрыве, позволило бы ему если и не прорваться в свой мир, то хотя бы дать о себе знать и позвать на помощь кого-нибудь из сородичей. Но войны не было: инстинкт самосохранения людей оказался сильнее их хищнических инстинктов.

Да, ядерная война так и не началась, зато вскоре неподалеку началось строительство

атомной энергостанции — ариссарра, по природе своей будучи разумным сгустком энергии, сразу это почувствовал. Появился шанс, который нельзя было упустить.

Карраху не пришлось физически перемещать свое незримое тело поближе к этой станции — он мог дотянуться до нее узконаправленным ментальным лучом. Ариссарра внимательно следил за постройкой, а потом и за работой энергоблоков-реакторов, выжидая подходящего момента. Он отслеживал бег слабых электрических токов в цепях управления и защиты реакторов — сил для этого у него хватало — и замирал от сладостного предвкушения. Он не забыл о мести, но чтобы свершить ее, уже немолодому ариссарра сначала надо было вырваться из многовекового плена, в который Каррах угодил по злой воле неведомых сектантов-изоляционистов.

Впервые возможность раскатать реактор станции появилась через десять лет после ее запуска (по летоисчислению аборигенов — если бы Каррах его знал — в апреле 1986 года). Момент был удобным, но ариссарра его упустил, так и не поняв, что же ему помешало. Следующей возможности пришлось ждать больше двадцати лет, зато на этот раз пленник капища ее использовал.

Что именно произошло с четвертым реактором атомной электростанции в 2007 году, установить не смогли, поскольку весь обслуживающий персонал блока погиб при его взрыве, а вся записанная информация следящих и регистрирующих систем тем же взрывом была уничтожена или повреждена до невоспроизводимого уровня. Известно, что на станции, перед плановой остановкой энергоблока для технического обслуживания, проводился эксперимент по использованию инерции турбины генератора — выбега — для питания всех систем реактора, на случай потери внешнего энергопитания. А затем *что-то произошло* — мощность упала гораздо ниже заданной отметки, и для ее подъема из активной зоны была извлечена часть регулирующих стержней. Каких-либо сигналов о неисправностях или о нестабильном состоянии реактора не поступало, и операторы блока продолжали спокойно работать. А тем временем реактор уже пошел вразнос, лавинообразно увеличивая выделяемую мощность, чему способствовали поднятые стержни. Система управления успешно противодействовала процессу, а системы контроля реактора не зафиксировали возрастания мощности вплоть до включения аварийной защиты.

После включения защиты — предполагается, что ее включил оператор, руководствуясь неясными соображениями (возможно, как-то заметив нарастание мощности энергоблока), — регулирующие и аварийные стержни пошли вниз, погружаясь в активную зону реактора, но всего через несколько секунд тепловая мощность реактора скачком выросла до неизвестно большой величины (мощность зашкалила по всем измерительным приборам). С интервалом в несколько секунд прозвучали два взрыва, почти полностью разрушивших реактор. Сначала произошел неконтролируемый разгон реактора, в результате которого были повреждены несколько тепловыделяющих элементов, а их разрушение вызвало нарушение герметичности технологических каналов активной зоны, в которых находились тепловыделяющие сборки. Пар из поврежденных каналов вырвался в межканальное реакторное пространство, там резко возросло давление, что вызвало отрыв верхней плиты реактора, сквозь которую проходят все технологические каналы. Чисто механически это привело к массовому разрушению каналов, вскипанию одновременно во всем объеме активной зоны и к выбросу пара наружу — это был первый (паровой) взрыв.

Относительно дальнейшего протекания катастрофической аварии и природы второго взрыва, разворотившего реактор, нет объективных зарегистрированных данных, и возможны только гипотезы. По одной из них, это был взрыв химической природы, то есть взрыв водорода, который образовался в реакторе при высокой температуре в результате ряда процессов. По

другой гипотезе, второй взрыв был ядерным, то есть тепловым взрывом реактора при разгоне его мгновенными нейтронами, вследствие полного обезвоживания активной зоны. Наконец, была выдвинута версия, что второй взрыв тоже был паровым, то есть являлся продолжением первого: согласно этой версии, все разрушения вызвал поток раскаленного радиоактивного пара, выбросивший из шахты значительную часть графита и топлива.

Как бы то ни было, но катастрофа, соизмеримая по своим последствиям с взрывом «грязной» атомной бомбы, произошла, и на Киев поползло смертоносное пылевое облако, пересыщенное активными изотопами. А что именно послужило причиной аварии и почему появились сбои в системе слежения и контроля — об этом знало только иномировое существо, затаившееся под городом.

И это было только началом...

* * *

— Как это все можно предотвратить? — медленно произнес потрясенный Щербицкий. — Если вам нужна поддержка, энергия там или редкие вещества...

— К сожалению, никак, князь. Сила, вложенная в заклятье, так или иначе вырвется наружу. Вопрос лишь в одном: когда.

— Но я могу сделать хоть что-то?

— Только одно, — сурово ответил хранитель, — в твоих силах назначить время, когда это произойдет: сейчас или позже, когда тебя уже не будет в живых. Ты можешь отложить катастрофу, одновременно изменив историю своей страны и возвысившись, — эти линии времени связаны неразрывно. Выбор за тобой, князь.

— И как же я смогу выбрать?

— Мы покажем тебе то, что ты не сможешь увидеть при жизни — то, что случится с твоим городом, если волею твоей беда будет задержана на двадцать лет.

Волхв возвратился и сел на свой то ли камень, то ли пень. В его руке снова появился посох, и на его верхушке зародилось такое же, как занавес, голубоватое электрическое сияние. И перед глазами Щербицкого начал разворачиваться странный фильм, живой и осязаемый. Перед потомком киевских князей чередой проходили невероятные события — сначала он видел их как непосредственный участник, затем, глядя на них глазами других людей, зачастую прежде ему незнакомых. В одних сценах Рюрикович сам принимал участие, другие просматривал, как просматривают обрывки телепередач или газетные страницы. Были и такие сцены, которые Щербицкий наблюдал изнутри, присутствуя незримой тенью и читая чужие мысли, словно открытую книгу.

1987 год

Белый не городской снег нестерпимо сиял на солнце. Это место Щербицкому было хорошо знакомо — ухоженное подворье, высокий деревянный забор, прячущиеся в вековых корабельных соснах деревянные срубы. Охотничья база КГБ СССР «Чернобыльский бор». Хорошо здесь зимой, тихо, красиво и вокруг ни души — охотхозяйство включено в охранную зону Чернобыльской АЭС, так что посторонних здесь не бывает. Да и свои наезжают нечасто — разве что отдохнуть вдали от посторонних глаз или поговорить без лишних ушей.

На асфальтированной площадке перед крыльцом большого двухэтажного дома темнел ряд больших черных автомобилей. Его собственный служебный «ЗИС-111» и три черные «Волги» с затемненными стеклами. Две — с военными номерами, третья с обычными государственными, но из тех, которым отдают честь поставые. Чуть в стороне, соблюдая субординацию, жались два темно-зеленых «уазика» с мигалками и надписями «ВАИ». Из их выхлопных труб выстреливал пар, а из кабин, меняясь, чтобы не замерзнуть, то и дело выскакивали крепкие парни в теплых пальто и одинаковых норковых шапках — правительственная охрана. За машинами на деревянной стене висел большой плакат «Решения XXVII съезда КПСС — в жизнь!».

«Это в каком же году двадцать седьмой съезд должен будет пройти? — прикинул Щербицкий, — в восемьдесят шестом, вроде? Но сейчас на дворе зима. Получается, что...»

— Двенадцатое декабря одна тысяча девятьсот восемьдесят седьмого года, — возник вдруг в его голове ровный бесцветный голос.

В просторном холле главного дома, подтверждая официальное назначение этого места, на стенах висели охотничьи трофеи. В основном кабаны и косули головы, но была пара лосей и даже внушительная медвежья шкура. На полу теснились горшки и кадки с зимующими пальмами и цветами.

Глаз самым краем зацепил затесавшийся в зеленые дебри большой, изрядно выцветший плакат. «До 2000 года каждая семья будет иметь отдельную квартиру. Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев».

«Горбачев, секретарь ЦК по сельскому хозяйству, недавно ставший кандидатом в члены Политбюро, — подсказала память. — И теперь этот балабол — Генеральный секретарь? Как такое могло произойти?»

Мысленный референт все тем же бесцветным голосом перечислил основные события, произошедшие в стране, начиная с восьмидесятого. Щербицкий тяжело вздохнул — то ли еще доведется узнать...

Сверху, из обеденного зала, в который ведет широкая уютная лестница с резными перилами, доносятся голоса — там обедали приехавшие на сановных автомобилях.

Обеденный зал соединялся с большой застекленной верандой, откуда открывался великолепный вид на заснеженный сосновый лес и вьющуюся между деревьями тихую неторопливую Припять. Бело-красные корпуса и трубы энергоблоков АЭС, чьи силуэты просматривались в морозном воздухе, не портили картину, а, пожалуй, наоборот, придавали ей завершенность и наполняли душу уверенностью в завтрашнем дне.

В зале с уютно потрескивающим камином, за столом, покрытым ослепительно-белой скатертью, обедали пятеро пожилых мужчин. В первом, сидящем на правах хозяина во главе стола, Щербицкий с удивлением узнал самого себя, только сильно постаревшего и очень усталого. Сидящий справа седой как лунь старик с тяжелыми складками у рта и строгим

решительным взглядом оказался первым секретарем Томского обкома Лигачевым. Угрюмый человек в очках и темном костюме — это Виктор Чебриков, хорошо знакомый Щербицкому еще по работе в Днепропетровском обкоме. «Витю Леонид Ильич потом в Москву забрал, к Андропову в КГБ», — отстраненно подумал Щербицкий-наблюдатель. Напротив Чебрикова — глава Комитета государственной безопасности на Украине, генерал Федорчук, а рядом с ним — первый заместитель министра обороны, маршал Соколов. При всей кажущейся разности собравшихся здесь людей у них было общее выражение лиц, словно все они на протяжении долгого времени обдумывали одну и ту же серьезную проблему и теперь собрались здесь, чтобы принять очень непростое решение.

Дождавшись, когда присутствующие завершат обед, две немолодые официантки в безупречных фартуках и кружевных наклках споро, но без столичного лоска, убрали со стола и незаметно испарились.

«Секретарь сибирского обкома, начальник управления кадрами союзного КГБ, председатель КГБ Украины и заместитель министра обороны, — прикинул Щербицкий-тень. — Что может их объединить настолько, чтобы они собрались на тайную встречу?» В том, что эта встреча неофициальная и тайная, у него не было ни малейших сомнений. Для охоты не сезон, у Соколова по горло дел в Афганистане, Чебриков в такой компании без ведома Андропова вряд ли бы появился, а Лигачев и вовсе непонятно, как и зачем попал сюда из своей Сибири. «Егор Кузьмич Лигачев с тысяча девятьсот восемьдесят пятого года возглавляет секретариат ЦК и является членом Политбюро, — снова вмешался невидимый референт. — Маршал Соколов после смерти Устинова занимает пост министра обороны, генерал армии Чебриков — теперь председатель КГБ СССР, а генерал армии Федорчук с тысяча девятьсот восемьдесят второго года министр внутренних дел Советского Союза. Вы же, Владимир Васильевич, по-прежнему первый секретарь ЦК Компартии Украины».

Щербицкий-наблюдатель вспомнил, что на дворе стоит тысяча девятьсот восемьдесят седьмой год — понятно, что за семь лет многое изменилось. «Но если здесь собрались главы трех силовых ведомств и руководитель ключевой структуры ЦК, — подумал он, — это может означать лишь одно...»

Словно отвечая его мыслям, Лигачев достал из примостившегося у ножки стула портфеля увесистую пачку бумаг и хлопнул ею по столу.

— Видели, что он удумал? — спросил он, хмуро кивая на документы. Надпись на титульном листе гласила: «Об упорядочении деятельности Политбюро и секретариата ЦК КПСС». — Вот это он собирается утвердить на весеннем Пленуме.

— Видели, — кивнул коротко стриженной головой председатель КГБ СССР Федорчук. — Мои ж хлопцы эти бумаги и добыли. Что ж это выходит, Егор Кузьмич, они секретариат решили расформировать, а тебя, стало быть, на заслуженный отдых?

Незримый референт внес ясность: «В тысяча девятьсот восемьдесят втором году, по инициативе Брежнева и с вашего согласия Федорчук был переведен на пост председателя КГБ СССР. Он не был человеком Андропова, и тот, став генсеком и едва дорвавшись до власти, немедленно переместил Федорчука в министры внутренних дел. На новом месте работы жесткая манера управления сыграла с бывшим смершевцем злую шутку — коррумпированные милиционеры, которых Федорчук, невзирая на любые заслуги и звания, увольнял тысячами, образовали такую мощную оппозицию, что Горбачев, как бывший сельскохозяйственник, сам по уши погрязший в сети злоупотреблений и приписок, попытался снять Федорчука едва ли не первым своим указом. И если бы не ваш авторитет в Политбюро, Владимир Васильевич...».

— ...на заслуженный отдых...

В ответ Лигачев едва не зарычал.

— Это работа Яковлева, — отложив вилку, сказал Чебриков. — После того как ушли на пенсию Громыко и Соломенцев, у него полностью развязаны руки.

— Я так понял, Горбачев хочет упразднить секретариат ЦК? — спросил министр обороны, маршал Соколов. — А еще он собирается спешно выводить войска из Афганистана и ликвидировать Варшавский договор!

«После прихода к власти Горбачева маршал Соколов категорически противился политике одностороннего разоружения и уничтожения военного потенциала страны, — прокомментировал референт. — Сторонником Федорчука и Лигачева он стал после событий мая тысяча девятьсот восемьдесят седьмого года. Первое главное управление КГБ узнало о готовящейся западными спецслужбами провокации — пролете некоего Матиаса Руста на легкомоторном самолете от Финского залива до центра Москвы. Благодаря оперативным действиям Федорчука, который сумел блокировать журналистов и увести самолет через десять минут после приземления, эта история не получила огласки. Соколов сохранил свой пост, однако отдавал себе отчет, что Горбачев использует любой предлог, чтобы от него избавиться».

— И не только это, — спокойно ответил Чебриков. — Есть еще один документ, пострашнее. На следующем Пленуме нас всех выведут из состава Политбюро. А потом запустят вот эту торпеду, — он указал на папку с надписью «Закон „О кооперации в СССР“. Проект».

— А здесь-то чего опасного? — пожал плечами далекий от экономики маршал.

— Этот закон, — ответил Щербицкий, сидевший за столом, — за пару лет обрушит всю экономику Союза. Я попросил экономистов из нашего республиканского Госплана посмотреть его, и те пришли в ужас. Дело в том, что сейчас у нас весь социализм зашит в финансовую модель: за безналичные покупаются и продаются средства производства, за наличные — товары народного потребления. Если же примут этот закон, то любой желающий сможет организовать кооператив и, получив на свой счет безналичные деньги, заменить их в банке наличными.

— И что? — снова не понял Соколов.

— А то, что сейчас у нас масса денежной наличности худо-бедно сбалансирована с общей стоимостью продающихся товаров. Если же выпустить на волю эти кооперативы, то, как мне объяснили, предприятиям перестанет хватать денег на зарплату. Придется запустить печатный станок, а такого удара плановая экономика не выдержит. Но и это полбеда, а главная беда в том, что все эти огромные нетрудовые деньги окажутся в руках частных лиц. Политические последствия возникновения в стране класса капиталистов непредсказуемы.

— Ну почему же непредсказуемы? Последствия вполне предсказуемы, — усмехнулся Чебриков. — Эти «частные лица» создадут свои газеты и телестудии, полезут в советы и исполкомы — они обретут вес и влияние. Упразднение секретариата ЦК разрушит десятилетиями складывавшуюся систему управления страной, закон о кооперации разбалансирует нашу экономику, а одностороннее разоружение сделает нас беззащитными перед внешней угрозой. Страну ждет неуправляемый хаос.

Над столом повисло молчание.

— У нас нет выбора. Мы должны сработать на опережение, — решительно заявил Лигачев.

— Это как?

— Как в шестьдесят четвертом^[3], только быстрее и жестче.

Голос секретаря ЦК затвердел. Разговор заметался над столом, как волейбольный мяч, передаваемый от одного игрока к другому, так что Щербицкий-тень порой даже не успевал понять, кто именно произносит очередную фразу.

— Но тогда у Брежнева было в Политбюро большинство...

— Большинство он заручился только после того, как договорился с секретариатом ЦК. Думаю, что сейчас будет так же. За день до начала Пленума всех членов ЦК известят о

дополнениях в повестке дня, где будет поставлен вопрос о смене генсека.

— Но об этом узнает Яковлев и мигом доложит Горбачеву!

— Яковлев не аппаратчик, и, кроме газеты «Правда», рычагов у него пока нет. К тому же по работе в Штатах за ним числятся делишки, которые тянут на измену Родине. — Лигачев недобро усмехнулся.

— А Шеварднадзе?

— С ним будет сложнее — придется говорить лично. Но и на нем немало «подвигов» по линии ОБХСС. Если оставим ему Грузию, он за Горбачева в бой не полезет.

— Что конкретно будем на Пленуме проводить? Всех одним махом? Как при Хрущеве, когда Ворошилова с Маленковым снимали?

— Нет, всю стаю разом накрыть не получится. Члены ЦК могут испугаться за свои шкуры и не проголосуют как нужно. Да и газеты с этой гласностью работают почти бесконтрольно. Вполне могут поднять крик о перевороте, с них станется.

— Думаю, что Рыжкова, Слюнькова, Воротникова можно пока оставить: они хоть и выдвиженцы Горбачева, но силы в Москве не имеют. Как только вопрос по генсеку будет поднят, все трое повернутся, куда ветер подует.

— Но троих «застрельщиков перестройки» нужно снимать любой ценой...

— Ельцин просил слова на Пленуме. Предоставим?

— В повестку вносить не будем. Решим в рабочем порядке.

— Зря мы Бориса не пригласили сегодня. Его Горбачев явно планирует вывести из кандидатов в члены Политбюро. Да и вообще, после осенней опалы председатель Мосгорисполкома по костям пойдет.

— Не думаю, что ему здесь место. Егор Кузьмич с ним, прости господи, как кошка с собакой, даром что оба сибиряки. Будь он здесь, серьезного разговора бы не вышло. К тому же на стакан слабоват...

— Но работать с ним какое-то время нам придется, — твердо произнес Чебриков. Лигачев скривился, словно надкусил лимон.

С каждой новой фразой волейбольный мяч застольной беседы тяжелел, отливаясь в убойное пушечное ядро вызревшего до восковой спелости добротного дворцового заговора. Присутствующие с обстоятельностью опытных аппаратчиков обсудили детали предстоящего дела и возможные подводные камни. Разъезжались уже в темноте.

— Может, останешься, Егор Кузьмич? — спросил Щербицкий-здешний, разглядывая растворяющийся в темноте силуэт четвертого черномыльского реактора. — Нам еще есть что обсудить.

— Нет, Владимир Васильич, рисковать не буду. Мы с Соколовым уедем, как приезжали — из Гостомеля полетим обратно в Моздок. Оттуда я на армейской машине вернусь в Пицунду, а он через Туркмению в Москву, на Пленум, как бы из Кабула. Вот уж не думал, что на старости лет на военном самолете буду кости трясти.

Федорчука ожидала «Волга» республиканского КГБ. Не вызывая никаких подозрений, она доставит его в крымский ведомственный санаторий «Ливадия». Чебриков убывал комфортабельным «почтовым» спецвагоном КГБ, что прицеплялся к поездам, идущим до Москвы.

Охотничья база опустела. Дождавшись, пока звук моторов растает в зимней тишине, по качающимся веткам, сбивая снег, запрыгали в сторону кормушки любопытные белки.

Газета «Правда» 19 февраля 1988 г.

С 17 по 18 февраля 1988 г. в Москве проходил Пленум ЦК Коммунистической партии Советского Союза. Были заслушаны доклады секретаря ЦК КПСС Лигачева Е. К. «О ходе перестройки в центральных органах КПСС и безотлагательных мерах по совершенствованию кадровой политики» и первого секретаря ЦК Коммунистической партии Украины Щербицкого В. В. «Революционной перестройке — идеологию обновления».

Приняты следующие постановления: «О докладе на совместном Торжественном заседании ЦК КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, посвященном 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции», «О выступлении т. Ельцина Б. Н. на Пленуме ЦК КПСС», «О просьбе т. Горбачева М. С., Генерального секретаря ЦК КПСС, освободить его от занимаемой должности по состоянию здоровья», «Об избрании Генерального секретаря ЦК КПСС», «Об изменении состава Политбюро».

Генеральным секретарем ЦК КПСС по предложению, внесенному товарищем Щербицким, единогласно избран Егор Кузьмич Лигачев. С целью укрепления кадровой политики и дальнейшего совершенствования работы центральных партийных органов, из состава Политбюро выведены товарищи Горбачев, Шеварднадзе и Яковлев. Кандидаты в члены Политбюро товарищи Ельцин, Федорчук, Чебриков и Соколов избраны членами Политбюро.

* * *

1991 год

— Украина, понимааш, конечно, член ООН. Но государственный суре...веренитет ей будет предоставлен только после получения ею статуса безъя... безъядерной державы. Ну, и вопрос с Крымом, я думаю, тожа решен. Он со статусом автономной республики войдет обратно в состав Российской Федерации.

Голос Ельцина звучал глухо и вымученно — президент страдал от жестокого похмелья. Щербицкий сочувственно вздохнул. Вчера, пока он совещался с экспертами и, терзая переводчиков, изучал тонкости международного права, Ельцин, Шушкевич и второй секретарь ЦК КПУ Кравчук, исполняющий за непьющего главу украинской делегации все «стаканные» обязанности, — чуть ли не до утра праздновали «полное единодушие братских народов». Хотя в действительности картина «полного единодушия» была отнюдь не столь радужной, как писали об этом газеты.

После отставки Горбачева в восемьдесят восьмом «демократические силы» сделали ставку на Ельцина, и тот, не успев толком освоиться в кресле члена Политбюро, начал проводить жесткую деструктивную политику. После того как из Конституции СССР убрали статью о руководящей роли КПСС, должность генерального секретаря обратилась в фикцию, и Лигачев, и до того с трудом удерживавший бразды правления несущейся галопом страны, стал персональным пенсионером.

Кризис наступил в августе девяносто первого, после того как Ельцин, избранный Президентом РСФСР при почти единодушной поддержке Верховного Совета республики, категорически отказался подписывать Союзный договор и объявил о выходе России из состава СССР. В сложившейся ситуации правительства остальных четырнадцати республик вынуждены были тоже провозгласить независимость. Парад суверенитетов продолжался с августа до декабря. Новым независимым государствам нужно было обустраивать свою жизнь, но на первых порах делать это было не намного проще, чем гальванизировать части расчлененного тела. Беловежская конференция, на которую собрались главы четырех республик, была призвана

урегулировать самые взрывоопасные вопросы: территориальное разделение, статус военных баз и судьбу ядерного оружия.

Ельцин приехал на конференцию с жесткой позицией — забрать у новых соседей все ядерное оружие. Щербицкий был категорически против этого — он прекрасно понимал, что, лишившись ракетно-ядерного щита, независимая Украина станет разменной монетой в противостоянии сверхдержав. Да и Крым отдавать не было никакого резона. Сегодняшний этап переговоров был последним перед подписанием межгосударственных договоров — следовало во что бы то ни стало перехватить инициативу.

Щербицкий посмотрел в глаза Ельцину. Тот нахмурился и отвел взгляд.

— Как вы на практике представляете превращение Украины в безъядерную державу? — поинтересовался Щербицкий. — Давайте отложим подписание договора на месяц, а вы за это время вывезете все ваши специзделия, хранящиеся на территории нашего суверенного государства. В любом случае ответственность будет лежать на вас...

При слове «ответственность» Ельцина перекосило похлеще, чем от утреннего стакана. Он отлично понимал, что в бардаке, который снежным комом катился с кремлевских заоблачных вершин до самых отдаленных окраин расколотой империи, превращаясь по пути в сметающую всё и вся лавину безвластия, отдать приказ о перевозке многочисленных мегатонн может только сумасшедший. Где всплывут пропавшие по дороге боеголовки, было даже страшно подумать...

Перешептывание российского президента с его помощниками длилось не более трех минут.

— И? Какой? Вы? Предлагаете? Вариант? — позабыв про свое навязшее в ушах «понимаааш», прохрипел Ельцин, косясь на спасительную бутылку «Посольской», которую выставлял на стол официант.

— Вот проект договора, — Щербицкий кивнул головой, и его референт перенес из конца в конец стола увесистую пачку бумаг. — Мы соглашаемся на статус безъядерной державы при условии, что Крым остается в составе Украины. При этом все войсковые части, у которых имеется ядерное оружие, получают статус российских военных баз и остаются на местах своего постоянного дислоцирования.

На этот раз перекосило хитрого, как лис, Кравчука. Щербицкий отлично знал о том, что его бывший завсектора по идеологии давно заигрывает не только с оппозиционным Народным Рухом, но и с финансирующей националистов американской диаспорой. По информации КГБ, Кравчук уже пообещал представителям Госдепа США, что никакого российского военного присутствия независимая Украина не потерпит. Так что подписание договора — если оно состоится, — помимо всего прочего, сделает Кравчука политическим трупом.

— Тактическое ядерное оружие из сухопутных частей заберем в полугодичный срок, — еще раз пошептавшись с молодежавшим помощником, твердо произнес Ельцин. — Севастополь не отдадим ни при каких обстоятельствах — ему будет дан статус эс... экстерриториальности. Короче, останется территорией России. Все гарнизоны сорок третьей ракетной армии, со складами и пусковыми шахтами, а также аэродромы Дальней авиации — Узин и Прилуки — мы тоже оставим за собой...

Ельцин в предвкушении «завтрака» говорил еще много и грозно, но Щербицкий, внешне сохраняя полную невозмутимость, перевел дух. Это была победа, последствия которой трудно переоценить. Он не просто сохранил за собой Крым, но и сумел оставить на Украине российское военно-стратегическое присутствие. При этом со стороны все выглядело так, будто он не сам этого добился, а уступил под имперским давлением «Большого брата». К тому же попутно решалась и проблема трудоустройства десятков тысяч уволенных офицеров — пока что она не стояла так остро, как назревающая инфляция и товарный дефицит, но в будущем обещала вырасти в годами не заживающую рану. Пусть уж россияне половину сегодняшнего личного

состава и тысячи гектаров земли, занятых военной инфраструктурой, содержат за свои деньги... Перед тем как поставить свою подпись, Щербицкий еще раз перечитал ключевые фразы закрытого протокола: «Российская Федерация полностью и безоговорочно признает суверенитет Республики Украина в административных границах УССР. Все вооружение, техника, движимое и недвижимое имущество, находящееся на территории Украины по состоянию на 26 апреля 1992 года и состоящее на балансе войсковых частей Дальней авиации, Ракетных войск стратегического назначения и Военно-морского флота, безоговорочно признаются собственностью России. Все территории, занимаемые воинскими частями вышеуказанных войсковых формирований, сохраняют статус экстерриториальности с особым пограничным режимом до подписания договоров и соглашений, регулирующих их статус. Все оружие массового поражения, в том числе ядерное, химическое и бактериологическое, ввиду добровольного отказа Украины от статуса ядерной державы, в срок до 31 декабря 1992 года должно быть передано полномочным представителям Российской Федерации».

* * *

Соглашение
между Российской Федерацией и Украиной
о статусе и условиях
пребывания частей и подразделений
Ракетных войск стратегического назначения, Дальней авиации и Военно-морского флота
Российской Федерации на территории Украины.

Статья 4

1. Общая численность личного состава, боевых единиц, вооружения и военной техники Российской Федерации, находящихся на территории Украины, не будут превышать уровни, определенные в Соглашении между Российской Федерацией и Украиной «О параметрах раздела вооружения, техники и имущества Вооруженных Сил СССР».

2. Российская Федерация использует места дислокации на условиях и в течение срока действия, определенных Дополнительным соглашением «Об административно-правовом статусе земельных участков, коммуникаций и недвижимого имущества Вооруженных сил Российской Федерации на территории Украины».

3. Российская Федерация содержит в местах дислокации ядерное оружие на условиях, определяемых Соглашением «О порядке хранения, содержания и транспортировки ядерного оружия, находящегося на вооружении войсковых формирований Российской Федерации на территории Украины».

* * *

— Господин Паркер, вы один из ведущих экспертов-советологов. Как вы можете прокомментировать этот договор между Россией и Украиной?

— Думаю, что негативные последствия принятых решений слишком драматизированы нашими средствами массовой информации. Присутствие множества военных баз России не повлияет на внешнюю политику Украины — Украина будет все больше и больше попадать под

влияние Запада. У страны с «многовекторной» внешней политикой, недавно отколовшейся от огромной мощной державы, нет другого выхода. Все это напоминает события тысяча девятьсот шестидесятого года, когда Великобритания предоставила независимость своей колонии Кипру, оставив на острове две свои военные базы. Однако их присутствие не помешало турецкому вторжению и созданию протурецкого Северного Кипра.

— И каковы же, на ваш взгляд, ближайшие геополитические последствия такого договора?

— Россия полностью сохранит ядерный потенциал и вернет себе статус влиятельного государства гораздо скорее, чем это произошло бы, останься она без украинских стартовых площадок. Кроме того, не стоит забывать, что Украина как страна, на территории которой расположены военные базы не входящего в альянс государства, по своему статусу не сможет претендовать на членство в НАТО.

— К сожалению, наше время в эфире подходит к концу. Напоминаю, что у нас в студии был известный публицист, советолог и с недавних пор владелец контрольного пакета акций медиакомпания «Бритиш ньюс корпорейшн» сэр Пирс Паркер.

* * *

1994 год

— Владимир Васильевич! — зазвучал в селекторе негромкий голос секретаря. — К вам по расписанию господин Паркер.

— Просите, — устало проговорил Щербицкий.

Пока посетитель, осторожно раскрыв высокую дверь, шел к столу по ковровой дорожке, Щербицкий, порывшись в памяти, отыскал названное имя — «Давал ему интервью в восьмидесятом, незадолго до Московской Олимпиады». Сверившись с лежавшей на столе справкой, которую в преддверии встречи подготовил референт, удовлетворенно кивнул. Его зовут Пирс, Пирс Паркер. Интересный человек — талантливый журналист, репортер журнала, специализирующегося на привидениях, затем корреспондент коммунистической «Морнинг Стар», а после развала Союза — влиятельный советолог, редактор солидного политического еженедельника. Посвящен в рыцари. С недавних пор — совладелец политического телеканала и десятка изданий рангом пониже. Из тех, кого сейчас зовут газетными магнатами. Разбогатец, чуть ли не сразу же выкупил и возродил свой оккультный еженедельник «За тонкой чертой», где изредка пописывает под псевдонимом. Свободно говорит по-русски. Встреча не протокольная, значит, обойдемся без переводчика.

Щербицкий улыбнулся вошедшему и показал рукой на кресло. Англичанин произнес все положенные слова приветствия и занял указанное место за столом. Медиамагнат получил аудиенцию не как представитель деловых кругов, а как журналист — время беседы было четко оговорено, и Паркер, слегка покосившись на свои дорогие часы, сразу же начал предметный разговор:

— Господин президент, вы отказались баллотироваться на предстоящих выборах. Но большинство политологов мира считают, что это хорошо рассчитанный политический ход. Так ли это? До истечения срока подачи документов осталось менее семи часов, так что вы можете быть откровенны.

— Нет, мистер... прошу прощения, сэр Паркер, мое заявление — это не уловка. Я действительно отказался идти на президентские выборы.

— Нельзя ли теперь раскрыть истинную причину этого шага? Ваш политический вес чрезвычайно велик. Ни для кого не секрет, что все крупные партии Украины — коммунисты,

социалисты, регионалы и даже демократическое «Яблоко» — выразили готовность вас поддержать. Против вашей кандидатуры выступают разве что националисты, но они на сегодняшний день не столь сильны, чтобы повлиять на исход голосования.

— Вы правы лишь отчасти. За последние два-три года структура государственной власти у нас сильно изменилась. Сегодня мой, как вы выразились, «политический вес» заключается в том, что я нужен всем перечисленным, жестко конкурирующим между собой политическим течениям скорее как верховный арбитр. Однако такая роль мне уже не по плечу. Не боюсь признаться, что я, как человек иного времени, вольно или невольно, но начинаю сопротивляться любым изменениям, а это плохо для страны. К тому же возраст и здоровье... — Щербицкий тяжело вздохнул.

— А вы не боитесь, что с вашим уходом Украину ждет хаос перераспределения власти?

— Нет, не боюсь. Вся власть уже давно, как вы выражаетесь, «перераспределена».

— Хотелось бы услышать ваш прогноз результатов выборов. Кто из кандидатов, на ваш взгляд, имеет наибольшие шансы на победу в президентской гонке?

— Несомненно, Леонид Кучма, — уверенно произнес хозяин кабинета. — Его я знаю в основном как генерального директора днепропетровского «Южмаша», но и на посту премьер-министра он зарекомендовал себя не с самой плохой стороны.

— Изменится ли внешняя и внутренняя политика Украины после выборов?

— Несомненно. И дело тут не во мне лично, а в том, что у нас на глазах меняется весь мир. Коммунистическая идеология потеряла актуальность, подрастает новое поколение, воспитанное совсем на других традициях и ценностях, экономика претерпевает невиданные изменения. Даже мне, человеку, для которого радиотелефон еще недавно казался вершиной технического прогресса, понятно: Интернет, мобильная связь, новые виды средств массовой информации воздействуют на общество намного сильнее, чем это кажется на первый взгляд.

— Я хотел бы задать вам еще один непростой вопрос. В последнее время наличие на территории Украины множества российских военных баз становится основным предметом нападок оппозиции. Демонстрации у мест хранения ядерного оружия, многочисленные манифестации, давление со стороны Европейского сообщества и США...

— Так в чем же заключается ваш вопрос, сэр Паркер?

— Не опасаетесь ли вы, что вопрос размещения российских ядерных боеголовок будет пересмотрен в ближайшие годы?

— Кто бы ни стал моим преемником на посту президента, даже глава Руха Вячеслав Чорновил, он будет обязан выполнять все ратифицированные государственные соглашения. Поэтому по крайней мере до две тысячи семнадцатого года об уходе российских войск со своих баз никакой речи быть не может. Что будет дальше? Время покажет.

— Самым известным вашим «реформаторским шагом» стал перевод Администрации президента из бывшего здания Центрального Комитета в крохотный Мариинский дворец. Не захочет ли ваш преемник возвратиться обратно? Ведь здание на Банковской и больше, и удобнее с точки зрения безопасности.

— Дом на Орджоникидзе, нынешней Банковской, с одна тысяча девятьсот тридцать девятого года был зданием Центрального Комитета Компартии Украины — для этого он, собственно, проектировался и строился. Я счел, что пока администрация находится там, она постоянно будет стремиться к функциям ЦК и при нынешней парламентско-президентской республике станет лишь грузом на ногах управленческой системы. Число людей во власти, не несущих никакой ответственности, неизбежно растет, и оставлять в их распоряжении практически неподконтрольный механизм влияния на все стороны жизни украинского народа мы посчитали слишком рискованным. Здесь как раз есть чему поучиться у американцев —

администрация Белого дома не сможет разрастись больше, чем там имеется помещений.

— Спасибо за откровенный ответ. Признаюсь, на подобный шаг согласился бы пойти далеко не каждый государственный лидер. И последний вопрос, господин президент. Может, он покажется вам смешным, но... Почему вы до сих пор пользуетесь тем самым лимузином, который я видел еще в восьмидесятом году? Согласитесь, что выбор автомобиля первым лицом государства — ответное решение.

— Украина имеет собственный автозавод, поэтому ездить на чужих автомобилях я считаю для себя зазорным. Но, к сожалению, наш «ЗАЗ» — точнее, «Мотор Сич», — так до сих пор и не смог изготовить правительственную машину, которая прошла бы проверку службы безопасности и отвечала бы всем предъявляемым требованиям. Вот я и пользуюсь до сих пор своим старым ЗИЛом. Правда, двигатель в нем поменяли на «Роллс-Ройс» и электроникой современной напичкали. Но тут уж ничего не попишешь — мы оба с ним ветераны и нуждаемся в обновлении.

— И напоследок, господин президент. Вы на протяжении стольких лет обладали почти безграничной властью. Вас не страшит ее потеря?

— Оставить тяжелейшую работу, связанную с огромной ответственностью за судьбы десятков миллионов людей, когда мои силы уже не позволяют с ней справиться? Вы шутите, сэр Паркер. Что бы вы сказали, если бы с ваших плеч свалилась гора, которую вы держали на плечах четверть века?

— Спасибо, господин президент, — Паркер с неподдельным уважением посмотрел на собеседника. — И... удачи вам.

* * *

2004 год, десять лет спустя

Газета «Сегодня»

...Вчера в клинике «Феофания» на восемьдесят седьмом году жизни скончался Владимир Васильевич Щербицкий. Владимир Щербицкий с 1972 по 1991 год занимал пост Первого секретаря Коммунистической партии Украины. В 1991 году он был избран Президентом Украины и занимал этот пост до 1994 года, отказавшись баллотироваться на второй срок...

...После ухода на пенсию Владимир Щербицкий сдал государственную дачу и служебную машину. Квартира на улице Десятинной, которая, как выяснилось, тоже являлась служебной, была передана ему особым постановлением кабинета министров. Щербицкий не занимал никаких государственных и общественных должностей, не писал книг и не читал лекций. Единственным доходом первого Президента Украины была государственная пенсия. Он вел крайне замкнутый образ жизни и два-три месяца в году проводил в санатории «Чернобыльский бор», где когда-то состоялась знаменитая «встреча оппозиции», приведшая к отставке Горбачева. Единственным человеком, с которым Щербицкий довольно близко сошелся в последние годы жизни, оказался британский миллиардер Пирс Паркер. Август каждого года Щербицкий по приглашению Паркера проводил в его шотландском поместье Мерикалтер, где эксцентричный медиамагнат реконструировал средневековую прецепторию тамплиеров.

Сердечный приступ, приведший к смерти восьмидесятишестилетнего персонального пенсионера, произошел с ним после того, как новоизбранный президент Виктор Ющенко отдал Генеральной прокуратуре распоряжение завести уголовные дела на партийных и государственных деятелей СССР, «проводивших репрессии против борцов за демократию и

независимость Украины». В число потенциальных преступников попал и бывший Первый секретарь ЦК...

...Прощание с Владимиром Васильевичем Щербицким проходило в зале Мариинского дворца. Это стало возможным после того, как Ющенко одним из первых своих указов вернул президентскую администрацию в бывшее здание Центрального Комитета, а здание, спроектированное архитектором Растрелли, снова стало местом торжественных приемов.

Особым законом, принятым Верховной радой в экстренном порядке, тело Щербицкого решено было предать земле в нескольких сотнях метров от места прощания, рядом с могилой освободителя Киева генерала Ватутина, убитого бандеровцами. Памятник, возведенный над могилой, по стилю должен быть идентичен ватутинскому, а на надгробной плите из черного гранита предполагалось сделать такую же надпись, заменив только фамилию: «Щербицкому от украинского народа».

Во время траурной церемонии, под звуки ружейного салюта, в воздух взмыло около тысячи голубей, которых Щербицкий так любил при жизни.

Для увековечения памяти первого украинского Президента его именем будут названы новые улицы в Киеве, областных и районных центрах. Кроме того, его имя получит одна из центральных столичных библиотек...

...В интервью, которое дал радиостанции «Эхо Москвы» председатель Объединенной социал-демократической партии России Михаил Горбачев, в частности, говорится: «При всем уважении к этому государственному деятелю, я не могу не отметить, что именно Щербицкий, а не Лигачев стоял в тысяча девятьсот восемьдесят восьмом году во главе антидемократического заговора. Если бы не государственный переворот, устроенный реакционерами-коммунистами, я бы никогда не допустил развала Советского Союза...»

...Наш специальный корреспондент в Украине сообщил, что бывший служебный автомобиль недавно умершего Щербицкого приобретен британским медиамагнатом Пирсом Паркером. Стоимость покупки представители управления делами администрации президента, в чьем владении находился «ЗИЛ-131», назвать отказались.

На пресс-конференции, устроенной в день, когда купленная машина специальным авиарейсом была доставлена в Эдинбург, Пирс Паркер пояснил, что, будучи журналистом, он не раз встречался с Щербицким начиная с тысяча девятьсот восьмидесятого года. «Когда я впервые увидел Владимира, — сказал сэр Паркер, опершись на крыло машины, — он вышел из этого самого монстра. Лимузин своим ходом приедет в Мерикалтер и будет напоминать мне о нашей стариковской дружбе».

Глава 7

Вожди познаются в беде

1980 год

Щербицкий вздрогнул, испытав странное и ни на что не похожее ощущение возврата в собственное тело. Пропущенные сквозь себя годы и десятилетия тяжким грузом легли на сердце. А здесь, в туннеле строящегося метро, в его отсутствие ничего не изменилось: волхв недвижно сидел в углу, на входе в пещеру мерцал электрический занавес. Парторг до сих пор так и не дотянулся рукой до каски, а у него из-за плеча выглядывал совсем молодой Пирс Паркер. Коммунист, твою мать!

— Ну, и как тебе было наблюдать за своими похоронами? — спросил волхв.

— Жутковато, — честно признался первый секретарь. — Хотя пережить гибель своей страны — было тяжелее. Зато теперь, когда мне все известно, я смогу...

— Не сможешь, — оборвал его странный собеседник. — Как только мы расстанемся, ты забудешь обо всем.

— Так для чего же мне это все показали?

— Только для того, чтобы ты мог сделать выбор.

— Но я ведь должен знать, что произойдет, если катастрофа случится при мне! Иначе как я могу решать?

— То, что случится при твоей жизни, ты увидишь и так. Мы можем показать тебе то, что произойдет через двадцать пять лет при другом развитии хода событий. Ты готов?

— Готов.

И Первый секретарь ЦК Компартии Украины опять покинул свое тело и погрузился в пучину времени.

* * *

2007 год

Межигорье, 27 апреля

Свой дачный особняк на берегу Киевского моря Щербицкий признал не сразу. Долго присматривался и колебался, пока наконец не понял, что неказистое строение на краю огромного, едва ли не с футбольное поле, участка — это и есть тот самый дом, который он занимал в бытность свою первым секретарем. Ошибиться немудрено — вся примыкающая к уходящей вдаль густо-черной глади Киевского моря заповедная роща была выкорчевана, а в центре образовавшейся проплешины вздымалось тяжелое бесформенное здание с крышей, утыканной каминными трубами. По проплешине, превращенной в газон с вычурным фонтаном, со стороны «старого» дома к «новому» бежал немолодой коренастый человек, судя по замашкам — старший офицер из «девятки». Человек пробежал мимо фонтана, промелькнул в световом пятне фонаря и устремился к широкому помещицкому крыльцу. Призрачный Щербицкий проследовал у него за спиной до самого входа. Из глубины холла навстречу вбежавшему поднялся широкоплечий крепыш лет двадцати пяти.

— Товарищ подполковник, во время моего дежурства...

Тот отмахнулся, обрывая доклад.

— Хорошо, хорошо, капитан. Что он?

— Спит, товарищ подполковник. В двадцать три двадцать поел, выпил коньяку, посмотрел

телевизор и убил в спальню. Мы докладывали...

— Мать твою, поспал всего два с половиной часа... — подполковник ожесточенно почесал переносицу. — Но один хрен, придется будить. Кажись, у нас ЧП.

Капитан угрюмо вскинул стриженую голову.

— Так ругаться же будет — еще и уволить прикажет. Было уже такое, когда шахтеров завалило...

— Знаю, Микола. Но тут дело посерьезнее, и прямо у нас под боком. На проводе генеральный директор «Атомэнерго», он же советник по ядерным делам. Ему вроде как по должности положено докладывать в любое время.

Капитан Микола, позабыв о субординации, выматерился одними губами.

— Авария?

— Ага. В Чернобыле, на АЭС. Атомщик говорит, что все очень серьезно, подробности только шефу. Вот я сам и пришел. Связь — дело ненадежное.

Большие напольные часы показывали начало третьего.

Подполковник осторожно, но твердо постучал в дверь и, приоткрыв ее настолько, чтобы только протиснуться, вошел в спальню.

На широкой кровати, укрывшись по грудь блестящим атласным одеялом, лежал человек. Его лицо, обезображенное странной болезнью, казалось в свете ночника пугающей маской.

Полоска света из коридора упала человеку на лицо. Он поморщился во сне.

* * *

Голос продолжал настойчиво звать его по должности. Президент открыл глаза и сел, откинувшись на массивную спинку кровати. В дверях стоял начальник охраны.

— Что случилось? — раздраженно спросил разбуженный.

— Чрезвычайное происшествие, господин президент. Только что звонил генеральный «Энергоатома»: на Чернобыльской станции большой пожар.

— Что-то серьезное?

— Он на связи. Вас соединить?

— Ну давай.

Подполковник отдал короткое распоряжение в переговорное устройство. На прикроватной тумбочке ожил мобильник. Президент приложил к уху его корпус из золота.

— Что там, Юра?

— Ночью проводили испытания четвертого реактора, Виктор Андреевич. Что-то там у них не сложилось, реактор загорелся.

— Что там сейчас?

— Тушат.

— А мне ты чего посреди ночи звонишь?

— От Чернобыльской АЭС до вашей резиденции по прямой меньше восьмидесяти километров. А там, судя по всему, серьезная утечка радиоактивного топлива. Дозиметры зашкалили. Есть опасность...

Лицо президента перекосила гримаса непритворного испуга.

— Так что же ты сразу не сказал! — президента словно пружиной подбросило вверх. Он швырнул телефон на кровать и, уже не интересуясь дальнейшим, метнулся к дверям. — Охрана!

— Какие будут распоряжения? — спросил начальник охраны.

— Какие тут распоряжения? Буди срочно жену, детей. Самолет в Гостомеле готовьте к

вылету. Машину и сопровождение к дому, сейчас же...

— Куда запрашивать трассу?

«Во Франкфурт», — чуть не брякнул президент, но одумался и сказал:

— На Львов. Нет, лучше в Ужгород.

Другого места, находящегося на самом западе Украины, он не припомнил.

— А какие будут распоряжения по аварии?

— Вначале выберемся отсюда, — взвизгнул президент, — а там уже будем решать!

Не успели часы в холле сдвинуть минутную стрелку на пять делений, как из ворот резиденции под аккомпанемент сирен и мельтешение мигалок вынесся президентский кортеж.

Начальник охраны разыскал на складе положенный по штату дозиметр, прочитал инструкцию и нажал нужные кнопки. Не дожидаясь десяти секунд, требующихся для измерения, прибор замигал красной лампочкой и зашелся в истошном писке.

* * *

В салоне президентского «Ан-74» шум двигателей был слышен не сильнее, чем гудение кондиционера. Президент Украины возвратился из туалета, который за время полета он посещал уже пятый или шестой раз. Закрыв за собой дверь, привычно ощущая прохладу тяжелой позолоченной ручки. Когда изготавливали внутреннюю отделку салона, президент хотел, чтобы все металлические части были сделаны из серебра, но Катерина настояла на восемнадцатикаратном золоте. Он с тревогой подумал об оставленной в Киеве коллекции антиквариата. Показушные прялки и глечики — чепуха, черт с ними, а вот трипольских статуэток, золотых изделий из скифских курганов и дворянских драгоценностей, годами накапливавшихся в недоступной для посторонних комнате, было откровенно жаль.

Телефонный аппарат на журнальном столике засветился кнопками и выдал негромкую мелодичную трель. Левые «американские» часы на панели из красного дерева показывали двадцать минут одиннадцатого — значит, в Вашингтоне еще не ложились. Он взял трубку. Ему ответил не офицер связи, а один из трех абонентов, которые могли быть соединены напрямую.

Спокойный голос с галицийским, немного американизированным акцентом принадлежал хорошо знакомому человеку.

— Виктор, вы сейчас где?

— Еще в самолете. Минут через двадцать буду в Ужгороде.

— Вы еще не отдавали никаких распоряжений?

— Нет.

— It's okay...

— Скажите, президент Соединенных Штатов уже знает о произошедшем?

— Конечно, Виктор. Ему доложили об этом вне регламента, после приема бейсбольной команды, третьим пунктом в списке неотложных новостей, сразу же после того, как ваши слова подтвердились. Системы космического наблюдения зарегистрировали тепловую вспышку на реакторе и радиоактивный выброс.

— Уже приняты какие-то решения?

— Через полчаса начнется брифинг в нашем ситуативном центре. По моим оценкам, мы сможем выдать первые рекомендации примерно через четыре часа.

— И что я должен делать в это время?

— Ничего. Пока что позаботьтесь о собственной безопасности и, ради бога, не предпринимайте по возможности никаких радикальных мер.

Президент Украины положил трубку и долго сидел, не отрывая взгляда от секундной стрелки, продолжая наблюдать за часами, показывавшими время в Америке. Из раздумий его вывел бортовой селектор.

— Звонят из Минчаэс, господин президент. Просят разрешения объявить повышенную готовность.

— Пусть ждут указаний.

— Но их дежурный настаивает...

— Передай, что, если он еще хоть звук издаст, отдам под суд за панику.

— Еще на связи глава администрации.

— Пусть срочно вылетает в Ужгород вместе с управделами.

— Ждут ответа министры внутренних дел и обороны, а также спикер Верховной рады...

Президент обхватил голову руками и вжался в кресло, словно испуганный ребенок.

С тех пор как в бытность его председателем правления Нацбанка в один прекрасный солнечный день к нему на дачу неофициально приехал очень улыбчивый директор некой «международной неправительственной организации», учрежденной вездесущим фондом Сороса, и предъявил увесистую папку с документами, свидетельствующими о том, как он размещал бюджетные деньги на депозитах кипрского банка, а проценты переводил на свой личный счет, ему ни разу не потребовалось принимать серьезные самостоятельные решения. Должность премьера, переход в оппозицию, баллотирование в президенты, Майдан и затем кабинет на Банковской, бывшей Орджоникидзе — путь к вершине власти был проложен лучшими в мире специалистами, умеющими в любой сложившейся ситуации быстро оценить обстановку и подсказать правильные действия. Даже ощутив пьянящую силу публичной власти, президент Украины в глубине души отдавал себе отчет, что в сущности своей он так и остался ловким и памятливым на цифры колхозным бухгалтером, а потому не делал ни шагу без согласования с заокеанским руководством. Сверчок хорошо знал свой шесток...

Офицер связи, не дождавшись ответа, отключился.

Президентский самолет вошел в зону диспетчерского обслуживания аэропорта Ужгород и начал снижение. Командир корабля взял управление на себя, объявил по громкой связи о снижении и попросил пристегнуть ремни. Просьба была не более чем данью строгой инструкции — за все время его работы на правительственных самолетах ни один из сановных пассажиров этого требования не выполнил.

Второй звонок из-за океана раздался уже в машине, на полпути к закарпатской даче.

— Виктор, мы уже имеем предварительные решения. По оценкам экспертов, у вас произошел чудовищный радиоактивный выброс.

— Что вы рекомендуете предпринять? — прошептал президент, борясь с внезапной сухостью во рту.

— Даже самый оптимистичный прогноз показывает, что Украина не сможет самостоятельно справиться с катастрофой. Рядом граница России, и на их военных базах уже отмечено повышение активности. Завтра мы соберем чрезвычайное заседание Совета Безопасности ООН.

— А какие меры будут предприняты сегодня?

— На ваш мэйл отправлен текст обращения к украинскому народу. Вы должны выступить с ним по телевидению сегодня в prime time^[4]. Пусть ваши спичрайтеры на месте кое-что еще уточнят, но основные тезисы изменять нельзя. Вы должны объявить особое положение, после чего дадите в ООН официальный запрос на оказание гуманитарной поддержки. И уже через шесть часов после принятия резолюции мобильные подразделения НАТО в Европе начнут действовать.

— Электронная почта по спецсвязи, господин президент! — доложил по прямой связи помощник из сопровождающей машины.

Президент независимой Украины поднял крышку ноутбука и щелкнул по моргающей иконке с пиктограммой, изображающей почтовый конверт.

* * *

Киев спал. Фонари в городе не горели, но уже начало светать, и поэтому полковник смог прочесть надпись на синей табличке у трехэтажного дома с выдающейся полукругом колоннадой. Здание штаба семнадцатой воздушной армии, расположенное в тихом урочище старого Киева на углу Чкалова и Коцюбинского, было хорошо знакомо Щербицкому, правда, теперь на нем висела странная табличка «Министерство чрезвычайных ситуаций». В просторном вестибюле было пусто, только у входа за стойкой одиноко дремал старший сержант с красной повязкой на рукаве.

Протяжно скрипнула тяжелая входная дверь. Снаружи донеслось приглушенное урчание отъезжающей машины. Старший сержант вскочил навстречу вошедшему.

— Товарищ полковник, помощник дежурного...

— Отставить. Последние десять минут сбор не объявляли?

— Никак нет, товарищ полковник.

— Оперативный на месте?

— Так точно, товарищ полковник.

Человек с резкими чертами лица и злым взглядом уверенно двинулся вверх по лестнице на второй этаж. Сержант пулей метнулся к стойке, схватил телефонную трубку и поспешно доложил, ни разу не запнувшись на спотыкливых словах:

— Товарищ подполковник, в штаб прибыл заместитель начальника информационно-аналитического управления!

Полковник быстрым шагом прошел по застеленному дорожкой коридору до двери с надписью «Оперативный дежурный» и, не обращая ни малейшего внимания на надпись «Посторонним вход строго запрещен», вошел внутрь.

Большое помещение, переоборудованное из актового зала, было занято рядами разделенных деревянными стойками отсеков, из которых торчали верхушки компьютерных дисплеев. Один или два экрана светились, но не ядовито-зеленым цветом, знакомым Щербицкому по Институту кибернетики, а яркими красками — словно цветной телевизор. Всю дальнюю стену занимала мигающая разноцветными лампочками подробная карта Украины.

Из-за стеклянной перегородки навстречу прибывшему вышел хмурый подполковник. Они молча обменялись рукопожатиями.

— Ты уже узнал? — спросил оперативный дежурный. — Откуда?

— Работа такая, — невесело усмехнулся в ответ полковник.

Их прервало дребезжание длинного, без пауз, телефонного звонка.

— Замминистра, — тихо произнес подполковник. Прижав к губам указательный палец, он вернулся за стекло к своему рабочему столу и нажал клавишу на пульте.

— Слушаю, товарищ генерал!

Из динамика донесся профессионально-недовольный голос, каким обычно обращаются к подчиненным неуверенные в себе сановники.

— Рассказывай про обстановку.

— Ночью прошел доклад из Чернобыля по линии пожарных. Вначале речь шла о

возгорании на четвертом реакторе. Затем стали говорить о выбросе радиации, но уровень пока не уточнили. Там регионалы командуют, они сразу же приступили к тушению.

— Есть жертвы?

— По докладом, один человек. Завалило обрушенной стеной.

— Что обрушилось?

— Вся внутренняя часть энергоблока.

Наступила долгая тягучая пауза, разбавленная тяжелым сопением из динамика.

— Какие будут распоряжения, товарищ генерал? — подождав, осведомился подполковник.

— Верховному доложили?

— Так точно, согласно инструкции.

— И что?

— Было приказано не поднимать панику и ждать дальнейших указаний.

— Ну так и выполняй! Я же на больничном со вчерашнего дня, и мои приказы юридической силы не имеют — случись что, обвинят в превышении полномочий. Так что звони новому министру и решай все с ним.

Абонент отключился. Офицеры, не сговариваясь, тихо выматерились в унисон.

— Бывший подполковник КГБ, — прокомментировал начальник Разведуправления. — Благополучно пересидел застой, перестройку и все годы независимости. От каждого из президентов получил по звездочке, нюх на опасность имеет просто феноменальный.

— Ага, все оценил и решил не рисковать, — кивнул, соглашаясь, оперативный дежурный. — Как тогда, когда склады боеприпасов рванули. Так что, звонить министру? Только которому из двух? Три дня назад было судебное решение, старый восстановлен в должности районным судом, но не утвержден постановлением кабмина. Стало быть, новый, хоть и назначен президентским указом, тоже на птичьих правах... Это тебе не бюджетные фонды распределять — теперь, пока президент не отдаст приказа, ни один, ни второй носа сюда не покажут.

— Тоже верно, — полковник тяжело вздохнул. — Стало быть, как всегда, все свалится на начальников управлений?

Оперативный молча кивнул.

— Значит, — резюмировал замначальника информационно-аналитического управления, — отдуваться за всех будешь ты, гражданская оборона и Управление оперативно-спасательных служб.

Время шло к началу рабочего дня, и оперативный зал понемногу заполнялся сотрудниками. Фантомный Щербицкий, внимательно наблюдавший за всем происходящим, отметил непривычно большое число женщин в офицерских погонах. А полковник явно не собирался покидать оперативного дежурного — изредка отвечая на звонки, они прихлебывали кофе, принесенный посыльным.

— Спецсвязь, — недовольно пробурчал подполковник, возвращаясь к рабочему столу. — Не могли подождать немного, мне через сорок минут дежурство сдавать.

Человек на другом конце провода орал так, что его было отлично слышно всем находящимся в зале:

— Это Винница, оперативный дежурный сорок третьей ракетной армии Вооруженных сил Российской Федерации, мать вашу распротак! Слушайте, что там у вас творится? В Новобелокоровичах, на пусковых шахтах, вся дозиметрия словно с ума сошла. Мы подумали сначала, что у нас утечка на специзделиях. Проверили — а это ваш Чернобыль трещит, как Новая Земля через час после ядерных испытаний!

— Не шуми, — ровным голосом ответил оперативный. — Ты нашу ситуацию знаешь. Мне

поступил доклад о пожаре на Чернобыльской АЭС, больше никаких данных не имею.

— Зато я имею! Пожар, подполковник, это херня. Из Москвы передают, что спутники зарегистрировали мощнейший выброс! И пятно активной грязи расползается со скоростью ветра.

— Это точно?

— Нет, это я так шучу. Буду я тебе под объективный контроль звиздеть... — ругнулся российский коллега. — Давай телеграмму с официальным запросом, и я тебе по электронке вышлю все свежие карты радиационной разведки.

Подполковник схватил вторую трубку:

— Узел связи? Телеграмму «Монолит» на Винницу, аллюром. Посыльного ждать некогда, никого не присылайте — я надиктую, а на бланке распишусь потом.

Полученные с российских военных баз и спутников данные сразу же вывели на главную карту. Над наполненным людьми залом поднялась явственно ощущаемая волна ужаса.

— Звони президенту, — тихо сказал полковник, покосившись на бледные лица людей за мониторами.

Подполковник поднял трубку с золоченым тризубом, произнес несколько фраз, но, оборванный на полуслове, побагровел и с размаху хлопнул ею по рычагам.

— Слушать ни о чем не хотят! Сказали, что вечером будет официальное выступление гаранта по ящику, а все приказы потом.

Начальник разведки загнул трехэтажный мат, способный вогнать в краску и старого боцмана, знакомого с многоязычной ненормативной лексикой.

— Ладно, я у себя. Буду поднимать управу в ружье.

Оперативный дежурный посмотрел на часы. До прибытия смены оставалось совсем немного. Но это уже не имело значения...

Он посидел неподвижно минут пять, уперев взгляд в свой рабочий стол, после чего начал методично обзванивать смежников.

Дежурный по Министерству обороны явно был в курсе дела, но на всякий случай прикинулся дурачком:

— Объект невоенный. Без распоряжения главкома я не могу выделить ни одного бойца. Обратись к национальной гвардии, подполковник. Их там аж тридцать три тысячи человек! Да и вообще, у Вооруженных сил боеспособных частей кот наплакал — всего три аэромобильные бригады и танковый полк. Сам же знаешь, все сухопутчики — это дворники и сторожа при складах...

Оказавшийся на месте первый заместитель министра внутренних дел, в отличие от своего армейского коллеги, был циничен и прям:

— Извини, но я на радиацию своих людей без письменного приказа не брошу. Эти жлобы энергетики ездят на «Лексусах», а отдыхают на Канарах, они там чего-то наворотили, а моим за них в пекло лезть? Нет уж, наше дело — поддержание правопорядка, а не борьба с радиацией.

— Но хоть ГАИ подними, — взмолился оперативный, — пусть дороги перекроют!

— Какое ГАИ, уважаемый? Его же ваш президент и расформировал. У нас теперь не хватает народа даже для того, чтобы дежурить на улицах!

Звонок во внутренние войска оказался столь же результативен. Эта силовая структура была вообще напрямую подчинена президенту. Их дежурный уже получил строгий приказ и разговаривать о чем-то кроме необычно холодной погоды и футбольных успехов «Динамо — Киев» категорически отказался.

Утро уже вступало в свои права. Но пробуждающийся город еще ничего не знал о надвигающейся беде...

А потом позвонил из своего кабинета полковник.

— Тут, в общем, такое дело, — угрюмо сообщил он оперативному дежурному. — Есть информация, что в Министерство обороны неофициально обращался человек из аппарата представителя НАТО в Украине. Он запросил информацию о количестве дееспособных транспортных самолетов, особенно тяжелых, и просил по возможности мобилизовать как можно больше переводчиков с литовского, латвийского, эстонского и польского языков. Ты все понял?

— А что тут непонятного? — устало ответил подполковник. — Пользуясь случаем, они готовят фактическое вторжение. Теперь ясно, почему президент молчит.

— И еще информация — в приемных Верховной рады, Администрации президента и кабмина лежат официальные предложения России о помощи. Чернобыль на самой границе, и их вполне может зацепить. Однако наши пока молчат — все ждут президентского слова.

Подполковник закончил разговор и перезвонил дежурному на входе в здание штаба. Как и следовало ожидать, ни один из заместителей министра на рабочее место не прибыл. А это означало две крайне неприятные вещи: первое — некому будет отдать рапорт о сдаче дежурства, и второе — до прибытия в здание руководства вся исполнительная власть огромного министерства будет сосредоточена в его руках.

Пришел рассыльный с целой пачкой текущих докладов по обстановке. Подполковник задержал солдата и быстро пробежал глазами короткие сообщения, каждое из которых неумолимо свидетельствовало о том, что уточненная оценка последствий с каждым часом становится все страшнее и страшнее, что обтекаемое слово «авария» понемногу заменяется колючим понятием «катастрофа» и что похожие на вопли утопающих запросы о приказах и распоряжениях — это явный признак того, что обстановка уже практически вышла из-под контроля тех, кому положено было ее контролировать.

Подполковник закончил в свое время Московскую академию химзащиты и начинал службу начхимом полка. Он лучше других мог оценить последствия утечки радиации. Ветер был северо-восточный, а стало быть, вся поднятая в воздух зараза, сколько бы ее там ни было, через несколько часов окажется прямо над Киевом. Некоторое время оперативный дежурный размышлял о том, чтобы аккуратно, с соблюдением мельчайших формальностей, сдать дежурство, вернуться домой, взять жену, сына и все свои небольшие накопления и рвануть к теще в Запорожье до того, как в Киеве начнется неуправляемая паника.

Единственное решение, которое он мог сейчас принять, скорее всего, приведет его на тюремные нары. «И ради чего? Ради кого? — подумал он. — Ради зажавшихся мафиози из кабмина и Верховной рады? Ради трепещущего перед американцами президента? Ради спасения кукольно-хорьковой „оранжевой республики“ и присосавшихся к ней лизоблюдов, воспевающих фашистских прихвостней и переписывающих историю в угоду новым хозяевам жизни? Нет, — возразил он сам себе. — Не ради них, а ради миллионов киевлян, ставших заложниками безответственных политических игрищ».

Подполковник, словно досылая в ствол последний патрон, взял у посыльного бланк официальной телеграммы и заполнил его несколькими короткими строчками.

«Командующему контингентом Вооруженных сил России на территории Украины. В связи с невозможностью справиться с катастрофической ситуацией наличными силами и возникновением очевидной угрозы мирному населению, прошу оказать необходимую помощь в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС».

Посыльный, стоявший у него за плечом и прочитавший написанное, пулей помчался в узел связи. Через сорок три минуты с подполковником связался российский генерал:

— Запрос получен. Информация прошла всю официальную цепочку, и наш президент дал

добро. Батальон спецназа уже грузится в «вертушки». Первым делом обеспечим оцепление. Чуть позже подтянутся специалисты и радиологическая лаборатория. Как только оценим ситуацию, будем решать, что делать дальше, — он чуть замялся, словно не решаясь произнести заключительную фразу которая, как и все оперативные переговоры, записывалась на пленку, и все же добавил: — Благодарю вас, товарищ подполковник.

Оперативный устало выдохнул, еще немного посидел за столом, затем подтянул к себе чистый лист бумаги, снова взял ручку и начал писать: *«Министру ЧС. Рапорт. Прошу освободить меня от обязанностей оперативного дежурного и направить на ликвидацию последствий...»*

* * *

Холеный майор со щирыми запорожскими усами пулей вылетел из зала оперативного управления и засеменил по коридору, воровато оглядываясь по сторонам и одновременно лихорадочно отыскивая в памяти своего навороченного мобильного нужный номер.

— Ясь, это ты? — спросил он, прижимая трубку ко вспотевшему уху. — Просыпайся — с тебя две штуки баксов. Ага. Кто, кто? Хрен в пальто! Загорулько, помнишь такого хлопца? МЧС, Департамент связей со СМИ. Ну, теперь узнал?

Человек на другом конце провода быстро пришел в себя.

— Михайлович? Привет. Ты по существу говори. Что, опять склады рванули?

— Нет, Ясь, все куда серьезнее. Подтверди гонорар, и расскажу.

— М-мм... Восемьсот долларов. Больше наш продюсер не дал бы даже за инфу про события одиннадцатого сентября в Нью-Йорке.

— Информация секретная, так что штука — и ни цента меньше. Или я звоню на пятый канал. Ты ведь знаешь, они отстегнут без базару.

— Ага, звонил бы ты мне, если бы они тебе так отстегивали. Ладно, подожди, сейчас с шефом.

— Давай-давай, — майор ухмыльнулся, пользуясь тем, что его никто не видит. — Время пошло.

Глава 8

Судный день

...Первые сообщения об аварии просочились в эфир к обеденным новостям. Но съемочные группы ведущих телеканалов страны добрались до Припяти только на следующий день. Добрались — и сразу же приступили к работе, реализуя принцип «Волка и журналиста ноги кормят».

— Как вы видите, уважаемые телезрители, — бодро вещала в микрофон девушка-тележурналистка, не забывая сохранять на своем миловидном личике выражение тревожной озабоченности, как нельзя лучше подходившее к обстановке прямого репортажа с места катастрофы, — на месте энергоблока четвертого реактора Чернобыльской АЭС теперь лишь обгорелые и обрушившиеся стены. К сожалению, нам не удалось подойти ближе, — бесстрастная телекамера зафиксировала на лице журналистки профессиональное сожаление, — территория атомной станции оцеплена военными. Напоминаю, что вы смотрите прямой репортаж студии «Лаванда-ТВ». С вами была Анна Гуренко.

Анна завершила репортаж, поежилась. Апрель в этом году выдался холодным, зря она так легко оделась. Облизнула губы. Нащупав языком трещинку, нахмурилась. Неужели и от новой дорожкой помады нет толку? Надо, наверное, витаминов попить... Интересно, попало ли это в кадр? Жалко, что Слава Ройзман сегодня не поехал. Он снимает в сто раз лучше, чем вечно пьяный Горобченко. Но Ройзман отказался — сказал, что боится радиации... И сколько там той радиации за час работы?

Она повернулась к перебирающему бумаги режиссеру:

— Ребята, я отдохну немного: голова кружится — от солнца, наверное, отвыкла.

— Посиди, — великодушно согласился режиссер и добавил озабоченно: — Что-то мой компьютер глючит. Сейчас Петя заменит карту памяти, и будем продолжать. У нас по сценарию дальше интервью с местной жительницей.

Анна, пошатываясь, отошла в сторону и вдруг переломилась пополам. Ее сотрясала безудержная спазматическая рвота.

Из аппаратной кабины передвижной телестудии высунулся техник.

— Слушайте, тут фигня какая-то — усилик полетел, и передатчик не пашет. Так что прямого включения не бу... — Он прервался на полуслове и с выпученными глазами стал наблюдать за тем, как журналистка, держась руками за живот, выхаркивает из себя сгустки алой венозной крови.

Фоторепортер-фрилансер, увязавшийся по знакомству за съемочной группой, наставил на Анну объектив «Кэнона» и лихорадочно щелкал затвором. Бросаться на помощь бедной девчонке он не спешил — за это деньги не платят, а вот за уникальные фотографии можно сорвать хороший куш.

Снимок известной всей стране журналистки криминальных новостей, которую рвало кровью на фоне выгоревшего реактора, уже к вечеру был выложен в Интернете. Фото сопровождали обстоятельные комментарии специалистов, разъяснившие еще не ощущавшим радиационной опасности обывателям, что означает и такая вот реакция организма, и светлые пятнышки брака, которыми была усеяна фотография...

Информация, идущая со всех сторон, была противоречивой. Государственные службы работали из рук вон плохо, средства массовой информации питались в основном слухами. Ведущие телепрограмм на все лады (в зависимости от политической принадлежности своих хозяев) комментировали странное выступление президента. То, о чем он говорил, мало кого

интересовало — страна, от серьезных непубличных аналитиков, до провинциальных домохозяек давно уже поняла, что невнятные затянутые речи «гаранта конституции» не несут ни полезной информации, ни подтекста. Важно было то, где находится президент и его семья, а находились они в далеком и безопасном Закарпатье. Выводы напрашивались сами собой...

А к вечеру 27 апреля 2007 года на сервисе Google Earth выложили спутниковые карты радиационной обстановки, совмещенной с метеоданными. Все эти дни дул преимущественно легкий северо-западный ветер, температура дня и ночи не отличалась столь резко, чтобы стимулировать осадки. И теперь любой, кто имел доступ в Интернет, мог собственными глазами наблюдать за тем, как на Киев медленно наползают пылевые облака, несущие в себе незримую смерть.

* * *

Киевским Южным мостом Щербицкий мог по праву гордиться. В тысяча девятьсот восемьдесят девятом этот мост считался самым современным в Союзе. Первый секретарь помнил, что строительство обошлось в сто двенадцать миллионов рублей. Только вот семнадцать лет назад здесь не было такого количества автомобилей — казалось, они съехались сюда чуть ли не со всей Украины. Щербицкий подивился тому, что в сплошном автомобильном потоке, натужно переползающем из центра на левый берег, были в основном иномарки — редкие «Жигули» и «Таврии» выглядели в этом моторизованном скопище белыми воронами или, точнее, гадкими утятами.

От разглядывания машин его отвлекла вспыхнувшая на въезде милицейская мигалка. Она заморгала на большой белой иномарке, которая, то и дело надсаживаясь непривычно резкой сиреной, пробивалась через запруженную проезжую часть. Щербицкий-наблюдатель незримой тенью пронесся вдоль моста, следя за всем происходящим из своего вневременья. У основания высокой бетонной мачты, к которой сходились стальные нити вант, творилось что-то неладное. Сверху было хорошо видно, как пестрый поток перегораживает запруда из разбросанных в беспорядке черных прямоугольников. Спустившись ниже, Щербицкий смог разглядеть, что черные прямоугольники — это большие, явно представительские машины со спущенными колесами, выбитыми стеклами и цепочками вмятин от автоматных очередей. Вокруг машин, не обращая внимания на затор, метались вооруженные люди в военной форме.

Машина дорожно-постовой службы, тоже подвывая сиреной (словно собачонка, на которую раздраженный хозяин не обращает внимания) и моргая проблесковым маячком, тщетно пыталась пробиться к месту дорожно-транспортного происшествия. Воспользоваться встречной полосой на мосту возможности не было — посередине проходила линия метро. В роте, обслуживающей Южный мост, знали, что пробка здесь возникает мгновенно, — стоит лишь перекрыть на пару минут хотя бы один ряд, — но и рассасывается такая пробка быстро, минут за десять-пятнадцать. Настоящие заторы, перекрывающие движение больше чем на час и парализующие жизнь в четвертой части многомиллионного города, происходят гораздо реже, но все же случаются — в основном после лобовых или цепочечных столкновений, когда разбитые машины занимают несколько рядов. Сейчас, похоже, был именно такой случай — пробка образовалась грандиозная. Отчаявшись пробиться к месту событий на своем дребезжащем «УАЗ Патриоте», гаишники двинулись вперед пешим порядком, однако к месту происшествия им пробраться так и не удалось.

Проезжую часть перегораживала цепочка широкоплечих ребят в камуфляже, наставивших на толпу стволы отнюдь не учебных автоматов. За спиной у охранников о чем-то спорили,

размахивая руками, люди в дорогих костюмах. Старший лейтенант милиции и сопровождающие его сержанты имели табельные «макаровы», но пользоваться ими они не умели, да и на рожон лезть не собирались. Отодвинув плечом одного из своих бойцов, к гаишникам подскочил человек в сером мышинном костюме.

— Управление госохраны, — он махнул в воздухе синим удостоверением, хотя в этом не было особого смысла: милиционеры и так уже поняли, с кем имеют дело.

— Что произошло? — скорее для проформы спросил битый жизнью старлей.

— ... — тихо, чтобы не услышали у машин, выругался майор правительственной охраны. — Председатель СНБО^[5] и министр транспорта ехали в аэропорт и левый ряд не поделили. Джип охраны Совета национальной безопасности и обороны подрезал автобус с сопровождением министра, те в ответ его бортанули джипом, а потом началась перестрелка. Слава богу, все машины бронированные, и никого не зацепило шальной пулей. Теперь вот боссы выясняют отношения. Подождите минут десять, ребята. Сейчас они договорятся между собой, кому на чем ехать, и тогда мы снимем оцепление. А вы потерпите еще минут пятнадцать, растащите этот хлам, — он кивнул на искалеченные «Порше Кайену», «Линкольн-навигатор» и «Сабербан», — и запускайте толпу.

— Нормальное дело... — осторожно возмутился гаишник. — В городе полный гармидер, все пытаются уехать. О людях вы подумали?

— Это их дело думать, — полковник указал в сторону все еще выясняющих отношения сановников, — а мы, — он пожал плечами, — обязаны выполнять. У меня, между прочим, у самого семья на Соломенке осталась.

Возвращаясь к своей машине, гаишники, уже ни во что не вмешиваясь, наблюдали, как ручеек машин, словно вода, стремящаяся прорвать неожиданно возникшую преграду, отыскал въезд на встречную полосу и, расширяясь с каждой минутой, заполняет мост.

Примерно то же самое — с вариациями, зависящими от местных конструктивных особенностей, — происходило на всех четырех автомобильных мостах Киева. Вскоре выезды из города во всех направлениях превратились в многочасовые тянучки.

Старший лейтенант ДПС^[6], слышав сверху стрекочущий звук, поднял голову. Над центром города хищной железной стрекозой кружил вертолет. По возвращении в дежурную часть старлей узнал из телепрограммы, что предприимчивые авиаторы, наплевав на строжайший запрет полетов над городом и не опасаясь существующей лишь на бумаге украинской ПВО, начали предлагать свои перевозочные услуги тем, кто в состоянии был за них заплатить.

* * *

...К вечеру двадцать восьмого апреля трансконтинентальная автотрасса Е40, идущая из далекого французского Кале до самой китайской границы, на участке, соединяющем Киев и Борисполь, мало чем отличалась от городской улицы в разгар часа пик. Машины текли по ней от столицы в сторону города-спутника, рядом с которым располагался международный аэропорт, и дальше — на Полтаву и Харьков, полностью заняв обе полосы.

Щербицкий уже вполне освоился со своим «телевизионным» внутренним зрением и «фантомным» состоянием, а потому без труда перенесся в салон первого попавшегося авто. Это была новенькая ярко-синяя иномарка, в которой ехала семья: муж, жена и пятилетний сын. Женщина с ребенком, утомленные многочасовой ездой и дерганьем, спали в обнимку на заднем сиденье. Сидящий за рулем мужчина лет тридцати был напряжен и думал о вещах, не совсем

понятных Первому секретарю ЦК Компартии Украины.

Из его сбивчивых мыслей Щербицкий понял, что отца семейства зовут Сергей, что он работает товароведом в большом универсаме, а его жена занимает должность экономиста в каком-то районном банке. Причем по всему выходило, что работа жены намного престижнее. Щербицкому это показалось странным — по докладам сотрудников ОБХСС он знал, что именно работники торговли, имеющие доступ к дефицитным товарам, самые уважаемые люди. В своем, конечно, кругу. Как говорил Райкин: «Через завсклад, через товаровед...». А что можно украсть или «достать» в банке? Там ведь бумажки одни, контора — она и есть контора.

Но более всего товаровед Сергей переживал за свой недавно построенный кооператив. В голове у него чаще всего крутилось непонятное слово «ипотека». Из общего смысла Щербицкий понял, что этим словом обозначается ссуда на покупку квартиры. Выдал ссуду как раз тот самый банк, где работала жена, и теперь Сергей очень переживал, не заставят ли возвращать долг, даже если дом окажется зараженным радиацией. Мысли этого торгового человека показались Щербицкому до крайности нелепыми: чепуха какая, ведь если квартира будет признана аварийной, то государство выделит им равноценное жилье, и все дела.

Близился вечер. Сергей, третий час сжигая бензин, полз в потоке машин, не имея возможности ни остановиться, ни свернуть. Слава богу, теща живет в Полтавской области, а их дом находится на левом берегу Днепра. Окажись они по другую сторону реки, им некуда было бы ехать: все мосты через реку, если верить все хуже и хуже работающему Интернету, заблокировались еще в обед.

Они с женой решились бежать из города после дневных новостей, когда по двум еще работающим телеканалам несколько раз подряд показали снятое на телефон видео. Один из десятка вертолетов, вывозивших из города богатых людей, подлетая к элитному дому, попытался протиснуться между двумя недостроенными высотками, но зацепил лопастью стрелу строительного крана, рухнул вниз и сгорел дотла.

Эффектное зрелище гибели вертолета с людьми, транслированное в режиме реал-тайм, несколько не остудило пыл желающих выбраться из обреченного (это зловещее слово звучало в разговорах все чаще и чаще) города. Если верить тому, что говорил телеведущий, то даже несмотря на аварию, стоимость одного места в «частном воздушном такси» быстро поднялась до ста тысяч долларов. У Сергея, старшего менеджера большого гипермаркета, и его жены, замначальника кредитного управления банка, таких денег не было и в помине, так что единственным шансом вырваться из города оставалась лишь недавно купленная автомашина, приобретение которой проделало в семейном бюджете солидную брешь.

Не прошло и получаса, как движение по трассе окончательно застопорилось. Сын проснулся и стал проситься в туалет. Жена вывела его наружу и запетляла к обочине меж капотов. Сергей включил радио и услышал:

— Товарищ полковник, как заместитель начальника городской ДПС, расскажите, пожалуйста, нашим слушателям, что происходит сейчас на дорогах.

— Все выезды из Киева на протяжении нескольких десятков километров превратились в сплошные тянучки. Бензин на автозаправках почти закончился, цены на него растут с космической скоростью, однако попавшие в ловушку автомобилисты на последние деньги заполняют баки и все подручные емкости. Тем не менее число брошенных прямо на дорогах машин растет, и заторы становятся совершенно непроходимыми.

— Что вы рекомендуете тем, кто сейчас застрял на дороге?

— К сожалению, стояние в пробках бессмысленно. Если у вас закончился бензин, лучше всего оставить машину на обочине и попытаться добраться пешком до ближайшей железнодорожной станции.

Когда жена и сын вернулись к машине, Сергей рылся в багажнике, собирая вещи, которые нужно было забрать с собой. Беседу с полковником слушал не он один — вскоре по обочинам дороги вдоль омертвевшего автомобильного стада медленно брела бесконечная человеческая толпа.

Щербицкий вспомнил, где он видел подобное раньше. В сорок первом, когда он, только что призванный в армию инженер-механик, получив лейтенантские погоны, ехал из Днепропетровска к месту назначения на Закавказский фронт, ему навстречу такой же унылой вереницей двигался на восток поток беженцев. Сходство было полным — точно так же плакали дети, точно такое же отчаяние лежало на осунувшихся лицах женщин, точно так же валялся по обочинам брошенный скарб. Разве что меньше в сорок первом было среди беженцев мужчин — почти все они ушли на фронт, — и над головами бредущих на восток людей висели воюющие самолеты с крестами на крыльях, щедро рассыпавшие свинцовую смерть.

«Почему, — с отчаянием подумал первый секретарь, — из века в век рушатся на голову моего народа страшные бедствия, преодолевать которые приходится с крайним напряжением сил, неся при этом неисчислимые жертвы? За что? Беда приходила с востока с полчищами конных кочевников, беду приносили с юга ятаганы турецких янычар, беда приползала с запада на броне фашистских танков. А теперь беда летит с севера — летит по небу, по такому синему и такому чистому...»

* * *

Для Моисея Фишмана, редактора газеты «Новая правда Украины», как и для сотен тысяч других киевлян, которые в извечной надежде наших людей на чудо до сих пор не решались покинуть обреченный город, каплей, переполнившей чашу страха и терпения, стал злополучный репортаж о гибели вертолета.

Ночь, когда произошла авария, Фишман провел в редакции — по графику он был выпускающим. Вернулся домой под утро, проспал почти до обеда и узнал о произошедшем только вечером из обращения президента, после которого в эфир, словно из прорвавшейся плотины, обрушились потоки противоречивой информации. Фишман сразу же припомнил далекий семьдесят шестой год, когда Киев потрянуло пятибалльным отголоском румынского землетрясения, и решил не делать резких движений. В ту памятную ночь он, еще мальчишка, вместе со встревоженными родителями, спустившись на улицу, застал там народное гулянье. Киевляне, перешучиваясь и стесняясь выказывать друг другу испуг, побродив с полчаса по улицам, возвращались домой. И очень хотелось верить, что и сейчас все будет точно так же.

Нагнетание страха с несуществующими гриппозными эпидемиями, наводнениями и взрывами на артиллерийских складах, после прихода новой «демократической» власти, прочно вошло в дежурный арсенал украинских политтехнологов, поэтому многие неглупые и практические люди, к числу которых причислял себя и Фишман, плюнули на ставшие уже привычными телеужастики и продолжали жить прежней жизнью. Однако делать это с каждым часом становилось все труднее.

Весь следующий день Фишман провел в редакции. Плевался, подписывая в печать откровенный бред, но печатать было нечего. Пресс-службы государственных организаций, от комитета по информации до Администрации президента, отвечали перенятой с Запада отговоркой «без комментариев», а к концу рабочего дня и вовсе перестали отвечать на звонки. Мобильная связь, словно в новогоднюю ночь, работала с перебоями. Репортеры, штатные и нештатные, «из разведки» не возвращались. Чтобы хоть как-то заполнить полосы, оставшиеся в

редакции сотрудники вынуждены были переписывать своими словами мутные заметки, выловленные в Сети.

И только на третий день совсем еще недавно бывшие абстрактными слова «опасность радиационного заражения» материализовались настолько, что население огромного города, опережая надвигающееся ядерное облако, начал охватывать тихий ползучий ужас. Большая часть местных телепрограмм и радиоканалов прекратила вещание. Оставшиеся, уже не скрывая страха, сообщали о массовом вылете частных самолетов из Борисполя, Жулян и Гостомеля; о перестрелках между правительственными кортежами, не поделившими полосу на трассе или очередь въезда в ворота; о ловушке, в которой оказались пытавшиеся покинуть Киев автомобилисты.

И наконец, этот треклятый вертолет... Фишман выключил телевизор и подошел к окну. Проспект, на который выходила кухонная сторона квартиры, несмотря на утреннее время пик, был пуст — лишь изредка по нему проносились в сторону Святошина одинокие машины. И эта пустота, какой Моисей Фишман не наблюдал здесь даже в маломашинные советские времена, была страшнее всего, что он до этого видел и слышал.

Впервые за много лет Фишман мысленно поблагодарил хозяина газеты за жадность. Зарплаты и гонораров не хватало на дорогой отдых, и потому семья Фишмана отправилась в Ялту в мертвый сезон.

Интернет, к счастью, пока работал. Фишман открыл карту автомобильных пробок. Киев на ней выглядел красным солнышком — таким, как рисуют его дети, — с неровной окружностью кольцевой дороги и расходящимися от него кривульками коротких редких лучей. Это означало, что все автомобильные выезды из города заблокированы. То, что город нужно покинуть, и как можно скорее, было ясно как божий день. При этом путей к спасению имелось немного: точнее, всего один.

Фишман заметался по квартире и наскоро упаковал командировочный чемодан. Перед тем как открыть входную дверь, схватил с тумбочки в прихожей старенькую «Нокию» и попробовал позвонить жене. Тщетно — бесстрастный женский голос несколько раз подряд сообщил о том, что абонент временно недоступен.

До станции метро «Политехнический институт» от дверей подъезда было пять минут быстрым шагом. Еще не завернув за угол ко врезанному в первый этаж обычного дома вестибюлю, Фишман увидел несколько сот человек с чемоданами, а то и с узлами, упорно штурмующих стеклянные двери. Он представил себе, что должно твориться внутри, и скрепя сердце отказался от мысли прорваться в метро. До конечной цели — железнодорожного вокзала — было не так уж и далеко, минут тридцать-сорок ходу, и редактор газеты «Новая правда Украины» решил проделать этот путь пешком.

Проклиная свое еврейское счастье, идиотское правительство и оттягивающий руку чемодан, Фишман, почти выбившись из сил, добрал до универмага «Украина». Машин на улицах больше не стало — видимо, те, кто мог и хотел, сбежали еще вчера, — зато пешего народа, движущегося по направлению к вокзалу, заметно прибавилось. Отягощенные ручной кладью, по большей части плохо одетые люди отчужденно шли вперед, не глядя друг на друга. Глухое отчаяние, владевшее всей этой беспорядочной толпой, ощущалось почти физически, и Фишман поймал себя на мысли, что воспринимает все окружающее так, словно находится в прифронтовом городе, с ужасом ожидающем прихода оккупантов, — точь-в-точь как в рассказах деда, портного с Евбаза, который пережил немецкую оккупацию, чудом избежав Бабьего яра.

От мрачных мыслей его отвлек тарахтящий рокот вертолетов. Несколько хищных пятнистых стрекоз, явно военных, пронесли над самыми крышами в сторону центра. Люди на

улице, провожая их взглядами, одновременно повернули головы на ходу. Толпа густела и, переклестывая через тротуар, стала понемногу занимать проезжую часть.

Поравнявшись с гостиницей «Лыбидь», Фишман завертел головой. До вокзала отсюда можно было добраться двумя путями — наверх по бульвару Шевченко до улицы Саксаганского, а потом вниз по Коминтерна, или направо, по Жилианской. Первый маршрут проходил по затяжному подъему, второй был длиннее, но не требовал волочить в гору проклятый чемодан, казавшийся уже чугунным.

Что он будет делать, попав на вокзал, Фишман представлял себе смутно. Должны же там быть какие-то поезда, электрички, в конце концов, — им-то не страшны пробки. Да и вообще, главное — вырваться из кольца блокады, а дальше будет видно. Моисей машинально ощупал правый карман, в котором лежала семейная заначка на черный день — пять с половиной тысяч евро. Судя по тому, что с каждой минутой желающих воспользоваться железной дорогой становилось все больше, место в вагоне нужно будет покупать отнюдь не в кассе.

Прикидывая, в какую сумму ему выльется сегодняшняя поездка, Фишман добрался наконец до улицы Пестеля, уходящей вправо под острым углом. Это была даже не улица, а короткий тупиковый переулок, в конце которого возвышался удаленный вестибюль, соединенный надземной галереей с южными платформами и привокзальной площадью. Чемодан давно превратился в многопудовую гирю, а галерея изрядно сокращала оставшийся путь. Не обратив внимания на то, что идущая к вокзалу толпа стала еще гуще и занимала теперь уже всю проезжую часть, Фишман решительно повернул направо.

В конце тупиковой площадки, где к трамвайному кольцу сходились улицы Пестеля и Старовокзальная, за цепочкой брошенных торговых палаток серел двухэтажный вестибюль. Но подходы к нему были наглухо перекрыты черной полосой омовцев с отблескивающими на солнце пластиковыми щитами — ловить здесь явно было нечего. Фишман завернул за угол, чтобы вернуться по Старовокзальной на прежний маршрут, и тут ему стало по-настоящему страшно: людской поток, выливающийся из двух улиц, прямо на глазах сливался в плотную черную массу, напоминающую какое-то многоглавое и многоногое чудовище. Толпа начала напирать, выдавливая его к трамвайному кольцу.

Пять лет назад, когда он еще был ведущим рубрики катастроф и происшествий и подписывал свои статьи как Михаил Рыбак, Фишман готовил серьезный аналитический материал по минской трагедии на Немиге. Майское гулянье на Троицу с праздником пива было прервано тогда неожиданно налетевшей грозой с крупным градом. Единственным укрытием для нескольких тысяч собравшихся оказался подземный переход станции метро «Немига». Люди внутри этого подземного перехода оказались в ловушке, а те, кто находился снаружи, спасаясь от града, напирала, не зная, что происходит впереди, и не отдавая себя отчета в том, что они делают и чем это может кончиться.

Фишман отлично помнил статистику тех трагических событий. Толпа насчитывала примерно две с половиной тысячи человек, а погибло в давке пятьдесят три — из них сорок две девушки и два милиционера. И еще Моисей вспомнил о том, что не вошло в статью, — данные из секретного аналитического отчета, сделанного психологами КГБ, которые в конце шестидесятых, по личному распоряжению Брежнева, обработали все доступные материалы по всем подобным событиям, начиная с приснопамятной Ходынки. Когда задние напирала, а передние либо останавливаются, либо поворачивают назад, уплотнившаяся толпа входит в резонансные колебания, которые возбуждают в подсознании первобытный страх, напрочь отключая разум и свободу воли. Малейшее препятствие приводит к падениям, и упавшим почти никогда не удается снова встать на ноги.

Он отбросил чемодан с отчаянием ящерицы, отбрасывающей хвост, но было уже поздно.

Две узкие улицы закупорили прибывающие люди, а путь к платформам загородил милицейский заслон. Но даже если бы щиты и резиновые дубинки не преграждали путь к спасительным дверям, эти двери все равно не смогли бы впустить внутрь всех желающих.

Из-за высокого бетонного забора, ограждающего железнодорожные пути, донесся длинный протяжный гудок. Через несколько секунд ему начал вторить еще один, тоном пониже.

— Последний отходит!!! — раздался откуда-то справа истошный вопль.

Толпа выдохнула в едином порыве, над площадью взметнулся тысячеголосый рев, и людская масса, сокрушая препятствия, рванулась вперед.

Рядом страшно, до рези в ушах, закричал ребенок, и крик его сменился мяукающим жалобным визгом раздавленного котенка. Фишман шарахнулся в сторону и споткнулся о высокий бордюр. Его сильно толкнули в спину; он упал на колени, с отчаянием утопающего вцепившись в край чьей-то куртки. Затрещала ткань, а затем на голову редактора обрушился жестокий слепящий удар. Фишман распластался на земле и завопил от боли — люди пошли прямо по нему, не разбирая дороги и топча упавших. Он несколько раз ощутил, как в спину впиваются острые женские каблуки, но вскоре многочисленные удары слились в единую, всепоглощающую боль, в которой тонуло и растворялось сознание...

...С высоты птичьего полета — оттуда, откуда смотрел на происходящее Щербицкий-наблюдатель, — все пространство вокруг вокзала напоминало растревоженный муравейник. Когда обезумевшая толпа наконец-то выдохлась, схлынула и рассеялась, все прилегающие улицы были покрыты несколькими слоями упавших и раздавленных людей. Мертвые и еще живые, они лежали вперемешку, и никто не спешил прийти к ним на помощь. И постепенно живых в этой жуткой каше становилось все меньше, а мертвых — все больше...

А вечером похолодавший воздух опустил на город тяжелое облако радиоактивной пыли.

Часть вторая

Витязь

Глава 9

Волки гибнут в одиночку

— Господин генерал, почему карта заражения Киева напоминает шкуру леопарда?

— В тот день, когда выброс радиоактивного горючего достиг Киева, в городе не было дождя и дул очень слабый ветер, поэтому контуры оседания пылевых облаков выделяются очень четко. Встречаются даже дома, зараженные частично.

— Наши зрители постоянно интересуются, почему до сих пор не предпринимаются активные меры по обеззараживанию города?

— Это невозможно ни технически, ни организационно. По самым приблизительным оценкам, внутри санитарного кордона находятся сотни миллионов тонн зараженной почвы и зданий. Дезактивировать их на месте — нереально. Вывозить? А куда? В другой регион, чтобы создать еще одну, не менее обширную, радиоактивно опасную область? Учитывая это, я могу сказать, что, вероятно, в ближайшие пятьдесят или даже сто лет территория города будет непригодна для жизни.

— Вы имеете в виду, для нормальной жизни? Ведь там до сих пор остаются люди.

— К сожалению, это так, — на лицо генерала набежала тень деланой скорби. — Даже через два месяца, прошедшие после катастрофы, выжившие в панике, давке и последовавшей жестокой борьбе за существование все еще выходят к блокпостам.

— И сколько же, по вашим оценкам, людей находится сейчас внутри периметра, блокируемого вашим гуманитарным контингентом?

— В Киеве до Судного дня — по приблизительным оценкам — находилось около четырех миллионов человек. Более двух миллионов так или иначе покинули город. Не менее двухсот тысяч, по подсчетам с воздуха и по другим данным, в том числе косвенным, погибло на улицах во время паники. Исходя из плотности заселения районов и интенсивности выпадения пятен радиации, еще миллион-полтора людей умерло от лучевой болезни.

— Апокалипсис... Итак, простая арифметика говорит, что сейчас в городе находится не меньше полумиллиона человек?

— Со всеми допусками и погрешностями — от двухсот до трехсот тысяч.

— Около трехсот человек на квадратный километр. Это много или мало?

— Для нормального функционирования такого большого города — ничтожно мало. Для внешнего контроля — слишком много.

— Приходится признать, что к цивилизационной катастрофе такого масштаба никто не был готов. Все мы представляли себе сталкеров либо малахольными проводниками, как в фильме Тарковского, либо бравыми суперменами из ремейка Питера Джексона. Однако все оказалось совсем не так. Закрытой зоной стала не заброшенная полупустая территория, как в повести Стругацких, а агонизирующий огромный город. Кстати, что вы можете сказать о тех, кто добровольно отказывается покидать Киев? Есть ведь и такие, верно? Так кто же они, эти новые сталкеры?

— Мы предпочитаем термин «looters», — генерал брезгливо поморщился, — мародеры. Прежде всего это дезертиры. Почти девяносто процентов рядовых, сержантов и офицеров различных военизированных структур, от армии до налоговой полиции, находившихся в городе в дни катастрофы, получив приказ выступить на ликвидацию заражения, предпочли самовольно оставить свои подразделения и теперь не рискуют покидать город, даже несмотря на обещанную амнистию. Вы знаете, мода на постапокалиптические игры, книги и фильмы сыграла с человечеством злую шутку. Многие люди просто не хотят покидать эту «зону» с ее

дикими законами. Тех, кто попал в беду и просит нас о помощи, мы, безусловно, спасаем. Но ради вооруженных бандитов, добровольно оставшихся в этом аду, командование не желает рисковать жизнями солдат.

— Каким образом вы контролируете территорию города?

— В основном контроль осуществляется с помощью воздушных средств наблюдения. Мы начали проводить спасательные рейды на бронетехнике, но эти операции неожиданно встретили активное вооруженное сопротивление. Беспилотные разведчики барражируют круглые сутки. Правда, с недавних пор их начали сбивать переносными противовоздушными системами.

— Даже так? И кто же оказался настолько хорошо вооружен, сталкеры? Простите, лутеры.

— Мародеры разобщены и вооружены только легким стрелковым оружием — это явно не их работа. Мы опасаемся, что в закрытую зону стали проникать извне представители международных террористических группировок.

— Зачем им это нужно? Неужели зараженная радиацией территория может привлечь внимание международных террористов?

— Может. Для них это в первую очередь база, труднодоступная для воздействия наших антитеррористических сил.

— И как вы с ними справляетесь?

— Пока с переменным успехом, — в голосе генерала скользнула тень раздражения. — Наши силы ограничены как мандатом ООН, так и финансированием. Пока на этой территории есть продовольствие, потребительские товары и оружие, мы в состоянии контролировать лишь несколько объектов внутри городской черты.

— Что вы контролируете реально?

— Крупнейшие энергетические и коммуникационные центры, а также все главные правительственные здания.

— А как же музеи, памятники культуры?

— К сожалению, наш ресурс этого не позволяет.

— Правда ли, что банды, сформировавшиеся в охраняемой зоне, имеют сношения с внешним миром?

— Периметр блокируется войсками миротворческих сил, — уклончиво ответил генерал.

— Вы не ответили на мой вопрос, — заметил ведущий. — На черных рынках начинают всплывать картины из киевских музеев, произведения искусства. Говорят даже, что золото скифов...

— Это неподтвержденные домыслы, — оборвал его ооновец. — Что касается золота скифов, то, по данным Интерпола, его вывез из города как собственную частную коллекцию некий олигарх, входивший в ближайшее окружение бывшего премьер-министра.

— Значит, в самом центре Европы, безо всякого вмешательства инопланетян, появилось парадоксальное общество, которое обладает современными технологиями, но живет по диким первобытным законам?

— Вначале, вероятно, все было именно так, однако теперь мы наблюдаем некоторую самоорганизацию. В каждом районе сформировались свои банды с жесткой иерархической структурой. Подчеркиваю — банды, не более того, даже если некоторые из них и претендуют на нечто большее.

Заметно было, что генералу неприятна эта скользкая тема, и ведущий поспешил от нее уйти.

— Что же происходит с теми, кто выходит из Зоны? — спросил он.

— Организация Объединенных Наций признала Украинскую Народную Республику

правопреемницей бывшей Украины, поэтому всех беженцев — как из Киева, так и из других мест — мы передаем службе специального миграционного контроля.

— И какова же их дальнейшая судьба? Говорят, что новое украинское правительство жестко преследует своих граждан по языковому принципу?

— По законам Украины, для подтверждения гражданства беженцам требуется сдать экзамен на знание украинского языка. Но точно так же делается и в странах Балтии, которые сегодня являются полноправными членами НАТО и ЕС.

— А те, кто не сдаст экзамен?

— Удерживаются в фильтрационном лагере, — генерал пожал плечами, — до тех пор, пока не овладеют государственным языком.

— По нашим сведениям, всех, кто выходит из Зоны, проверяют по базам данных спецслужб. Затем их берут в оборот государственные коллекторы. В УНР ввели уголовную ответственность за двойное гражданство и невозврат кредитов, так что теперь чуть ли не каждый второй беженец из тех, у кого имеется задолженность перед банком, предстает перед ускоренным судом и направляется на принудительные работы. Вы не считаете, что это жестоко и недемократично — банки наживаются на горе граждан, а правительство принимает сторону крупного финансового капитала?

— Извините, — генерал посуровел, — но я не могу комментировать внутренние дела суверенного государства. Мы сотрудничаем только с официальным Тернополем, и сеть фильтрационных лагерей для беженцев — это их внутреннее дело.

— Хорошо, давайте вернемся к сталкерам, то есть, простите, к мародерам. Ведь если продажа всего, что осталось в городе, приносит доход, — вкрадчиво заметил корреспондент, — значит, имеется способ пронести этот, как выражаются они, «хабар» через ваши кордоны?

— Вопросы соблюдения законности, — индифферентно ответил генерал, — находятся вне моей компетенции. Борьбой с преступностью и контрабандой занимаются Интерпол и специальное оперативное бюро УНР.

— А что вы можете сказать о Чернобыльской зоне, смыкающейся с Киевской зоной и образующей вместе с ней подобие гигантской восьмерки? Там творится что-то совершенно фантастическое — невиданные твари, аномальные явления, загадочные находки...

— Без комментариев. Я занимаюсь конкретными делами, а насчет легенд Зоны, находящейся на подмандатной территории России, — это не ко мне.

— К величайшему сожалению, — ведущий улыбнулся в объектив профессиональной синтетической улыбкой, — наше время в эфире подходит к концу. Напоминаю, что с вами был Элтон Паркер и его ежедневное телерадиошоу «Честный разговор», а сегодняшний специальный гость нашей программы — глава временного Контингента гуманитарных частей ООН в районе бедствия, генерал Петерс. После рекламного блока вам предстоит встреча с создателями фильма «Сталкер-3», мировая премьера которого состоится двадцать шестого октября, ровно через шесть месяцев после Чернобыльской катастрофы. Компьютерную игру «Сталкер-2» производства студии «Лукасартс» вы можете заказать в нашем интернет-магазине...

* * *

Улица Ветрова шла вдоль забора, ограждавшего с тыла центральный ботанический сад. Наверху она выводила к университетскому скверу, а внизу упиралась в улицу Коминтерна. Когда незлой городской ветер задувал с той стороны, то воздух, и без того налитанный

ароматами гниющей мусорной кучи, густел смрадом от многих тысяч все еще разлагающихся тел. Там, внизу, — царство крыс, ворон и собак, которое оставшиеся в городе люди обходят десятой дорогой.

Путь наверх тоже был закрыт, но по другой причине. На Красный корпус Универа и окружающие его строения легло радиоактивное пятно, и они заражены так, что чуть ли не светятся в темноте. Этот участок можно было бы обойти по противоположной стороне улицы, но в чудом уцелевшем сквере «гуманисты» установили блокпост, в котором сидят полкрестьянски пугливые словаки, сразу стреляющие на поражение. Через проходные дворы и внутри незнакомых зданий никто из выживших не ходил: углубившись в застройку, можно было нарваться на радиоактивное пятно, попасть в мародерскую засаду или встретить стаю распробовавших человечинку одичалых собак.

За высоким забором виднелись часто растущие деревья и торчали стеклянные крыши оранжерей. Алексей поправил сползший от пота респиратор, поелозил плечами, проверяя, как держится купленный вчера у «диких барыг» за две банки мясных консервов плащ ОЗК, выскочил из укрытия и, преодолев по кратчайшему расстоянию проезжую часть, двинулся к ближайшей дыре.

Перед тем как углубиться в зеленую зону, он обернулся и бросил взгляд наверх, где в пентхаусе жилой высотки располагалось его нынешнее убежище. На первый взгляд мысль устроиться на крыше оставленного жильцами высотного дома могла показаться глупой, но именно нелепость такого выбора в городе, чьи немногочисленные обитатели предпочитали забираться в кротовые норы подвалов, и обеспечивала его надежность. Двадцатичетырехэтажная свечка, точнее, расположенная на самом ее верху многоярусная квартира представляла собой неприступную крепость с отличным обзором, которую можно было удерживать, по крайней мере, несколько дней — были бы патроны. А в мире, где мало кто загадывал будущее больше чем на неделю, этого было более чем достаточно.

Путь через сад лежал вдоль служебных построек и дальше, через рощу по заросшему деревьями склону круто наверх, к корпусам больницы. Дело шло к полудню. Над кронами, шевеля ветки, погуливал легкий августовский ветерок. Здесь, в ботаническом саду, не нужен был никакой прибор: пожухлые листья и выгоревшая трава четко обозначали границы пятен. Но береженого бог бережет: перед тем как углубиться в кленовую рощу, Алексей привычно ткнул пальцем в кнопку включения радиометра и покосился на экран. Уровень на лужайке был в норме — во всяком случае, испокон веку живущие здесь белки чувствовали себя вполне комфортно. Они деловито метались по деревьям и смешно прыгали по траве, не обращая ни малейшего внимания на одинокого человека. А вот птиц в городе почему-то почти не осталось.

Плечо оттягивала трех с половиной килограммовая «Сайга». По уму, этот охотничий карабин давно пора было сменить на настоящее оружие, однако для этого нужен был стоящий хабар. Но, чтобы его добыть, требовалась фантастическая удача — по незараженным домам третий месяц рыскали такие же, как он, искатели того, что плохо лежит, и ценностей там почти не осталось. Можно, конечно, попробовать проникнуть в богатую квартиру или какой-нибудь музей, однако такие места контролировались серьезными лутерскими бандами — схлопотать там пулю было легче легкого.

Алексей пересек рощу и затаился у кучи мусора, за которой вздымалась заросшая деревьями стена оврага. Дорога наверх тут была не особо опасной, но требовала знания особенностей и определенной аккуратности. А здешняя особенность заключалась в том, что в вестибюле станции метро «Университет», с верхнего яруса которого большая часть сада просматривалась как на ладони, почти сразу после бедствия прочно обосновалась небольшая и довольно странная группа. В первые дни после грандиозной кровавой давки, когда выяснилось,

что власти в Киеве больше нет и каждый теперь предоставлен самому себе, сотни, если не тысячи молодых людей, начитавшихся широко разрекламированной фантастики, ринулась осваивать станции и тоннели метро. Идея из модной книжки оказалась заведомой глупостью — без электроэнергии, вентиляции, водопровода и прочих незаметных и зачастую непонятных обывателю вещей, о которых автор бестселлера, по всей видимости, не имел даже самого общего представления, безжизненные эскалаторы и мрачные станции с туннелями стали настоящей ловушкой для тех, кто, упрямо отбрасывая здравый смысл, пытался там обосноваться. Вернуться наверх, из тьмы к свету, смогли единицы, а больше желающих испытать судьбу, бродя безо всякого смысла в темных холодных подземельях, не нашлось. Такие вот вышедшие снизу ребята, которых прозвали «морлоками», и оккупировали вестибюль. После блужданий в метро мозги у них явно были свернуты — они раздобыли оружие и, руководствуясь совершенно непонятными соображениями, определили для себя сектора обстрела и убивали всех, кто пытался пересечь невидимые границы. Так что путь отсюда был только один — наверх.

Августовское солнце изрядно пекло, и к концу затяжного подъема Алексей взмок под плотной резиной плаща, словно посидел в парилке. Еще совсем недавно по городу можно было перемещаться по ночам — и прохладнее, и спокойнее, — однако пару недель назад ночные рейды стали смертельно опасными. Нападения на «гуманистов» участились, и теперь их подвижные механизированные группы на бронетранспортерах «Бредли», оснащенных инфрасканерами, без предупреждения поливали из пулеметов любое тепловое пятно.

На широком бульваре с каштановой аллеей посреди проезжей части не было ни души. Отсюда нужно было как можно быстрее проскочить до кондитерской у Оперного театра, а там переждать, пока проедет нечастый дневной патруль. Самая короткая дорога вела туда по улице Леонтовича, но пару недель назад какой-то псих, вооруженный снайперской винтовкой, засел в одиннадцатом доме и обстреливал оттуда всех, кто пытался пройти мимо Владимирского собора. Поэтому двигаться пришлось противолодочным зигзагом — по Владимирской.

Алексей глянул на экран персональной дозиметрической системы. Неплохую машинку французского производства он успел прихватить еще в первые дни, когда это счастье доставалось задаром — их разбрасывали по улицам с машин. А вчера на «диком рынке» за такую коробочку какой-то долговязый хмырь с пулеметом отдал торговцу пятьдесят золотых царских рублей. Стараясь держаться поближе к домам и все время косясь на шкалу прибора, Алексей проскочил по Владимирской мимо памятника президенту Центральной рады Грушевскому и, внимательно осмотрев потенциально опасный перекресток, нырнул в раскрытые двери первого на маршруте убежища.

Первый этаж здания на углу Хмельницкого и Лысенко с уходящим в глубину залом и уцелевшей витриной он использовал уже не впервые. Лежать на полу, притворяясь мусорной кучей, то есть в самом что ни на есть прямом смысле прикинувшись ветошью, было несложно, но утомительно — патруль мог появиться и через несколько минут, и через час-полтора. Чтобы скоротать время, оставшееся до его прохождения, Алексей всунул в уши кругляши наушников, включил радио и настроился на программу новостей.

Стекло витрины задрожало. Алексей выключил приемник и затаился. Секунд через десять послышался нарастающий гул, и вскоре из-за угла вывалилась тяжелая туша «Фукса» — германского бронетранспортера TPz-1. На его боках, покрытых буро-серым городским камуфляжем, синели эмблемы Гуманитарных сил ООН. Сперва «салатовые каски» гоняли по опустевшим улицам Киева на армейских «Хаммерах», но капризная легковушка, не имеющая ни броневое покрытие, ни защиты от радиации, в городских условиях оказалась прекрасной мишенью для лутеров. Потеряв пятый или шестой экипаж, командование «гуманистов» забило

во все колокола и обеспечило наиболее опасные направления старыми, но надежными шестиколесными утюгами, специально сконструированными для ведения ядерной разведки. Нашпигованные самой современной аппаратурой, бронированные машины открывали огонь на любое шевеление и были неуязвимы для автоматов и помповых ружей, так что теперь ооновцы разъезжали по своим дежурным маршрутам в относительной безопасности.

«Ооновцы», — хмыкнул про себя парень. Американцами здесь были только бойцы батальона морской пехоты, охраняющего специалистов и штаб, а англичане с немцами ограничились тем, что прислали по взводу охраны для своих официальных эмиссаров. Всю черную работу выполняли недавние «добрые соседи и братья по социалистическому лагерю» — прибалты, поляки, словаки и прочие чехи-хорваты, рекрутированные белоручками-капиталистами для выполнения опасного «гуманитарного долга». И, как положено бывшим лучшим друзьям, вели они себя в Зоне, словно оккупанты. Словаки, наплевав на всех, промышляли грабежами, литовцы и эстонцы не мародерствовали, но обращались с окруженцами, будто с домашним скотом. Одни лишь практичные поляки смогли извлечь реальную выгоду из сложившейся ситуации — два их блокпоста, перекрывающие участок от Красного хутора до Бориспольской улицы, за установленную таксу по ночам запускали в город ушлых торговцев, благодаря чему на территории бывшего танкоремонтного завода возник постоянно действующий «черный рынок». Перекупщики приносят туда хабар, а обратно несут то, что нужно бандам лутеров и таким вот, как он, одиночкам. Спросом пользуются антиквариат, драгоценности, произведения искусства, важные документы. Взамен можно получить продукты, батарейки, оружие, медикаменты и средства защиты.

БТР пророкотал по выщербленному, припорошенному утрамбованным мусором асфальту, и скрылся в направлении Прорезной. Оттуда машина спустится по брусчатке на Крещатик и пойдет в сторону правительственных зданий, где размещается главная база гуманистов.

Интересная программа, которую вел сын знаменитого миллиардера, завершилась рекламой «Сталкера». Алексей со злостью выдернул наушники. С пророческого фильма, снятого режиссером «Властелина колец» и «Девятого района» за два года до Судного дня, все, собственно, и началось. Судя по отзывам эстетов, философскими глубинами Тарковского этот ремейк не блистал, но Джексон, поднаторевший в зрелищных съемках, как никто сумел передать мрачную атмосферу постапокалипсиса. Перед ошеломленными зрителями предстал суровый и завораживающий мир, по сравнению с которым технопейзажи нашумевшей компьютерной игры «Хаф-Лайф» казались ухоженным сквером в институте благородных девиц. Ну а герои фильма — крутые сталкеры, то водящие людей в Зону на поиски несбывшегося счастья, то выносящие из глубин запретной территории всяческие штучки, способные осчастливить землян, стали настоящими кумирами молодежи. Одновременно с фильмом на прилавках появились и коробки с компьютерной игрой, где можно было и самому попытаться счастья в суровой, не прощающей ошибок Зоне. Но кто мог подумать, что всего через несколько месяцев в Зону, расположенную по замыслам авторов в условном западном государстве, превратится родной город Алексея?

* * *

Миновав Оперный театр — тяжелое здание с черными провалами закопченных окон и наполовину провалившейся крышей, — Алексей спустился к Золотым воротам и двинулся вдоль домов по направлению к Софии. Но, не пройдя и десятка метров, вдруг услышал за спиной отлично знакомый рокот.

По Прорезной неизвестно за каким бесом возвращался давешний бронетранспортер. Подобрал полы плаща, Алексей со всего духу рванул наискосок через дорогу. Остановился, забежав за угол массивного серого здания. Свернул на Малоподвальную, вжался в нишу.

Как ни странно, но главное здание Службы безопасности Украины не охранялось. Видимо, жуткие тайны Голодомора, на раскрытие которых с две тысячи четвертого года были брошены все силы этого ведомства, ни лутеров, ни оккупантов не интересовали. Разрывая ватную тишину, выбивая из стен куски кирпича и разметывая по улице запыленное эхо, зарокотал крупнокалиберный пулемет. Выяснить, не по нему ли открыли огонь, Алексей не стал — набрал в грудь побольше воздуха и, не разбирая дороги, понесся вниз по улице.

В голове запульсировала вычитанная где-то фраза, что, мол, достаточно погнать человека под выстрелами, и он превращается в мудрого волка. Это было даже не смешно — в какого, на фиг, волка, да еще мудрого? Сейчас Алексей ощущал себя затравленным зайцем, выжить которому помогает только инстинкт. Промчавшись мимо улицы Паторжинского и боясь экипажа бронетранспортера больше, чем тех, кого можно было встретить внутри, он нырнул в третью по счету подворотню и только там перевел дух. «Салатовые каски», опасаясь гранатометов, в глубь кварталов не суются.

К счастью, до цели опасного путешествия было уже рукой подать. Алексей миновал бывшие кабминовские гаражи, здание штаба службы охраны МВД, спустился к переулку Шевченко и, завернув за угол, чуть не наткнулся грудью на автоматный ствол.

Он инстинктивно подался назад, уходя с линии огня, и вскинул карабин, одновременно снимая его с предохранителя, но это была не случайная стычка, а хорошо подготовленная засада. Откуда-то сзади деловито простучал АКМ, и в полуметре от Алексея взметнулся поднятый пулями мусор.

— Бросай ствол, педрила, и выходи с поднятыми руками! — донесся из-за спины хриплый противный голос.

— Эй, это же ничья земля! — выкрикнул парень, отбросив «Сайгу». По неписанным местным порядкам на улицах принято было расходиться по-хорошему. — В «Глобусе» все могут хабарить!

— Була ничия, — хохотнул в ответ хриплый. — Вяжи его, хлопцы!

Через минуту Алексей, лишившись плаща, стоял на коленях, а его руки были стянуты пластиковыми браслетами.

— Второй за сегодня, — удовлетворенно произнес один из трех нападавших. — Куда его вести, на расчистку, где жывидське золото шукать?

— Не, там уже лохов хватает, — возразил другой, подбирая брошенный Алексеем карабин. — Батька приказал пятерых в старатели передать. Квартира знатная, там министр экономики жил. Говорят, нахапал столько, что и половины не смог увезти, когда драпал.

— И сильно там засвечено?

— Мало не покажется. Денек-другой, и можно зубы руками вынимать. Ну а через недельку — в яму, червей кормить.

Лутеры разговаривали, обращая на Алексея внимания не больше, чем на пойманную собаку. Парень лихорадочно размышлял, пытаясь найти выход из положения. Попытаться вырваться? Не выйдет — верная смерть. Пообещать им отдать свой схрон в обмен на жизнь? Глупо, не тот народ. Выбьют под пытками все, что нужно, проверят, а получив свое, убьют, и все дела. Оставалось только надеяться на чудо да проклинать собственную наивность. Возникшие поначалу «кодексы сталкерской чести» на глазах уходили в небытие, а те, кто их придерживался, не могли конкурировать со стаями человеческих отбросов, для которых чужая жизнь стоила меньше полуразряженной батареек. Конвоиры рывком с двух сторон подняли

Алексея на ноги и толкнули вперед. Они двинулись вверх по переулку, но успели дойти лишь до здания Проминвестбанка, где и произошло то самое чудо.

Откуда-то сверху раздался крик: «Стоять, уроды!» Судя по жестким, уверенным интонациям, голос кричавшего был не окликом бандита, а военным приказом. Людоловы завертели головами, но не успели они вскинуть оружие, как один за другим были сбиты экономными выстрелами. Алексей, не дожидаясь пули, упал, поджав под себя ноги и втянув голову в плечи. Затаив дыхание и зажмурив глаза, он услышал, как скрипнула дверь подъезда, и к нему начали приближаться уверенные тяжелые шаги. Один или двое подошли вплотную. Раздался характерный щелчок раскрываемого складного ножа. Алексей сжался и тихо застонал, ожидая удара, но вдруг ощутил свободу в руках — обладатель ножа разрезал пластиковые браслеты.

Не дожидаясь команды, парень медленно поднялся на ноги и огляделся по сторонам. Один людолов лежал, нелепо раскинув ноги, словно брошенный на асфальт манекен, и не подавал ни малейших признаков жизни. Второй стонал, держась за предплечье, — по грязному рукаву реглана расплывалось темно-красное пятно. Третий стоял спиной к стене с поднятыми руками, и в его глазах читался нескрываемый страх.

Спасителей оказалось пятеро: четверо молодых коротко стриженных ребят лет двадцати — двадцати пяти и один постарше, напоминавший повадками матерого хищника. Все они были одеты в стиранные и глаженные камуфляжные комбинезоны с незнакомыми знаками различия на рукавах. На лица у них опускались прозрачные маски, наподобие горнолыжных, а рты закрывали легкие армейские респираторы. Оружие у всех пятерых было одинаковым — новенькие короткие автоматы с подствольниками и хитроумными прицелами: судя по всему, «калаши», но каких-то спецназовских моделей.

Тот, что постарше (вероятно, командир), повел стволом в сторону стоящего у стены бандита. Лутер тонко, сквозь зубы, завизжал, словно пойманная дворняга, и обмочился.

Старший скривил губы в презрительной усмешке.

— Раз обоссался, значит, знаешь, кто мы.

Мародер закивал головой так самозабвенно, словно его жизнь зависела от быстрого утвердительного ответа.

— Бери своего подранка и волочись в логово, — распорядился старший. — И передай своему батьке, что полковник дает вам неделю. Если не сдадитесь всей кодлой — проведем операцию по зачистке, а у нас, сам знаешь, нет ни сроков, ни амнистий.

Мародер, позабыв о раненом подельнике, пулей рванул за ближайший угол.

— Вот так у них всегда. Зверье, что взять? — сплюнув, сказал рыжий высокий парень. — Что со вторым делать будем, командир?

— Оставим. Выживет — его счастье. Был приказ — пресекать бандитизм, а тех, кто выжил, отпускать.

— А с этим что делать?

Алексей вздрогнул, кожей ощутив на себе развернувшиеся стволы.

— Ты кто? — спросил старший.

— Киевлянин, — хмуро ответил парень.

— В сталкера играл, пока на уродов не нарвался, — старший не спрашивал, а скорее констатировал факт.

Алексею оставалось лишь хмуро кивнуть в ответ.

— Ладно, — сказал старший. — Пойдешь с нами. Что с тобой делать, полковник решит.

Они двинулись в сторону Майдана. Огромная площадь была покрыта мусором, как после палаточного городка во время «оранжевой революции». Выйдя из переулочка, они направились в

сторону стеклянного купола, под которым располагался многоярусный торговый центр «Глобус» — именно сюда и пробирался Алексей в надежде отыскать что-либо ценное или просто полезное. Под ногами хрустело и шуршало.

— Воздух! — закричал один из сопровождающих.

Из-за башенки Дома профсоюзов вынырнул беспилотник. Похожий на игрушку маленький самолетик покружил над домами, словно отыскивающая след охотничья собака. Почуввав что-то заинтересовавшее его невидимых хозяев, сидящих где-то за пультом, заложил крутой вираж и пошел на снижение. Ему навстречу, оставляя неровный инверсионный след, с крыши Почтамта вынеслась легкая противовоздушная ракета. Сверху негромко хлопнуло. Салютом брызнули в стороны пластиковые осколки и куски электронной начинки.

— Круто тут у вас, — сказал Алексей старшему.

— А ты думал, — ухмыльнулся тот. — Мы — военные, понял? Это тебе не золотишко по хатам тырить, парень.

Крыть было, по большому счету, нечем, и Алексей промолчал.

* * *

Вестибюль, ведущий в подземную часть бывшего торгового центра, перегораживала добротная баррикада; из-за ее верхней кромки выглядывал длинный раструб пламегасителя. «Крупнокалиберный пулемет — из тех, что ставят на „Хаммеры“», — отметил про себя Алексей, протискиваясь вслед за одним из бойцов в узкую щель между заграждением и стеной.

С тех пор как он побывал здесь недели три назад, бывший торговый центр перестал быть захламленным подвалом, в котором, рассчитывая на хабар, рылись все кому не лень. С галереи второго яруса просматривалось огромное подземное помещение, превращенное в хорошо оборудованную крепость. Бывшие бутики, мимо которых они проходили, были превращены в склады, казармы, арсеналы и подсобные помещения. По дороге им то и дело встречались деловитые люди в камуфляже. В основном это были парни двадцати-тридцати лет, но иногда попадались и люди постарше. Были здесь и женщины — последние разительно отличались от существ с затравленными взглядами, которых изредка можно было встретить среди опустевших домов. И за всем этим четким армейским порядком явственно ощущалась чья-то железная воля. Бойцы говорили о каком-то полковнике...

Они прошли по галерее в дальний конец зала. У дверей, ведущих в подземный переход и на станцию метро, дежурил караул. Старший тихо переговаривал с хмурым дядькой с красной повязкой на рукаве, кивнул несколько раз в сторону Алексея, а затем, получив согласие, требовательно махнул рукой: «Следуй за мной!»

Если подземный торговый центр, который они только что миновали, представлял собой крепость, то выстроенный еще в начале восьмидесятых переход под центральной частью площади, прозванный киевлянами «Труба», был превращен в настоящую цитадель.

Эту дверь Алексей знал хорошо. Раньше здесь находился фаст-фуд, ресторанчик быстрого обслуживания, куда он часто забегал, мотаясь по центру. Теперь же, судя по отдельной охране, несущей службу в касках и бронежилетах, здесь было что-то вроде местного штаба.

Старший пропустил его вперед и подтолкнул к дальнему концу просторного помещения с зашторенной картой на полстены.

— Товарищ полковник! Вот, еще один горе-сталкер — у бандитов отбили.

Из-за массивного письменного стола поднялся человек лет пятидесяти. Кивнул и жестом подозвал поближе к столу. Гость-пленник оглянулся на старшего и сделал несколько

неуверенных шагов.

— Как зовут? — спросил полковник, цепко ощупав его глазами.

— Алексей.

— Чем жил все это время?

— Хабарил по ничьим домам.

— Людей убивал? — голос полковника похолодел.

— Н-нет. Честное слово! — торопливо ответил Алексей, подумав, что застреленного им безумца-людоеда вряд ли можно считать человеком.

— Домой хочешь?

— Мой дом, — парень натужно улыбнулся, — сейчас фонит, как майская роза.

— А на Большую землю не тянет?

— Куда, в концлагерь к свидомитам? У меня кредит с февраля не выплачен...

— Тут уж как повезет. Могут и отпустить.

— Ага. Знаю я это везение. Радио слушаю каждый день.

Полковник подошел к краю стола, куда старший выложил вещи, обнаруженные при обыске. Взял в руки радиометр, кивнул. Покрутил в руках плеер-приемник, пробежал глазами по прочему нехитрому скарбу, долго смотрел на книжку.

— Это он за пазухой держал, — пояснил старший. — Все они эту чушь читают.

Полковник ничего не ответил. С яркой глянцевой обложки, сжимая в коротких толстых пальцах с грязными ногтями обшарпанный АКМ, щерился звероподобный бородач.

— Правители от нас отказались, — свинцовым голосом произнес полковник, будто бы не обращаясь к присутствующим, а рассуждая вслух. — На нас охотятся, как на диких зверей. Газа нет, электричества нет, воды нет. Город в блокаде, в некоторых районах уровень радиоактивного заражения зашкаливает. А бывшие студенты и школьники, — на скулах офицера вздулись желваки, — убивают друг друга, охотясь за побрякушками. Вместо этого дерьма читали бы лучше воспоминания тех, кто пережил блокаду в Ленинграде. Полезнее.

— Да понял я уже все, — хмуро ответил Алексей. — Вот перечитывал вчера — смеялся. Тот, кто это насочинял, наверное, даже в подвал настоящий никогда в жизни не спускался, а автомат видел только на картинке. Товарищ полковник, — он непроизвольно вытянул руки по швам, — а можно мне остаться?

— «Можно» Машку за ляжку, — по-армейски ухмыльнулся сержант.

— Прекратить, — жестко оборвал его полковник. — Эти свои дедовские штучки забудь, если хочешь лычки носить.

Сержант смешался и замолчал.

— Остаться можешь, — продолжил полковник, прохаживаясь вдоль стола. — Но здесь у нас не банда, а армия, сынок. Одиночки и банды обречены. Мы объявили себя автономными силами самоуправления. Еще месяц назад моя дружина насчитывала семь человек. Сегодня нас более восьмисот, а к ноябрю мы сами выставим блокпосты и объявим Зону суверенной территорией. Наша главная задача — доказать всему миру, что мы, киевляне, ни в каких гуманитарных оккупантах не нуждаемся и сами в состоянии контролировать свой город. Если не поймут, станем доказывать это наглядно, пока все их базы не сбегут за кольцевую. В общем, будем снова собирать державу, как бы странно это сейчас ни звучало.

— А мне что придется делать? — голос Алексея предательски дрогнул.

— Сначала то же, что и всем новобранцам. Прежде всего принесешь присягу перед Советом офицеров, послужишь рядовым. А дальше — дальше все зависит от тебя самого, парень. От добровольцев отбоя нет, а толковых командиров не хватает, так что выращиваем их сами. Вот устроим ускоренные офицерские курсы, будем лейтенантов присваивать. Через пару лет, если

проявишь себя, то и до комполка дорастешь.

Сталкер — уже бывший — молча кивнул головой.

— Вот и славно, — подытожил полковник. — Сейчас тебя сержант проводит в приемный пункт. Там заведут на тебя личное дело, выдадут форму. Через неделю стажировки примешь присягу и получишь оружие. Удачи, боец!

Алексей, еще ощущая ладонью крепкое рукопожатие полковника, в сопровождении сержанта подошел к прозрачной двери. За стеклом, в мерцающем свете потолочных светильников, дожидаясь своей очереди на беседу, переминались с ноги на ногу несколько потрепанных заросших ребят. Алексей протянул было руку, чтобы открыть дверь, но понял вдруг, что ни за что на свете не хочет расстаться с ощущением, которое осталось после твердой руки старого офицера. В левой руке парня все еще была зажата книга, и он бросил ее в стоящую рядом урну.

— Подбери, — сказал вдогонку полковник. — Зима не за горами. Длинная зима. Очень длинная. Эти книжки нам еще пригодятся — будет чем печи растапливать.

Беседу с очередной группой «сталкеров» полковник отложил — нужно было прочитать только что распечатанный многостраничный рапорт. Разведчики, отправленные в дальний рейд, через Лукьяновку и Подол к днепровским холмам, доставили ему поистине бесценные данные, которые следовало осмыслить и уложить в общую систему знаний о нынешнем, странном и незнакомом мире, который он всерьез собирался сделать безопасным домом для всех тех, кто волей судьбы оказался заложником многолетних бездарных политических игр, а теперь был брошен жуликоватыми игроками за ненадобностью.

Он вчитывался в ровные строчки, отмечая самое важное и то, что необходимо уточнить у начальника штаба, но в глазах его все еще стоял пучеглазый бородач с глянцевой обложки. Полковник уже видел эту книгу среди десятков ей подобных на книжной полке в комнате сына. На ярких обложках были изображены не улыбочивые мускулистые люди с винтовками, автоматами и глазами безжалостных убийц. Он пробовал читать эти книги, но быстро зарекся. Они учили только одному — оказавшись в мире после катастрофы, нужно поскорее раздобыть оружие и еду, найти надежное убежище, убить всех, кто мешает, а остальных подчинить.

А на самом деле все эти бесконечные описания оружия и боеприпасов, которые делали авторов столь авторитетными в глазах мальчишек, не нюхавших пороха, на поверку оказались полной чепухой и погубили сотни жизней. Книги про постапокалипсис. Игры про постапокалипсис. Фильмы про постапокалипсис. Но никто из сотен авторов-фантастов, придумывающих сюжеты один круче другого и громоздивших нелепость на нелепость, так и не смог предугадать, как мерзко, страшно и безысходно все это будет на самом деле.

Одиночки не выживали, но не выживали и звериные стаи, пожиравшие друг друга и бросавшие слабых на произвол судьбы. В радиоактивном хаосе огромного пустого города, ставшего ловушкой для сотен тысяч людей, могли уцелеть лишь те, кто сумел объединиться в спаянное железной дисциплиной сообщество с четким разделением обязанностей и ясной целью: выжить должны все (или хотя бы большинство). Это правило было законом для первобытных кланов охотников на мамонтов, и этот закон пришлось вспомнить их далеким потомкам, избалованным эгоистичной техногенной цивилизацией. Человеческий палец слабее звериного когтя, но пальцы, сжатые в кулак и сомкнувшиеся на копье или на рукояти каменного топора, ломали хищные лапы. Державшиеся вместе выжили и положили начало человечеству, а кости «одиноких волков» растащили дикие звери — недаром у первобытных людей самым страшным наказанием была не смерть, а изгнание из рода...

Три с половиной месяца, прошедшие со дня катастрофы, вместили в себя события, которых в иной, прошлой жизни, с лихвой хватило бы лет на десять. Временами полковнику хотелось взвыть от отчаяния, но в самые трудные минуты ему помогал упругий стальной внутренний стержень, прошедший закалку еще под раскаленным небом Афгана, дрожавшим от рокота «вертушек» и расчерченным дымными хвостами «стингеров». Та далекая война беспощадно проверяла людей, и офицеры, ходившие со своими солдатами на «боевые» и рисковавшие получить первую пулю — снайперы-душманы целились под кокарды на фуражках, — открыто презирали тех, кто занимался контрабандой наркотиков и оружия, используя для этого даже санитарные транспорты с «грузом двести» и ранеными. И он, тогда еще молодой лейтенант, именно там, в Афганистане, понял, что значат чеканные слова «честь русского офицера». А потом — потом пришло лихое злое время, когда рухнула великая империя, а на ее обломках голодными тараканами засуетились типы, спешившие урвать самый жирный кусок. Были среди

них и его бывшие товарищи, которых он не мог назвать офицерами, несмотря на погоны на их плечах.

Будучи офицером Генштаба полковник имел возможность принять активное участие в этом пире хищников, но он остался самим собой и плевать хотел на иронично-насмешливые взгляды и на липкий шепот за спиной: «Совсем умом убогий...». Политические мародеры, резвившиеся на развалинах великой страны, рвались к властным постам, яростно разрывая друг другу глотки, а он так и остался истинным офицером, не променявшим свой долг и честь на пачку банкнот с портретом давно умершего президента далекой заморской страны, распустившей щупальца по всему миру. И теперь полковник, добровольно взваливший на себя тяжкое бремя спасения тысяч жизней, делал свое дело: делал уверенно и жестко, не щадя ни себя, ни других и порой не обращая внимания на лихорадочное щелканье дозиметра. Любой из властолюбцев новой формации бежал бы от этой власти как черт от ладана, — на кой она нужна, такая власть, от которой ни денег, ни славы, а из всех почестей только внесение в список международных террористов? Но так уж устроено, что во все времена находились странные люди, стремившиеся к власти или принимавшие ее волею обстоятельств не ради того, чтобы набить свой карман и свое брюхо.

«Тернопольским властям нет никакого дела до тех, кто остался в Киеве, — с горечью думал старый офицер, — киевский „электорат“ им уже не нужен, и чем скорей он полностью вымрет, тем для них лучше. Они хорошо усвоили психологию своих хозяев: на Земле слишком много лишних людей, не требующихся для обслуживания элиты, — стоит ли сотня тысяч „лишних“ того, чтобы тратить на ее спасение время, силы и средства? Да и зачем это делать? Киевляне, брошенные в городе, прошли через ад, многие из них потеряли родных и близких; они знают, кто в этом виноват, и помнят, как вели себя власти в Судный день. В циничной логике правительству „новой Украины“ не откажешь: кто же будет вытаскивать из зараженной мышеловки Киева десятки тысяч людей, озлобленных до потери инстинкта самосохранения и готовых спросить по полной с виновников всех своих страданий? И свидетелю не потерпят, если кто-то попытается пойти наперекор: не зря патрули ооновцев и беспилотники постоянно прощупывают периметр нашей обороны. Я для них преступник».

Он давным-давно мог покинуть проклятый город, но не делал этого. Кто еще сможет помешать одураченным мальчишкам, заигравшимся в «сталкеров», стрелять друг в друга? Если ему удастся сколотить из этих «романтиков» регулярные войсковые подразделения, то они смогут обрести свободу, сокрушив хлипкие посты зажавшихся ооновцев, и собрать в кулак все рассыпавшиеся после аварии украинские земли. Кровь еще будет — реки крови, — но она крепче любого цемента спаяет обновленную державу в единое целое...

«Смерти я не боюсь, — думал полковник, — мне страшно оставить дом без хозяина. Я никому не могу передать свою ношу, значит, я буду нести ее, пока у меня хватит сил. Но это все философия, а есть и дело, которое придется доводить до конца другим, если я упаду. А пока что нужно искать дома с локальным отоплением и превращать их в опорные пункты, разыскивать уголь, запастись дрова, продукты и теплые вещи, которые через пару месяцев окажутся важнее, чем любое оружие. Сейчас еще тепло, и эти заботы мало кому приходят в голову. Но эту войну выиграет тот, кто сможет пережить зиму».

Он привычным жестом взялся за голову, как всегда делал в минуты напряженных размышлений, и сразу отдернул руку. На бетонный пол медленно упал клочок волос...

1980 год

Последние видения дались Щербицкому с огромным трудом. Мир, в который он погрузился, был непонятным и чужим. Многие из того, что происходило в разоренном Киеве, он понимал разве что из мыслей полковника, который в восьмидесятые годы был молодым офицером. Груз понимания давил на плечи непосильной ношей — Щербицкий осознал, что просто не сможет вынести дальнейшего погружения в это призрачное и в то же время столь осязаемое будущее.словно ныряльщик, достигший дна, первый секретарь сделал над собой усилие, оттолкнулся и начал подниматься на поверхность.

Он как будто выплывал из вязкой болотной жижи, чувствуя себя отчаявшимся, скованным по рукам и ногам богом-хранителем этой многострадальной земли. И ее правителем, несущим ответ за всех погибших и не погибших. Когда он увидел свет, в раненом сердце его уже не осталось почти ничего — один лишь отзвук странной незнакомой заунывной мелодии, похожей на отголосок тянущей душу шотландской волынки.

Мерцающий голубоватый свет вдали вырос и обратился в переливы электрического экрана. «Время не имеет никакого значения», — подумал Щербицкий, рассматривая все ту же застывшую картину. Метро, предолимпийские политические хлопоты, продовольственная программа — все это по сравнению с увиденным и пережитым было мелким и незначительным. Важен был лишь его город, который не должен погибнуть, чего бы это ни стоило ему лично.

— Поторопись, князь, — отозвался со своего места волхв.

Щербицкий долго молчал.

— Это хоть как-то возможно предотвратить? — произнес он наконец. — Даже ценой моей жизни?

— Нет, — старик покачал головой. — Нельзя. Проклятие Заточенного овеществлено, так что это случится, рано или поздно. А когда именно — теперь зависит лишь от тебя.

— Что требуется от меня?

— Решить, когда это произойдет. Или в твоё княжение, или после твоей смерти. Как все будет через четверть века, ты уже видел.

— Мне нужно увидеть, как все будет при мне.

— Невозможно. Я могу открывать тебе лишь то будущее, на которое ты не сможешь повлиять. Мало того, после того как ты сделаешь выбор, наша встреча исчезнет из твоей памяти.

На красивое хищное лицо первого секретаря легла тень отчаяния, лоб избородили морщины.

— Решайся, князь, — поторопил волхв. — Время уходит.

— Изменить историю моей страны, — медленно проговорил Щербицкий, — получить верховную власть и в то же время обрушить на головы моих сограждан такое?

— Только так, князь, — отозвался волхв. — Законы Мироздания незыблемы...

— Я не могу переложить это на плечи будущих поколений, — произнес Щербицкий, словно делая над собой усилие. — Если тот кошмар, что я видел, должен произойти, у меня нет права оставаться в стороне: пусть это случится при мне. Это мой город. Моя страна. Мой народ.

— Будь по-твоему. Ты сделал свой выбор, князь, — ты решил судьбу своей Реальности. А судьбу другой Реальности решит другой витязь.

— Другой Реальности? — недоуменно переспросил первый секретарь. — Что это значит?

— Вселенная многогранна и многослойна, и потоки времени в ней ветвятся, как река в дельте. Я не смогу это объяснить — у меня не хватит слов, известных мне и понятных тебе. И разговор этот долгий, а нам пора расстаться. Прощай, князь!

С этими словами старик исчез, словно его тут и не было.

Руки Рюриковича дрожали. В горле застрял ком. В глазах до сих пор стояла картина трупов

на разоренной улице Коминтерна и сбитый самолетик над площадью Октябрьской Революции. Кажется, они будут называть ее Майданом...

Электрическая стена медленно растаяла, и секретарь райкома наконец-то справился с непослушной каской.

* * *

С новой своей жизнью Алексей свyksя не сразу и не вдруг — слишком многое в ней было непривычным для молодого парня, выросшего в девяностые, когда менялись ценности и в мозги неистово вбивался импортный слоган «Каждый сам за себя, один бог за всех!».

Киевская республика, родившаяся в опустевшем городе, засыпанном «чернобыльской пудрой», являла собой причудливое сочетание первобытной общины, коммуны, воинской части и боевого монашеского ордена. Процедура приема в ряды внешне была очень простой и напоминала времена Запорожской Сечи («— Что, во Христа веруешь? — Верую! — отвечал приходивший. — А ну, перекрестись! — Пришедший крестился. — Ну, хорошо, — заявил кошевой, — ступай же в который сам знаешь курень»), но эта простота была кажущейся. К любому новичку внимательно приглядывались, и гниль человеческая определялась быстро и безошибочно — жесткие условия зараженного города, отсеченного от внешнего мира кольцом кордонов, и законы новорожденной республики были идеальным тестовым полигоном. Весь «мусор» отсеивался беспощадно, но его было немного. Военная организация полковника, крепнущая и набиравшая силу, тянула и тянула к себе сотни и тысячи отчаявшихся людей, подобно магниту, притягивающему железные опилки. Военная республика давала реальную надежду выжить, и большинство тех, кто привык своевольничать, понимало, что лучше уж подчиняться суровой дисциплине и знать, что за тобой — сила, чем жить волчьей жизнью в бетонных берлогах, среди смрада гниющих трупов, вздрагивая от каждого шороха и не зная, проснешься ли ты живым и что с тобой будет завтра. Республика переплавляла людей — шлак осыпался, а здоровое нутро, которое есть в каждом человеке (за редким исключением), освобожденное от пустой шелухи, давало возможность людям почувствовать себя *людьми* — ощущение, которое многие из них почти утратили. И люди шли и шли в бывший торговый центр, шли десятками, из которых складывались сотни, превращавшиеся затем в тысячи.

Алексей делал все, что ему поручали: разгружал машины, доставлявшие найденные на складах города ящики с оружием и продовольствием, мыл полы, скреб котлы на кухне, чистил картошку. Приходилось ему участвовать и в захоронениях полуразложившихся тел и в уборке скелетов, с которых уж осыпалась плоть, — работа тошнотворная, но необходимая. Новая жизнь иногда раздражала молодого парня, привыкшего считать себя пупом Земли и центром Вселенной и руководствоваться хищным принципом «до сэбэ», но потом он как-то внезапно осознал, что «я» — это всего лишь частичка «мы», пусть даже значимая и важная, и чтобы твое «я» могло стать полноправной частью «мы», оно должно поменьше якать и думать не только о себе, но и о других. Алексея никто не унижал, но если все вместе делают одно общее дело, почему кто-то должен быть исключением? И впервые в жизни он понял, что слова «справедливость для всех» имеют смысл, и очень весомый.

Основное место в жизни республики занимала боевая подготовка — островок надежды в море отчаяния, каким была организация полковника, жил в условиях осажденной крепости. По городу рыскали десятки, если не сотни, лутерских банд и шаек, а из-за кольца оцепления за ним следили «гуманисты», ждущие приказа к атаке. Ежедневные перестрелки и жертвы были обычным делом, и полковник со своими помощниками тренировал новобранцев — он не

собирался бросать в бой необученный молодняк, который в лучшем случае послужил бы всего лишь смазкой для вражеских штыков. Среди лутеров попадались умелые бойцы, да и ооновцы при всей их боязливой осторожности и нежелании вступать в огневой контакт были обученными профессионалами. Недооценивать противника не следовало, и поэтому все мужчины республики (да и многие женщины) учились владеть оружием, благо его удавалось раздобывать на брошенных военных складах.

Стрелковые занятия проводил сержант Семен Авдеенко — тот самый, который вырвал Алексея из лап людоловов. Сержант был личностью своеобразной — из тех, кого принято называть «человек на своем месте». Прослужив в спецназе двадцать с лишним лет и пройдя многие «горячие точки», он давно мог бы получить офицерские погоны, однако считал, что лучше быть хорошим сержантом, чем посредственным майором — пользы больше. Суровый и немногословный, Семен был виртуозом в своем деле: говорили, что он отлично водит все, от детского самоката до тяжелого штурмового танка, и одинаково метко стреляет из всего, будь то хоть рогатка, хоть установка для запуска баллистических ракет. Сержант мог приложить неумеху-ученика крепким словом и даже отвесить ему подзатыльник, но учил он на совесть — слишком хорошо знал Семен Авдеенко, какую высокую цену приходится платить в бою за неумение, страх и растерянность. И Алексей был по-настоящему горд, удостоившись после очередных стрельб скупой похвалы сержанта, осмотревшего изрешеченную мишень: «Будет из тебя толк, книгочей, дай только срок». Но вот только дадут ли этот срок новорожденной республике, не мог сказать никто: ни Алексей, ни сержант Авдеенко, ни сам полковник, проводивший бессонные ночи над картой города, густо испещренной зловещими красными пометками выявленных радиоактивных пятен.

* * *

Старенький грузовичок выглядел неказисто: его борта и капот покрывала мелкая сыпь, как будто машина попала под пескоструйный аппарат, лобовое стекло треснуло, одна из тентовых стоек кузова была изогнута. Только колеса были чистыми и мокро блестели — грузовичок уже успели обработать на посту дезактивации. По этой мелочи и по внешнему виду машины Алексей догадался, откуда прибыл колесный старичок, однако на всякий случай уточнил у средних лет ополченца в поношенном химкомплекте, с ввалившимися от усталости глазами, сидевшего рядом с машиной прямо на асфальте и жадно курившего:

— Откуда вернулись, браток?

— Из «бутылочного горла», — отозвался боец, не снимая рук с выдавшего вида «СКС», лежавшего у него на коленях, но при этом не выпуская зажатую в зубах сигарету.

«Понятно, — подумал Алексей. — Несладко пришлось ребятам...»

«Бутылочным горлом» называли узкий коридор, соединявший две зараженные зоны — Киевскую и Чернобыльскую. Над ним в черный день беды прошло радиоактивное облако, выброшенное четвертым реактором, и след от этого облака фонил со страшной силой. Но из-за этого коридор был свободен от кордонов, и патрули появлялись там крайне редко: играть с незримой смертью не хотелось никому. Тем не менее полковник посылал в «бутылочное горло» разведчиков, стремясь установить контакт с оцепившими Чернобыльскую зону русскими и белорусскими миротворцами. Посылал осторожно, стараясь свести риск к минимуму, но посылал раз за разом: связь с братьями-славянами нужна была позарез. По большей части разведгруппы возвращались ни с чем — держась «обочины» коридора, где уровень заражения был ниже, они натывались на пикеты ооновцев и отступали, отстреливаясь и неся потери, — а

иногда и не возвращались, и никто не мог сказать, что с ними случилось. И была еще примыкавшая к зоне Киева таинственная Чернобыльская зона, ее загадочность беспокоила, и полковнику надо было узнать, что там происходит, — из первых рук.

Достоверных сведений о происходящем вокруг руин ЧАЭС, в Чернобыле и Припяти, не было, зато хватало легенд, обраставших при передаче из уст в уста самыми невероятными подробностями. Уровень радиоактивного заражения там был выше, чем в Киеве, но главное — в Чернобыльской зоне водилась странная живность, непредсказуемая и опасная. В Киеве некоторую угрозу представляли только стаи одичавших собак, которых ополченцы нещадно отстреливали, а вокруг разрушенной ЧАЭС обитали причудливые живые формы, о которых раньше никто никогда ничего не слышал. Конечно, вряд ли стоило принимать всерьез байки о доисторических плезиозаврах, замеченных в Киевском водохранилище, или о воронах с повадками и габаритами птеродактилей, но какая-то очень необычная чернобыльская фауна явно существовала, она двигалась, а значит, могла добраться и до Киева. На фоне местных проблем военной республики гипотетическая опасность «радиоактивного зверья» казалась несущественной, но полковник не упускал из виду ни одной мелочи, способной осложнить жизнь его людям. И посылаемые в «бутылочное горло» разведчики решали одновременно две задачи: установление контактов с командованием российских частей, державших там оцепление, и сбор достоверной информации о Чернобыльской зоне со всеми ее аномальными явлениями.

И кое-что узнать удалось. Кроме того, к полковнику приходили и просили принять их в ряды люди, так или иначе прикоснувшиеся к тайнам Зоны (все они называли ее именно так, «Зоной» с большой буквы). Их подробно расспрашивали, сравнивали их рассказы с данными разведки и со сведениями из других источников, включая радиоперехват, и постепенно в штабе складывалось общее представление о Чернобыльской зоне: не самое благоприятное, зато близкое к истине. Впрочем, покамест чернобыльские твари в Киеве не появлялись, хотя многие ополченцы якобы встречали на пустынных улицах города «реакторных призраков», выглядевших словно клочки мерцающего тумана. Подтвердить существование «привидений» никто не мог — очевидцы утверждали, что изловить их невозможно, поскольку пули не наносят «теням» ни малейшего ущерба, — но и опровергнуть как-то не получалось: встречи с «чернобыльскими фантомами» продолжались с завидным постоянством. Успокаивало то, что никакого вреда людям «реакторные призраки» не причиняли, и поэтому полковник, склонный (по крайней мере, внешне) считать все эти истории плодом больного воображения, не пытался искоренить «привиденческое суеверие» — других забот по горло. Чернобыльская зона подтверждала свою таинственность вполне осязаемыми артефактами, разными путями попадавшими в Киев, и безобидные призраки в длинном ряду загадок Зоны казались всего лишь забавным пустяком.

— Ну, что тут у вас? — услышал Алексей голос полковника. — Показывайте!

Глава киевской республики спустился по ступенькам бывшего торгового центра и, сопровождаемый офицерами штаба и двумя бойцами в комплектах химзащиты — вероятно, разведчиками, вернувшимися на грузовичке, — направился к машине. Ополченец, сидевший на асфальте, бросил сигарету и вскочил, а Алексей только сейчас обратил внимание на нечто лежавшее у колес грузовичка и прикрытое брезентом. Это нечто походило на бесформенную груду чего-то, но именно об этом «нечто» и шла речь — именно к нему направлялся полковник со своими офицерами. Разведчики сдернули брезент.

— Ох, и ни хрена себе... — раздалось за спиной Алексея.

«Да, — подумал парень, — очень точно сказано: ни хрена себе...»

Под брезентом лежала диковинная тварь, напоминавшая средних размеров крокодила.

Впечатляли матово поблескивающие зубы, торчащие из приоткрытой пасти, и иссиня-черная чешуя, смахивающая на доспех, плотно облегавший все тело зверюги. В одном месте этот доспех был поврежден: на месте левого глаза твари зияла большая рваная дыра, обрамленная свисавшими клочьями мяса и белыми осколками костей. Второй глаз «кродила» глядел на мир с застывшей лютой злобой, и Алексей невольно поежился. Но самое главное — у твари было шесть когтистых лап, и это удивляло более всего: насколько знал Алексей, на Земле не водились шестиногие ящеры (по крайней мере, на сегодняшний день).

— Из зоопарка сбежала, не иначе, — прокомментировал голос за спиной. — А потом наелась радиоактивного мяса, и вот вам результат.

Говоривший явно претендовал на юмор, однако его шутка поддержки не встретила: слишком уж отвратно выглядела мертвая гадина — отвратно, и в то же время угрожающе.

Алексея слегка подтолкнули в спину, и он сделал несколько шагов вперед, к машине: если командование не делает секрета из добытой разведчиками чудо-юды, то почему бы не рассмотреть ее поближе, во всех подробностях? Краем глаза он отметил еще нескольких ополченцев, шедших за ним следом. Их было человека три-четыре, не больше: напряженный ритм жизни военной республики не оставлял ее гражданам лишнего времени для праздного любопытства (Алексей и сам оказался здесь чисто случайно, используя минутку отдыха).

— Рассказывайте, — коротко бросил полковник разведчику, разглядывая черного зверя, и добавил: — Где вы ее взяли?

— В Зоне, на самой окраине, — доложил старший разведгруппы. — Мы только-только проскочили «горло», причем незамеченными, повезло. Припарковали машину в лощинке — по тем местам на колесах передвигаться рекомендуется не всегда и не везде, — огляделись, и нате вам: ползет. То есть не ползет даже, а бежит, причем шустро так, что твоя гончая. Нас увидела — и к нам со всех лап: пообщаться, значит, решила. Ну, мы ее встретили из всех стволов — не вызвала она у нас как-то ответного теплого чувства.

— И уложили?

— Никак нет, товарищ полковник. Попадать-то попадали — вот, смотрите (Алексей проследил за указующим жестом разведчика и увидел на глянцеvито блестящей шкуре ящера глубокие белые царапины: следы от пуль), но толку — ноль. У нее чешуя, будто у бэтээра броня — пули не берут. Пока мы это сообразили, она уже рядом оказалась — проворная. И на меня, зараза, кинулась. Ну, я ей и сунул в пасть вот это, — разведчик продемонстрировал изуродованный приклад «калаша». — А пока она его жевала, Максим, — он кивнул в сторону ополченца с карабином, — воткнул ей ствол в глаз и высадил всю обойму. Черепушка — вдребезги, тут-то наша ящерка лапы вверх и задрала. Мы осмотрели ее, подумали и решили, что надо эту крокодилицу вам предъявить: бежала-то она, пакость этакая, из Зоны на выход — аккурат в сторону Киева.

Разведчик замолчал. Полковник тоже молчал, молчали его офицеры, молчали бойцы-ополченцы, собравшиеся возле машины. Но Алексей готов был поклясться, что все думают об одном и том же: «Что будет, если десяток — или сотня — таких „броненосных крокодилов“ появятся на улицах города?»

— В стрельбовой подвал ее, — распорядился полковник, — проверим ей шкуру разными боеприпасами: надо быть готовыми ко всему.

«Не было печали, черти накачали, — думал Алексей, помогая ополченцам волочить тяжелую тушу по ступенькам. — Нет, не зря командир отправляет разведчиков в Зону — кто его знает, что еще за твари могут оттуда явиться? До разрушенной АЭС не так и далеко, а нам ко всем прочим нашим заботам только нашествия мутантов не хватает. Здесь у нас все ясно-понятно, никакой мистики-фантастики, а Чернобыльская зона — это Зона темная».

С севера, со стороны Чернобыля, налетел порыв холодного ветра. И Алексею вдруг показалось, что это не ветер, а дыхание Неведомого, которое еще заявит о себе...

* * *

Неведомое заявило о себе той же ночью, когда Алексей стоял в карауле у одной из бойниц, в которые были превращены окна первого этажа здания бывшего торгового центра.

Он добросовестно следил за своим сектором обзора, борясь с накатывающей дремой — во время ночных бдений сон так и норовит подмять часовых и вахтенных своими мягкими лапами. Примыкавшая к зданию площадь была пуста и темна: уличные фонари в городе давным-давно потухли, а окна домов забыли, когда в них горели теплые живые огни. Однако привычному глазу парня хватало и мертвенного света луны, превратившего все вокруг в холодный фантастический пейзаж.

«Сюр... Не хватает только привидений», — подумал Алексей и в этот же миг увидел посередине площади небольшое светящееся пятно, слабо подрагивающее и медленно перемещавшееся.

Пятно не имело четких очертаний и больше всего напоминало растрепанный клочок тумана или дыма размером с человека. Вроде бы ничего особенного, но тут вдруг Алексей, щекой ощущавший дуновение ночного ветерка, сообразил: пятно это движется *против ветра* и, в отличие от обычной туманной дымки, отнюдь не собирается рассеиваться. Это открытие настолько поразило парня, что он минуты две заворуженно следил за странным явлением, не делая никаких движений. «Так вот вы какие, реакторные призраки...».

Тем временем фантом, продолжая свое неспешное движение, достиг низа ступеней, ведущих в торговый центр, и замер, словно раздумывая, что же ему делать дальше. Алексей торопливо поднял автомат и прицелился в размытое туманное пятно.

— Не стреляй! — услышал он рядом тихий шепот.

Полуобернувшись, Алексей увидел незнакомого ополченца, с видимым интересом (и с опаской) наблюдавшего за привидением.

— Они не вредные, — все так же шепотом пояснил боец, — так, гуляют сами по себе и никого не трогают. Но лучше их не злить: кто знает, что тогда будет? Пули-то их не берут — насквозь проходят безвредно...

Многоопытный ополченец замолчал, и они с Алексеем в четыре глаза стали следить за призрачным гостем. Мерцающее бледное пятно подрагивало у самого основания ступенек, не делая попыток подняться выше. Оно переливалось, меняя форму, и Алексею показалось, что он видит в этом клочке тумана то какого-то зверя, вставшего на дыбы, то ящерицу — ту самую, которую привезли днем разведчики, — то подобие человеческой фигуры. «Это что-то *неземное*», — подумал Алексей и удивился сам себе: с чего это вдруг такое пришло ему в голову? А потом призрак исчез — распался, бесследно растаял в воздухе.

— Ушел, — с облегчением произнес боец, на шаривая в кармане бушлата сигареты. — И слава богу, что ушел, а то, неровен час... Не буди лихо, пока оно тихо, так-то.

Остаток ночи прошел без приключений. На пустынной площади никто больше не появился — ни зверь, ни человек, ни тварь неведомая. Алексей контролировал свой сектор обзора добросовестно (сон словно рукой сняло) и даже не заметил, как начало светать.

Он никому не стал рассказывать об этой ночной встрече. Ничего нового к свидетельствам о чернобыльских призраках он добавить все равно не мог, а выслушивать ехидные замечания скептиков: «Может, ты заснул на посту, и тебе все это привиделось?», ему совсем не хотелось.

Время, спрессованное атомной катастрофой, шло быстро. Через неделю Алексей, как и говорил полковник, принял присягу, а уже через месяц начал выходить в город на задания в составе боевых поисковых групп. Обычно «курс молодого бойца» продолжался два месяца, но полковник делал исключения для тех, кто уже прошел школу выживания и умел держать в руках оружие: бойцов, несмотря на постоянный приток новобранцев, остро не хватало.

Республика планомерно расширяла контролируемую ею территорию, безжалостно изгоняя и уничтожая лутерские банды, не успевшие убратся или не пожелавшие сложить оружие, и подбирая все новых и новых людей, чудом выживших в радиоактивных бетонных джунглях и не присоединившихся к тысячам непохороненных мертвецов, оставшихся лежать на улицах огромного города. Во избежание эпидемий трупы надо было хоронить, следовало заботиться о снабжении, вывозя со складов все необходимое, и при этом приходилось постоянно быть начеку: лутеры не упускали случая укусить из-за угла, а стычки с патрулями ООН происходили почти ежедневно. И очень часто вылазки за продовольствием, горючим и боеприпасами превращались в настоящие уличные бои с применением тяжелого вооружения, вертолетов и бронетехники. Скорее всего тернопольские власти давно бы уже санкционировали широкомасштабную акцию по уничтожению «незаконной вооруженной структуры» (тем более что командование «гуманистов» очень прозрачно намекало на свою готовность к такому повороту событий), но их удерживала жесткая позиция России, заявившей, что она не потерпит геноцида остатков населения Киева, и так брошенного на произвол судьбы. Свидомиты вынуждены были смириться: их хозяев очень интересовали тайны Чернобыльской зоны, которую оцепили воинские части России и Белоруссии, — конфликт с ними из-за киевлян мог крайне осложнить доступ туда «независимых исследователей».

Разумеется, выходя в город, Алексей испытывал страх — опасность подстерегала ополченцев на каждом шагу, — но это был совсем не тот страх, который мучил его в пустых квартирах и подвалах в бытность его «вольным сталкером». Тогда он мог рассчитывать только на себя, а теперь рядом с ним были его товарищи, на которых он мог положиться и на чью помощь мог рассчитывать. Разница между военным формированием и лутерской бандой была огромной: мародеры бросали своих при первых признаках опасности, а из-за хабара резали друг другу глотки и вспарывали животы, тогда как ополченцы вытаскивали раненых товарищей из-под обстрела, рискуя при этом жизнью, а все ценное шло в общий котел.

Алексей помнил слова полковника: «Толковых командиров не хватает, выращиваем их сами. Вот устроим ускоренные офицерские курсы, будем лейтенантов присваивать. Через пару лет, если проявишь себя, то и до комполка дорастешь», но пока он не примерял на себя офицерские погоны. Чтобы стать настоящим вождем, надо сначала стать настоящим воином — он когда-то прочитал это в какой-то книжке, запомнил и был полностью согласен с этим высказыванием. Прежде всего Алексею хотелось заслужить уважение товарищей по оружию — тех, кто ходил с ним на вылазки в город, где каждый шаг мог оказаться последним: в этом отношении зараженный Киев не многим отличался от загадочной Чернобыльской зоны. И Алексей шел в очередной рейд охотно и даже с радостью.

Глава 11

Тени прошлого

Рельсы влажно поблескивали в прыгающих лучах фонарей. В туннелях было сыро — сырость висела в воздухе, и на толстых вязанках электрических кабелей, тянувшихся вдоль стен, густым ворсом выросла плесень. Где-то звучно капала вода — наверно, просачивались грунтовые воды или стекал накопившийся конденсат. Света в мертвых туннелях не было — сразу же после того как Киев накрыло злое чернобыльское облако и население в панике покинуло зараженную зону, город был обесточен, — зато акустика сохранилась отменная: Алексей слышал не только позвякивание чьей-то плохо пригнанной амуниции, но и дыхание товарищей, шедших вместе с ним по темной утробе туннеля.

Ополченцы шли осторожно, держа оружие наготове и чутко вслушиваясь в каждый шорох. Лутеры не жили постоянно в пустых туннелях киевского метро — без тепла, света и работающей вентиляции обитать здесь было, мягко говоря, некомфортно, — но появлялись тут от случая к случаю, чтобы припрятать добычу, пересидеть очередную облаву или пройти под землей, от станции до станции, минуя какой-нибудь особо сильно зараженный городской район. И можно было нарваться на вконец одичавших морлоков — они еще водились в самых глухих тупиках метрополитена, и встреча с ними не сулила ничего хорошего.

«Да, — думал Алексей, глядя на рельсы, бесконечными крапчатыми (металл обильно попятнала ржавчина) змеями убегавшие в темноту, — это только в примитивных боевиках люди десятилетиями живут в метро после того, как на город упала ядерная бомба большой мощности. Наша цивилизация хрупка и очень уязвима: не нужно никакой атомной войны, достаточно сбоя в компьютерной сети или аварии на подстанции, и все наше техническое величие превращается в груды бесполезного железа... Мы используем передвижные электростанции, брошенные армейцами, выскребая для них солярку из бесхозных хранилищ, но эти хранилища не бездонные — на десятки лет запасов не хватит. А если бы на город упала мегатонная боеголовка, то от всех складов остался бы только пепел, не говоря уже о том, что само метро рухнуло бы. Апокалипсис хорош как фантастическая декорация, а в натуре он выглядит скверно — даже такой ограниченный апокалипсис, как наш».

Через некоторое время рейдовая группа вышла к станции «Контрактовая площадь» — Алексей вспомнил, что до девяносто первого года она называлась «Красная площадь», но затем была переименована в приступе восторженной революционной эйфории, бушевавшей на всем постсоветском пространстве.

Здесь было чуть светлее — слабый свет проникал через подземные переходы северного и южного выходов, — хотя на самом деле так просто казалось после крошечной вязкой тьмы туннелей. Лучи фонарей выхватили из темноты электропоезд, застывший на параллельном пути, — двери его были открыты, оконные стекла частично выбиты. Бойцы подобрались — в брошенных поездах метро частенько делали привалы и даже ночевали лутеры, — однако на сей раз обошлось. Ни в вагонах, ни на платформе станции не было никого и ничего — только мусор, оставленный побывавшими здесь людьми: смятые картонные упаковки и сигаретные пачки, пустые консервные банки, пластиковые бутылки, рваная камуфляжная куртка. На пыльном полу между гранеными колоннами видны были многочисленные следы, но старые, многодневной давности.

— Перекурим-перекусим-передохнем, командир? — предложил Артем, веселый парень, не унывавший никогда и нигде.

— Отказать, — решительно отрезал сержант, командовавший четверкой. — Это видел? —

он вынул портативный дозиметр, неприятно попискивающий и зловеще моргавший. — Тут «грязной» пыли, будто у дурака махорки, — полчаса посидишь, и все, про девок можешь забыть, причем навсегда. И это еще в лучшем случае. Двигаем дальше.

Бойцы подчинились беспрекословно — дисциплину полковник установил железную, да и обыкновенный инстинкт самосохранения подсказывал: на зараженной станции, куда сквозняк и подошвы людей занесли изрядное количество «чернобыльской пудры», лучше не задерживаться.

Спускаясь с платформы на рельсы, Алексей обернулся и бросил взгляд на мертвый электропоезд. «А ведь совсем еще недавно, — подумал он, — такие поезда, ярко сияя огнями, неслись по этим туннелям, и в их вагонах ехали красивые смешливые девушки...»

— Ничего, брат, — в обычной своей рассудительной манере отозвался державшийся рядом с ним молодой парень по имени Андрей, словно услышав его мысли. — Оживет наш город, помяни мое слово. Наш полковник — мужик серьезный, он от своего не отступится. И нечисть двуногую выметем, и кордонникам кукиш с маслом покажем, дай только срок. Киев — мать городов русских: всякое бывало, а он все стоит и стоять будет.

Окунувшись в привычную тьму туннеля, дальше шли молча, экономно подсвечивая дорогу. Все было тихо, но когда они прошли метров сто пятьдесят, не больше, Алексея вдруг ударило.

...Голова закружилась, перед глазами поплыли цветные пятна. Сердце сжалось, стало трудно дышать. Алексей пошатнулся.

— Что с тобой? — услышал он голос Андрея, доносившийся невнятно, как будто через толстый слой ваты.

— Н-не знаю, — через силу выдавил Алексей, борясь с головокружением. — Что-то мне не по себе...

— Тут такое бывает, — негромко сказал Артем без тени обычного балагурства. — Здесь, на Подоле, под землей целый мертвый город — его откопали, когда строили подземку. Тут работали археологи и много чего нашли: остатки кровель старинных домов, древние вещи из дерева, тигли всякие для плавки металла, браслеты, монеты разных эпох, старинное оружие, керамические писанки, древние детские игрушки. Попадались здесь и кости доисторических зверей — говорили, что при строительстве станции «Академгородок» нашли костяху мамонта. А после пуска метро все эти раскопы снова захоронили, и, думаю, правильно сделали — не надо покой мертвых тревожить. В общем, нечистое тут место, так я тебе скажу. Болтали что-то о каком-то древнем проклятии — то ли волхвы его наложили, то ли боги языческие, на крещение Руси обидевшиеся.

— Разговорчики! — одернул его сержант. — Сказки будем дома слушать, понятно?

— Так точно! — дружно ответили Андрей и Артем.

Алексей смог только кивнуть — горло сдавило спазмом. Затем дурнота отступила, зато что-то случилось со зрением: бетонная стена туннеля прямо перед его глазами растаяла и сделалась прозрачной. Открылась небольшая каверна, залитая призрачным голубоватым свечением, посередине которой прямо на земле лежал дискообразный камень, похожий на большой мельничный жернов — Алексей видел его отчетливо, различая даже шероховатости на поверхности каменного колеса, как будто и не было между ним и этим странным камнем никаких преград. А потом воздух помутнел, начал сгущаться, и загадочная пещера снова скрылась за темным бетоном, увешанным гирляндой толстых черных кабелей. «Померещится же такое...» — растерянно подумал парень. И тут же услышал тяжкий рокочущий гул, шедший откуда-то снизу.

Точнее, он не услышал звук — он воспринял его ступнями ног, в которые толкнулась дрогнувшая почва. И этот неведомый — и зловещий! — гул уловил только один Алексей: его товарищи спокойно шли вперед, и по их виду нельзя было сказать, что они встревожены.

Алексей глубоко вздохнул и помотал головой, прогоняя морок. Гул стих.

— Я в порядке, — ответил парень на вопросительный взгляд обернувшегося к нему Андрея, перехватил автомат и пошел следом за своими товарищами, стараясь поскорее забыть все с ним случившееся. «И что это за камень такой мне привиделся? — подумал он. — Правду говорил Артем — нехорошее здесь место». Об источнике подземного рокота Алексей не думал — он и представить себе не мог, что там, под пластами грунта, живет своей странной жизнью пришелец из вселенских бездн, копящий мощь и мстительную ярость...

* * *

Крик был жалобный, пронзительный, трепещущий. Кричала молодая женщина — судя по всему, попавшая в беду. А в какую беду могла попасть женщина в пустых и мертвых кварталах, где голодными крысами шныряли шайки лутеров, ополченцы хорошо знали, и поэтому вчетвером тут же метнулись к подъезду большого дома, из приоткрытого окна второго этажа которого донесся крик.

Влетев в подъезд, они побежали вверх по лестнице, грохоча ботинками по ступеням. Бойцы прекрасно сознавали, что мародеры, обладавшее звериным чутьем на опасность, запросто могут услышать шум и встретить ополченцев выстрелами, и все-таки бежали, а не подкрадывались, чтобы успеть спасти человека — они знали, что и как делают лутеры со своими жертвами-женщинами.

Им повезло — лестничные пролеты оставались пустынными, и ни из одной двери не высунулась небритая физиономия или автоматный ствол. Сержант распахнул незапертую дверь квартиры, откуда несяся крик, — где она расположена, ополченцы сориентировались еще внизу, подбегая к подъезду, — и первым ворвался внутрь Алексей, Андрей и Артем — следом за ним, стараясь не отстать и приготовив оружие.

Крик тем временем захлебнулся — наверно, девушке зажали рот (о худшем варианте Алексей старался не думать). Миновав полутемную прихожую, заставленную мебелью и заваленную разбросанными вещами, четверка оказалась в большой комнате — и вовремя.

Что здесь происходило, было понятно с мимолетного взгляда (как стало понятно и то, почему лутеры не слышали приближение чистильщиков — слишком были увлечены своим гнусным делом). Посередине комнаты, на просторной кушетке — из тех, которые именуются «сексодромами», — отчаянно билась, выгибаясь дугой, полураздетая девушка; на ламинатном полу валялись клочья содранной с нее одежды. Девчонка сопротивлялась из последних сил, и развязка была уже близка — один мародер, одетый в замызганный армейский бушлат, сгреб мосластой пятерней тонкие руки девушки, заломив их за голову, и второй ладонью зажимал ей рот; другой лутер, в камуфляже, зажал под мышками ее голые ноги и возился со своими штанами, извлекая оттуда мужское хозяйство. Он повернул голову на шум — Алексей успел увидеть грязное лицо и выпученные глаза, — и тут же эта голова выбросила кровавую кляксу, густо замаравшую синие с золотом обои.

Сержант выстрелил с ходу (похоже, он ничуть не опасался задеть девушку). Алексей знал, что их командир — профессионал высокого класса, прошедший суровую и кровавую школу «горячих точек», но одно дело — слышать, и совсем другое — видеть своими глазами. Застреленный лутер повалился набок и сполз на пол, стукнувшись затылком о ламинат, но второй оказался проворным. Он не выстрелил, но в его руке, зажимавшей рот жертвы, вдруг появился нож, мгновенно зависший у самого горла девчонки.

— Клади зброю! — хрипло выкрикнул мародер. — А не то перережу этой сучонке горло, як

куренку!

Андрей и Артем замерли, боясь сделать неосторожное движение; застыл и Алексей, слыша, как гулко колотится его собственное сердце.

— Не балуй, — примирительно произнес сержант. — Брось нож, придурок, тогда живым уйдешь.

— Клади, я сказал! — повторил лутер, прижимая блестящее лезвие к шее девушки.

Сержант медленно опустил автомат, держа его одной правой рукой. «Что он делает?» — подумал Алексей, и в это время ствол автомата командира патруля коротко плюнул огнем. Авдеенко выстрелил от бедра, навскидку, не целясь, но не промахнулся. На оскаленном лице лутера появился третий глаз — посередине лба, чуть выше двух его природных глаз, налитых кровью, — и мародер повалился навзничь, задрал кверху ноги в грязных сапогах. Девчонка вскинулась и сжалась в комок, тщетно пытаясь прикрыть наготу руками. Алексей заметил на ее шее тонкую красную царапину («Неужели этот гад успел полоснуть ее ножом?»), а потом вдруг поймал краем глаза какое-то шевеление в огромном, на полстены, зеркале.

Полированное стекло отразило фигуру еще одного мародера — вероятно, он предпочел сексуальным утехам грабеж богатой квартиры и был согласен встать последним в очередь на изнасилование. И этот третий лутер, тихо появившийся из соседней комнаты, уже поднимал помповое ружье, целясь в сержанта. Девушка, похоже, тоже его увидела, но крикнуть не смогла — после всего случившегося у нее перехватило горло.

Алексей не мог похвастаться высоким уровнем военной подготовки, не говоря уже о том, чтобы хоть как-то сравняться в этом деле с ветераном-сержантом, но в этот миг с ним что-то произошло, как будто он уже участвовал не в одной спецоперации. Он совершенно безошибочно определил, где именно стоит враг (а это не так просто, если ты видишь только отражение в зеркале), вскинул автомат и перечеркнул бандита короткой очередью, опередив его выстрел в командира. Грузное тело завалилось, лязгнуло упавшее ружье.

— Ну, молодец, книгочей, — одобрительно крикнул Семен, осмотрев труп. — Вот ведь зараза какая, бесшумно вылез, что твой призрак черныбыльский. Еще бы секунда, и залепил бы он сливу свинцовую в меня или вот в нее, — он кивнул на девчонку.

Девушка свернулась в клубок, обхватив руками плечи. Ее трясло, из расширенных глаз не ушел ужас — она явно опасалась неожиданных спасителей не меньше, чем лутеров.

— Не бойтесь, — негромко произнес Алексей, стараясь, чтобы его голос звучал как можно мягче. — Мы не причиним вам вреда.

— Срам прикрой, златовласка, — с напускной небрежностью добавил Артем, срывая с окна гардину и подавая ее девушке. Та молча дернула головой и торопливо завернулась в плотную ткань.

«Златовласка, — подумал Алексей, разглядывая спасенную, которой на вид было лет двадцать пять. — А ведь и верно: у тебя не волосы, а волна золотая... Красиво».

— А квартира-то богатая, — проговорил сержант, обводя взглядом антикварную мебель и многочисленные стеллажи с книгами. — Ну, и что же ты здесь делала, красавица, и вообще: кто ты такая есть?

— П-полина я, — выдавила девчонка. — Асп-пирантка я, Киевского на-ционального университета имени Тараса Шевченко, — добавила она, стуча зубами.

— О как! — удивился Андрей. — Да, чудны дела твои, Господи... Всякие народы нынче по Киеву шастают, но чтоб аспирантки — такое я вижу впервые.

— И какими такими делами как бы научными ты здесь занималась? — подозрительно осведомился Авдеенко, прервав Андрея. — Время и место для этого тут не самое подходящее. А может, ты сама с лутерами шлялась, не поделили хабар, вот они тебя и решили того-этого,

оприходовать коллективно да в утиль?

— Я правду говорю! — возмутилась Полина, сверкнув глазами и быстро приходя в себя. — Я искала раритет — пятый том «Записок» Григоровича-Барского. Он попал к одному «черному коллекционеру», который раньше здесь жил. Я об этом случайно узнала. А этой книге цены нет, вот я за ней и пришла. А тут эти появились... набросились. Если бы не вы... — голос ее дрогнул.

— Ладно, — сержант махнул рукой. — Разберемся, что ты за аспирантка. Только не здесь — тут и пятна активные неподалеку, да и гости появляются не самые приятные. Двигаем до дому, до хаты — на базу, там и поговорим. Пошли, товарищи бойцы и мирное население.

— Подождите! — Девушка проворно соскочила с кушетки, чуть не выскользнув при этом из своего импровизированного платья. — Дайте мне десять минут — эта книга здесь, и я должна ее найти!

— Ищи, — согласился Семен, окинув Полину цепким взглядом. — Видать, и впрямь эта книга ценная, раз ты не побоялась сунуться за ней в «дикий» район, шалая девка. Но только недолго, ясно?

Девушка кивнула и подошла к полкам с книгами, внимательно изучая их содержимое — видно было, что она знакома не только с гламурными журналами и бульварным чтивом. Алексей наблюдал, как, шевеля губами, она читает названия на корешках разнокалиберных фолиантов, не забывая, однако, придерживать на груди свой занавесочный наряд «от кутюр». Алексей смотрел на нее и чувствовал, что у него в груди шевелится что-то теплое — такого он раньше не испытал никогда, хотя знакомые девушки у него были (и не одна, и более чем знакомые). «Вот ведь как интересно, — думал парень, — другая бы сперва полезла по шкафам с тряпками — одежды-то на ней никакой! — а эта сразу к своим книжкам. И не похожа она на лутерских шалав — неправ командир. Она вон, светится вся... Златовласка...».

— Нашла! — восторженно воскликнула Полина, извлекая из книжной шеренги потертый том. — Вот она!

— Счастливая ты, аспирантка, — хмыкнул сержант. — И мы вовремя подросли, и книжку свою отыскала. Так, а теперь пройдишь по гардеробу: тут наверняка найдется что-нибудь тебе подходящее. А то ты у нас не по форме одета — не могу я тебя в таком виде доставлять в расположение воинской части: шок среди личного состава гарантирован.

* * *

Полина действительно оказалось той, за кого она себя выдавала, и не имела никакого отношения к «шалавам» — женщинам лутеров. Алексею доводилось видеть в ходе зачисток этих жалких существ, вплотную подошедших (и даже перешагнувших) к грани, отделяющей человека от животного, и всякий раз он испытывал по отношению к лутеркам странную смесь неприязни, брезгливости и жалости. И тем более причудливо выглядела увлеченная своим делом аспирантка университета в полумертвом городе, живущем по первобытным законам. Лутерки — волчицы волчьей стаи — искали в брошенных квартирах Киева того же, что и мародеры-мужчины — хабара, — и зачастую при стычках с ополченцами они дрались свирепо, до последнего патрона. Полину же привела в город, окруженный плотным кольцом кордонов, пытливость, граничившая с фанатизмом, — многие бойцы, узнав, что эта хрупкая с виду девчонка рисковала честью, здоровьем и даже жизнью ради какой-то книжки (господи, ну кому это сейчас нужно?), многозначительно крутили пальцем у виска — мол, совсем девка «с глазду зъихала».

Они много времени проводили вместе. Алексея тянуло к девушке как магнитом, он дорожил каждой минутой, проведенной с нею рядом. И кружилась голова, и все тело парня словно пронзал разряд электрического тока, когда их руки соприкасались. Алексей тонул в синих глазах Полины и даже не пытался выплыть. От нее он узнал подробности ее поисков, завершившихся так своеобразно. Полина писала кандидатскую диссертацию на тему «Влияние путешествий Григоровича-Барского на формирование архитектурного ансамбля Киева первой половины XVIII века» и рассказала парню об этом примечательном человеке.

Василий Григорьевич Григорович-Барский, известный также как Василий Киевский, Григорович, Плака, Барский, Альбов, жил в Киеве в первой половине XVIII века. Родился в купеческой семье, учился в Киево-Могилянской академии, куда поступил по протекции игумена Феофана Прокоповича. Прожил он недолго — всего сорок шесть лет, с 1701 по 1747 год, — но успел стать известным как путешественник, писатель и публицист. В 1723–1746 годах путешествовал по Европе (Болгария, Венгрия, Румыния, Молдавия, Австрия, Италия, Греция, Кипр) и по Ближнему Востоку (Палестина, Сирия, Аравия, Египет). Завел близкие отношения с антиохийским патриархом Сильвестром, который в 1734 году в Дамаске постриг его в монахи под именем Василий. В 1743–1744 годах по протекции императрицы Елизаветы и графа Разумовского Барский переехал в Константинополь и находился там при российском посланнике Вешнякове, но отказался занять место посольского священника, занявшись составлением подробного описания Константинополя. Дважды — в 1725 году и в 1744–1745 — посещал Афон, о чем составил подробные воспоминания, имеющие большую историческую ценность. И главное — Барский оставил «Записки Плаки-Альбова», которые распространялись по Украине и России в рукописях.

Назывался этот труд, как это было принято в те далекие времена, длинно и витиевато — «Пешеходца Василия Григоровича Барского-Плаки-Альбова, уроженца Киевского, монаха Антиохийского, путешествие к святым местам, в Европе, Азии и Африке находящимся, предпринятое в 1723 и оконченное в 1747 году, им самим описанное», — и впервые был издан в Санкт-Петербурге в 1778 году Василием Рубаном. Позднее, уже в XIX веке (в 1885–1887), Барсуков выпустил четырехтомное издание «Записок», которое включало рисунки автора и его переписку.

Работая над диссертацией, Полина нашла архив первого издателя четырехтомных мемуаров Григоровича-Барского и наткнулась в нем на упоминание о существовании пятого тома «Записок», в котором Барский рассказывал о том, как он познакомился в Каире с представителями некоей загадочной и мрачной секты, конечные цели которой были неясны. Позже, встретившись с адептами секты на острове Крит, Григорович услышал от сектантов о таинственных камнях, один из которых якобы находится в Киеве, о загадочном «небесном пришельце» и о проклятии низвергнутых языческих богов. Однако многотомное издание его «Записок Плаки-Альбова» готовилось под эгидой «Православного Палестинского общества», и обер-прокурор Святейшего Синода Победоносцев, узнав, что содержание пятого тома может привести к пересмотру канонических обстоятельств крещения Руси, лично наложил вето на его издание — «ереси быть не должно!».

Часть архивов Барсукова, в которой находились материалы пятого тома (в том числе и несколько сигнальных экземпляров книги, утаенных от глаз святых отцов), после смерти издателя была перевезена в его сумское имение, а после революции оказалась в архивах районного центра. Позже, уже после развала Союза, когда продавалось все и вся, материалы эти стали расползаться по частным коллекциям — нашлись люди, сумевшие их оценить.

— Я узнала о существовании пятого тома, — увлеченно рассказывала Полина, — и даже нашла отрывки из оригинала рукописи «Записок» Григоровича, в него включенные. Там

такое... — она повернула голову, и Алексей заметил огоньки, мерцавшие в ее глазах. — И я решила найти пятый том: меня как будто кто-то в спину толкал. Сразу после Чернобыля я нашла каталоги «черных коллекционеров» и узнала, у кого именно находится экземпляр пятого тома. Следы вели сюда, в Киев, и я...

— И тебе не страшно было лезть в зараженный город? — спросил Алексей. — Ты ведь знала, что здесь творится, верно?

— Страшно, — призналась девушка. — Но ты знаешь, после того, что я прочитала в отрывках рукописи Григоровича, я полезла бы и к мутантам, в Чернобыльскую зону. Это не шутки, Леша, — авария АЭС была неслучайной. *Кто-то* — или *что-то* — угрожает Киеву, и эта угроза растет. Теперь, когда я прочла пятый том, — она осторожно коснулась пальцами книги, которую всегда носила с собой, — я в этом уверена. Люди, подобные Барскому, не гонялись за сенсациями и жареными фактами, как это делают нечистоплотные журналисты, — они взвешивали каждое слово, заносимое ими на бумагу. И кстати, обстоятельства его ранней кончины туманны — есть основания полагать, что кое-кто спохватился, посчитав, что Григорович-Барский слишком много узнал, и поспешил заткнуть ему рот. А месть языческих богов, загадочное существо, порожденное звездной бездной, легенды и предания волхвов — это все звенья одной цепи. Я сложила пазл и поняла: речь идет о жизнях десятков и сотен тысяч людей, может быть, даже о миллионах жизней! Разве можно остаться стоять в стороне, если ты можешь предотвратить катастрофу?

...Она говорила, Алексей слушал. Он смотрел на златовласку и вдруг с пронзительной ясностью понял, что его, молодого парня начала двадцать первого столетия, циничного и не верящего во всякие там возвышенные чувства, громом небесным поразила любовь. Любовь — та самая, на которой исстари стояла земля и от которой всемерно старались избавиться в эпоху торжества «демократии западного рóзлива», заменив ее «свободными отношениями» и сексом по расценкам в твердой валюте.

* * *

— Пожениться хотите? Это вы хорошо придумали, а главное — вовремя, — полковник посмотрел на стоявших перед ним Полину и Алексея и вдруг вспомнил, что это фраза из одного хорошего старого фильма о летчиках Великой Отечественной войны. — Хотя...

«А что „хотя“? — сказал он сам себе. — Ведь это же прекрасно, что здесь, в Киеве, засыпанном радиоактивной пылью; в заблокированном городе, где приходится выковыривать из всех щелей огрызающиеся лутерские шайки и ждать удара „гуманитариев“, чтоб им всем пусто было, где идет непрерывная борьба за выживание, и где все время висит угроза вторжения чудовищных тварей Чернобыльской зоны, о которых толком ничего не известно, эти двое любят друг друга и хотят стать мужем и женой! Они будут первыми молодоженами нашей республики, а потом появятся другие, и будут рождаться дети, и жизнь будет продолжаться. Счастья вам, ребята...».

— Что «хотя», товарищ полковник? — осторожно спросил Алексей, пытаясь разгадать выражение лица «гетмана», как за глаза называли ополченцы своего командира, и не выпуская из руки ладошку Полины.

— Хотя я здесь ныне официальная власть, — губы полковника тронула улыбка, — и поэтому могу зарегистрировать ваш брак. Как может это сделать капитан корабля в дальнем плавании. Правда, насчет марша Мендельсона не знаю, но все остальное-прочее... Будет вам свадьба, самая что ни на есть законная — будет!

И свадьба состоялась — первая свадьба после катастрофы, опустошившей Киев. И невеста была в белом платье — в брошенных салонах и магазинах можно было найти все, — и даже, вопреки опасениям полковника, звучал марш Мендельсона, записанный на компакт-диске. Бойцы пировали возле костров, разведенных прямо на улице, и был салют — правда, сдержанный, потому что с боеприпасами было туго и патроны приходилось экономить. Со спиртным было проще, однако «гетман» не допустил бесшабашного разгула: необъявленную войну против врагов внешних и внутренних, которая шла постоянно, никто не отменял, и ополченцы это понимали. Зато в добрых пожеланиях молодым недостатка не наблюдалось: люди видели в Алексее и Полине тех первых ласточек, которые, вопреки поговорке, сделают весну.

Две ночи молодожены почти не спали, жадно опьяняясь друг другом, а на третью ночь, пресыщенные ласками, заснули, так и не разомкнув объятий. И в этой жаркой дремоте Алексея настигло странное видение, вернее, целая череда видений.

...он (только в каком-то ином обличье) шагал по траве, шуршавшей под ногами, а впереди была дымящаяся черная яма, в которой гнезилось зло. Это зло грозило неминуемой смертью, но за спиной Алексея, крепко сжавшего в руках копье с кремневым наконечником, были люди его рода, и он, вождь, обязан был их защитить и принять на себя первый удар неведомого. И неведомое ударило его незримой ладонью, обладавшей тяжестью каменной лавины, давя, сокрушая и выжимая жизнь из хрупкого человеческого тела...

...под стенами города носились толпы диких всадников, они кричали гортанно и осыпали защитников тучами стрел. Шурша оперением, стрелы пели злую песню смерти, но Алексей — он снова был в каком-то ином обличье, на этот раз в кольчуге и с мечом в руке, — стоял на стене, потому что за его спиной был его город, люди, дома, в одном из которых его молодая жена прижимала к груди первенца. И Алексей стоял под стрелами и сбрасывал вниз лезущих на стены степняков, разваливая им головы и отсекая руки вместе с кривыми саблями, — стоял до тех пор, пока одна из стрел не нашла наконец дорожку в броне и не вошла в его тело, гася сознание острой болью...

...а потом картина сменилась. Алексей, в своем привычном сегодняшнем облике, шел по темному туннелю метро от станции «Контрактовая площадь» — точно так же, как месяц назад, только один, без товарищей. Он уже знал, что ждет его впереди, и поэтому ничуть не удивился, когда увидел нишу, открывшуюся перед ним тогда на краткий миг. Но теперь эта ниша была распахнута настежь, а возле того самого камня-жернова стоял кряжистый старик, седовласый и седобородый, в белом одеянии и с посохом в жилистой руке.

— Ну, здравствуй, отрок, — прогудел волхв (откуда-то Алексей совершенно точно знал, что это именно волхв, и никто иной). — Я тебя ждал.

— Я вообще-то не отрок, — пробормотал парень, — мне уже двадцать пять стукнуло.

— В твои лета в наше время мужчины были отцами семейств и опытными воинами, а вы до тридцати остаетесь отроками и отроковицами, — старик усмехнулся. — Ну да ладно, не об том речь. Слушай меня, младень.

Речь волхва была размеренно-четкой, слова падали каплями литого металла. Алексей слушал, и в сознании его складывалась мозаика. Небесные камни, пришелец из космических бездн, сумрачные сектанты-изоляционисты, вознамерившиеся отсечь Землю от контакта со вселенским разумом, чтобы самим безраздельно править всей планетой, чернобыльская катастрофа и загадочный спекшийся кристалл под четвертым энергоблоком — все части этой мозаики составляли единое целое, удивительным образом совпадавшее с тем, что рассказывала ему Полина, прочитавшая пятый том «Записок» Григоровича-Барского.

— Дремлющее чудище набирается сил, — закончил старик, — и скоро грянет день его

гнева.

Словно в подтверждение его слов, из-под земли донесся уже знакомый Алексею гул.

— Слышишь? — тревожно спросил волхв.

— Слышу...

— Заточенный пробуждается, и когда он проснется...

— То что?

— Представь, что здесь заработает огнедышащая гора или взорвется одна из тех бомб, которыми человечество играет вот уже шесть десятков лет. На месте твоего города останется только горячий пепел — уходя домой, Заточенный громко хлопнет дверью. А избежать этого можно только одним способом: разрушить кристалл под аварийным энергоблоком.

— И тогда этот неуязвимый умрет? Этот кристалл вроде яйца Кощея Бессмертного — разбей яйцо, сломай иглу, верно?

— Не так, — старик покачал головой. — Чудище не умрет, но без кристалла, рожденного в атомном огне, оно не сможет порвать оковы и вернуться в свои бездны, попутно погубив твой город. Заточенный опирается на оба камня: и на черномыльский кристалл, и на этот вот диск, — волхв указал посохом на «жернов», — и пока они оба целы, катастрофа неминуема. А если разбить кристалл под саркофагом, чудище снова впадет в спячку, а там, глядишь, люди создадут оружие, способное поразить бестелесную тварь, и покончат с пришельцем.

— Подождите, вы сказали «опирается на оба камня» — значит, необязательно ломать кристалл под ЧАЭС, достаточно подорвать вот эту блямбу?

— Этого мало. Небесный камень вспомогательный, главную роль играет кристалл под разрушенным реактором. Да, без небесного камня возможностей у Заточенного будет куда меньше, но кристалл — это для него основное.

— А вы сами не можете это сделать? Разломать этот чертов кристалл?

— Не могу, — в голосе волхва прозвучала горечь. — Мы, волхвы, вне вашего времени и пространства — мы можем только подсказать, а делать вам придется самим. Потомок князей киевских спас свою Реальность, сделав свой выбор, а в этой Реальности выбор за тобой, воин.

— Воин? — недоуменно переспросил Алексей.

— Ты был воином в своих прежних перерождениях, и это уже навсегда.

— Но почему я? Разве здесь нет других воинов, более умелых? Я и автомат-то толком держать научился совсем недавно!

— Здесь, — старик подчеркнул это слово, — нет никого, кто справится с этим делом лучше тебя. А искать *устойчивого* бойца где-то еще уже нет времени — день гнева близится. Поэтому-то я тебя и позвал.

— Устойчивого бойца? Что это значит?

— Заточенный бросит Черный Зов. Против этого зова мало кто может устоять, а ты — ты сможешь. Если, конечно, постараться и не трусишь.

— Черный Зов? А что это такое?

— Узнаешь. Я сказал тебе все, что мог сказать. Теперь слово за тобой, воин, — делай свой выбор...

...Алексей открыл глаза, не понимая, спит он или уже проснулся. Рядом с ним спала прильнувшая к нему Полина, ее теплое дыхание касалось щеки парня. Алексей осторожно высвободился из объятий молодой жены — она не проснулась, только сонно пробормотала что-то невнятное, — встал и подошел к окну, за которым лежал тревожный ночной Киев. Где-то коротко простучала автоматная очередь, а потом вдруг раздался далекий заунывный вой. Алексей вздрогнул и зябко поежился. Он понял, что сработала обычная сирена (скорее всего, случайно), но на краткий миг ему показалось, что это злобно воет затаившееся под городом

чудовище, предвкушая час отмищения.

«Что это было? — думал Алексей, вглядываясь в темноту за окном. — Сон? Нет, таких реальных снов не бывает — я помню все, до мельчайших подробностей! Я помню интонации голоса волхва, помню каждое его слово, помню рунный рисунок на каменном диске, помню холодный блеск металла рельсов в туннеле метро... Нет, это был не сон, а что-то непонятное и необъяснимое. Но самое главное — все, о чем рассказывала Полина, подтвердилось во всей своей жуткой реальности. Под городом действительно таится очень опасная тварь — гибрид Змея Горыныча и Соловья-разбойника, испускающего *черный зов*, — прилетевшая черт знает откуда и грозящая гибелью Киеву. И я от этого не могу отмахнуться, не имею права: кристалл под четвертым энергоблоком ведь и в самом деле существует...»

Он отвернулся от окна и посмотрел на Полину. Она спала, спала тихо и безмятежно, чуть приоткрыв губы, припухшие от его поцелуев, и расстелив по подушке свои золотистые волосы, в которых запутался лунный свет. Алексей смотрел на жену и чувствовал, как в нем вызревает решение — такое, которое должен принять мужчина и воин.

«Я сделал свой выбор», — подумал он.

Глава 12

Сердце Зоны

Строения АЭС были хорошо видны — до них, казалось, рукой подать, хотя Алексей знал, что это впечатление обманчиво. До мертвых энергоблоков еще идти и идти — здесь, в Сердце Зоны, атмосфера выкидывала странные фокусы, скрадывая расстояние или, наоборот, отдаляя близкие объекты. И дело не только в том, что до серых бетонных коробок не один километр — эти вроде бы безобидные километры куда сложнее любой самой замысловатой полосы препятствий. А пройти это полосу можно только с первой попытки: второй не будет, потому что любая ошибка здесь имеет слишком высокую цену — жизнь.

Во-первых, радиация. Сердце Зоны было пропитано радиацией, незримая смерть сочилась здесь отовсюду, таилась в каждой пяди земли и в каждой травинке, неведомо почему еще не рассыпавшейся в прах под воздействием излучения, убивающего все живое. Поток радиации ударил фонтаном из вскрытого взрывом корпуса четвертого энергоблока, и оттуда же щедро выплеснулись активные изотопы, среди которых были и долгоживущие, на долгие годы и десятилетия отравившие Припять и все ее окрестности. Алексей видел фотографии ЧАЭС после взрыва: на месте аварийного энергоблока осталась черная яма, получившая название «След копыта Сатаны». И действительно, дьявольская сила, играючи разворотившая реакторный блок, вырвалась изнутри, как гной из лопнувшего фурункула, но снаружи казалось, что на здание наступила гигантская нога, смяла его и растоптала, оставив чудовищную вмятину. Сейчас след сатанинского копыта не был виден — над энергоблоком наскоро возвели бетонный саркофаг, запечатавший «врата ада», — но этот след остался и по-прежнему дышал атомным смрадом.

Но радиация — это еще полбеды (есть защитные костюмы, есть антирадиационные таблетки, а счетчик подскажет, когда твое время пребывания в Сердце Зоны уже подошло к критической отметке, и пора уносить ноги во избежание). Хуже другое: на радиационную катастрофу наложилось какое-то другое явление, над природой которого безуспешно ломали головы ученые всего мира.

Алексей слышал немало гипотез по поводу «эффекта Сердца Зоны», от более-менее разумных до совершенно бредовых. И наиболее логичной (хотя и не вполне объяснимой с точки зрения современного уровня знаний человечества) была гипотеза «перемешанной мерности». Согласно этой гипотезе, в районе злополучной АЭС возникла аномальная зона, являвшая собой мелко накрошенный винегрет из обрывков множества пространственно-временных измерений: в этой точке вселенского континуума плотно сомкнулись несколько параллельных миров, изрядно покорежив друг друга при взаимопроникновении. Что вызвало эту поистине космическую катастрофу, оставалось неясным (вряд ли причиной была сама радиационная авария, иначе подобные «аномальные зоны» возникали бы на Земле после каждого испытания ядерного оружия, каковых были сотни), однако «многомерный винегрет» объяснял почти все причуды Сердца Зоны — очень опасные причуды.

На значительном расстоянии от мертвой АЭС — местами до нескольких десятков километров — унылая и внешне ничем не примечательная местность, похожая на пустошь, была буквально нашпигована экзотическими и невероятными ловушками: температурными и гравитационными аномалиями, локальными провалами неизвестно куда, энергетическими вихрями, свернутыми в тугие спирали и раскручивающимися совершенно непредсказуемо. Здесь из пустоты били молнии миллионовольтных разрядов, земля под неосторожной ногой превращалась в кисель, проворно и жадно засасывавший все в него попавшее, а воздух, прозрачный и податливый, обретал вдруг тяжесть многотонного каменного молота и с

одинаковой легкостью плющил и людей, и технику (вплоть до тяжелой бронированной). Здесь нарушались законы физики, известные обитателям планеты Земля, и самым надежным способом выжить в Сердце Зоны было довериться интуиции, только вот мало кто имел интуицию безошибочную, способную всегда подсказать верное решение.

А вдобавок к «стихийным» аномалиям вокруг АЭС бродили аномалии живые, пусть даже зачастую выглядевшие гротескной пародией на жизнь. Их называли мутантами, хотя любому мало-мальски сведущему человеку было понятно, что мутации — какие угодно, от радиационных до генетических, — здесь совершенно ни при чем. Шестиногие ящерицы или крылатые крысы не могут появиться в считанные месяцы, несмотря на радиационный фон: мутация — процесс длительный. И если злобные жуки-ежи, плюющиеся ядовитыми иглами, «резиновые змеи», плотоядные свиноголавцы, представлявшие собой жуткую помесь волка и вепря, и уродливые человекоподобные создания — «чупакабры» — разных размеров и повадок еще как-то укладывались в рамки «мутационной теории», то совершенно невозможным было появление ни на что уже не похожих исполинских амёб, умевших полностью сливаться с окружающей местностью и копировать до мельчайших деталей траву, камни, кусты и даже разбитую технику, «мозгокрутов», наделенных мощными гипнотическими способностями, и так называемых реакторных призраков, абсолютно чуждых материальному миру планеты Земля. Этих многообразных тварей рьяно отстреливали армейские кордоны; к счастью, удаляясь от Сердца Зоны, порождения «адского винегрета» погибали сами по себе (до Киева, насколько было известно Алексею, ни один мутант — за исключением призраков — так и не добрался). Но они появлялись снова и снова, причем в значительном количестве и уже во взрослом состоянии — никаких мутантов-детенышей никто никогда не видел. Вывод, к которому пришли ученые, изучавшие «мутантов» (название это прижилось, несмотря на его неправильность), был очевидным: все эти твари являлись выходцами из смежных миров, хотя так и остался непонятным механизм их проникновения на Землю. Эта загадочность пугала — а вдруг завтра вместо прыгающих пиявок в Сердце Зоны появятся полчища иномерных солдат, вооруженных лучеметами и жаждущих поработить человечество? Если возможно регулярное проникновение из мира в мир разных «неведомых зверюшек», то почему нельзя предположить возможность широкомасштабного вторжения враждебных разумных существ, наверняка более опасных уже в силу своей разумности? Эта идея понравилась генеральным штабам многих стран, давно скучавшим по достойному образу врага, и на стратегических картах появилась «цель номер один», поражение которой обеспечивали десятки мегатонных боеголовок. Удар ракетно-ядерными силами «мирового сообщества» по Чернобылю следовало нанести в случае возникновения «угрозы человечеству» — формулировка размытая и очень удобная для «политкорректных» стратегов Запада. Гражданское население Украины в расчет не принималось (эти бестолковые славяне сами виноваты, нечего безмятежно жить рядом с непогашенным очагом неведомой опасности).

А еще на Чернобыльской пустоши появлялись люди, забредавшие порой к самому Сердцу Зоны. Они называли себя сталкерами и зачастую представляли собой опасность не меньшую, чем стихийные аномалии или мутанты-иномерники. Народ перекати-поле, без роду-племени, без дома и семьи, люди без прошлого и без будущего, сменившие свои имена на клички. Во все времена любой социум выплескивал какое-то количество человеческой накипи, не нашедшей себя и своего места в рамках общества, — такими были пираты и бандиты, авантюристы и наемники, бродяги и самые обычные уголовники, витиевато именовавшие себя «джентльменами удачи». К той же породе людей принадлежали и сталкеры: наркоманы, подсевшие на адреналин, которым в избытке одаряла их Чернобыльская зона. Сталкеры охотились за неземными артефактами, порождаемыми Зоной и обладающими загадочными свойствами. Стоимость этих

артефактов за пределами «перемешанной мерности» возматала лавинообразно, обогащая целую цепочку торговцев-посредников, но мало кому из самих сталкеров, ежеминутно рискующих жизнью, удавалось разбогатеть (хотя на словах все они стремились именно к этому). Хабар превращался в деньги здесь же, на пустоши, в барах-притонах, поганками усеявших всю аномальную зону, и денег этих добытчикам хватало только лишь на оружие, патроны и снаряжение (без этого на пустоши было просто не выжить), да на немудреные развлечения в виде выпивки и проституток, предлагаемые в тех же барах. Цена на эти радости плоти достигала заоблачных высот; поставщики спиртного и шлюх наваривали тысячи процентов прибыли, а сталкеры оставались «радиоактивным мясом» и снова шли в Зону за хабаром и за адреналином (причем зачастую скорее за вторым, чем за первым).

Однако кое в чем сталкеры Чернобыля отличались от лутеров Киева. Лутеры были просто мародерами-шакалами, обдиравшими трупы и очищавшими брошенные квартиры от всего ценного, — они избегали риска и ни за какие коврижки не сунулись бы в «адский винегрет», предпочитая крепко зажатую в руке синицу заоблачному журавлю. А сталкеры претендовали на более высокое звание волков, и при встречах с мародерами тут же пускали в ход оружие, сокращая поголовье лутеров, имевших привычку стрелять в спину охотникам за хабаром. Лутеры довольствовались малым и при первой возможности старались выбраться за кордонное кольцо и завязать, пока в их организме не накопилось чересчур много активной дряни или пока горячий кусочек свинца не просверлил в этом организме дополнительное отверстие, не предусмотренное особенностями человеческой анатомии, — сталкеры жили аномальной зоной, составляя с ней единое целое. Это было своеобразное сообщество со своими законами, историей, легендами и образом жизни, и если с лутерами «гуманисты» не церемонились, то за сталкерами молчаливо признавалось ограниченное право на существование. А причина подобной терпимости была проста: слишком много людей делало деньги на хабаре, вынесенном из «адского винегрета», и слишком могущественные силы планеты были заинтересованы в тайнах Зоны и в людях, снова и снова (причем по доброй воле) уходящих туда, где жизнь человеческая слишком часто не стоила и секунды времени. Но вместе с тем все без исключения сталкеры были смертниками (и не только потому, что Зона отпускала неохотно) — все варианты чрезвычайного развития событий, предполагавшие тотальный термоядерный удар по району «перемешанной мерности», предусматривали и безусловное уничтожение всех людей, которых так или иначе коснулось внеземное дыхание. И сталкеры (и те, кто имел с ними дело) числились в списке подлежащих истреблению под «номером один».

Таким было Сердце Зоны, и всего месяца назад Алексей и в страшном сне не мог себе представить, что окажется в этом месте, проклятом, согласно сталкерской поговорке, всеми богами Вселенной.

* * *

То, что под разрушенным энергоблоком атомной электростанции образовалось нечто, Каррах почувствовал очень скоро. Это *нечто* по структуре было явно сродни ключ-камню, и ариссарра ощутил острое возбуждение: неужели *оно* может стать отмычкой к межмировым дверям? Не перемещаясь в пространстве ни на метр, Бестелесный усилием мысли ощупал горячий сгусток, появившийся в результате аварии, устроенной самим ариссарра. Форма... Структура... Свойства... Да, этот кристалл мог быть ему полезен, хотя с трудом поддавался управлению и очень отдаленно напоминал каменный диск, служивший ключом. Спекшаяся глыба, образовавшаяся из протекшего в землю расплавленного содержимого реактора, не могла

полностью заменить ключ-камень, однако дополняла расколотый диск и составляла с ним тандемную пару, способную — при соответствующей настройке — взломать портал, остававшийся наглухо запертым вот уже тысячу циклов. И Каррах начал работать, пытаясь настроить выплавленный кристалл, родившийся в огне радиоактивного выброса.

То, что он делал, трудно было бы объяснить в терминах, привычных и понятных обитателям планеты Земля — слишком различны люди и ариссарра, и слишком отличается их мышление. Каррах пытался подогнать ключ-кристалл под замочную скважину межмировых дверей, и это при том, что и двери, и скважина, да и сам ключ существовали только в сознании бестелесного пришельца. Могучий разум вселенского скитальца изменял материю, придавая ей нужную форму, и горячими толчками бился в паутине измерений, силясь найти точку, нажим на которую распахнул бы межпространственный портал. Энергии у Карраха хватало — великая война, отбушевавшая в этих местах совсем недавно (по меркам звездной расы), протянула за собой длинный шлейф смертных мук, ставших пищей для пришельца из другой мерности, застрявшего на Земле, хорошим источником силы стал для него и радиоактивный выброс из разрушенного реактора. Но энергетический запас был все-таки небезграничен, и Каррах боялся — в той мере, в которой ариссарра могут испытывать страх, — что силы его иссякнут прежде, чем он сумеет открыть неподатливые двери. И поэтому пленник спешил, перебирая различные конфигурации энергетических полей и раз за разом отбрасывая бесполезные.

Теряя терпение, Бестелесный бил кристаллом в стык измерений, сминая их границы, но двери не поддавались: ариссарра не хватало умения, а отмычка — это все-таки не ключ. Каррах расшатывал смежные измерения, словно стальные прутья решетки, выгибая их и раздвигая, однако щели неизменно оказывались слишком узкими, и ему никак не удавалось в них протиснуться. Но в результате его отчаянных усилий межмировые границы немного сместились: произошло частичное наложение друг на друга нескольких соседних миров, и в Сердце Зоны появились первые аномалии и первые мутанты. Ничего хорошего людям это не обещало — на стыке «помятых» измерений рождались опасные явления, грозившие всему живому, а звери иных миров, пройдя через искореженные подобия порталов, попадали на Землю в изуродованном виде, утрачивая свой изначальный облик и превращаясь в сущих монстров (а некоторые и вовсе теряли плотноматериальную составляющую, оборачиваясь «шлаком» — теми самыми призраками, над загадкой которых бились ученые и которых так пугались простые люди). Однако это обстоятельство нисколько не смущало ариссарра: ради того, чтобы вырваться из этого опустылевшего мира и вернуться домой, он был готов на все. И Каррах снова и снова возился с дверью, и в Сердце Зоны возникали новые аномалии, а место погибших мутантов занимали другие. Ученым Земли и в голову не могло прийти, что возникновение в районе Чернобыля аномальной зоны со всеми ее жуткими «прелестями» обусловлено могучей волей разъяренного иномирового пришельца...

Двери упорно не желали открываться. Холодный разум ариссарра оценил ситуацию, перебрал возможные варианты и принял единственно верное решение: инициировать взрывное разрушение «реакторной слезы», введя ее в резонанс со структурой расколотого каменного диска, превратить всю материю кристалла и ключ-камня в энергию и проломить измерения в нужном направлении — Каррах уже знал, где находится его родной мир. Сила взрыва должна была стать чудовищной и привести к полному разрушению огромного города, но ариссарра это ничуть не волновало. Его беспокоила только нехватка энергии — попытки вскрыть портал отняли у Бестелесного слишком много сил. Для осуществления задуманного Карраxu требовалась пища, много пищи, и плененный пришелец вскоре сообразил, как ее получить.

— Слушай, Леха, скажи мне честно, что за траву ты куришь? — меланхолично спросил Артем. — Это надо же такое придумать — спящее чудище, древнее пророчество, волхвы, старинные книги и месть богов! Или твоя девчонка тебе голову окончательно задурила? Ты бы лучше с ней целовался, чем слушать ее сказки, она тебе еще и не такое расскажет!

— Ты погоди ярлыки развешивать, — вмешался Андрей. — Алексей у нас, конечно, парень романтический, книгочей, но такое придумать... — он глубокомысленно покачал головой. — И на Полинку ты зря наезжаешь: она девчонка серьезная, с головой, а не только с ногами и прочими деталями. Ты помнишь, за чем она в Киев полезла? Вот то-то и оно...

Алексей молчал. Другам надо дать выговориться, а уж потом... По блеску их глаз и порывистости движений Алексей понял, что его рассказ заинтриговал и Андрея, и Артема и что они наверняка пойдут с ним, как только окончательно осмыслят услышанное. Алексей уже приобрел среди ополченцев определенный авторитет: во всяком случае, никто не называл бы его пустым болтуном, а прозвище «Леха-книгочей» носило уважительный оттенок.

Дружба этих троих парней возникла и окрепла стремительно: в суровых условиях жизни в зараженной Киевской зоне быстро становилось ясным, кто чего стоит. Андрей с Артемом успели побывать начинающими сталкерами, ходили в Припять и даже к развалинам ЧАЭС, но быстро разочаровались в приклатненной романтике и покинули район Чернобыля (к слову сказать, из их группы в тринадцать человек, ушедших в аномальную зону, выжили только они — все остальные погибли на пустоши, работая живыми отмычками у матерых сталкеров, прокладывавших себе дорогу трупам зеленого молодняка). В «адском винегрете» парни были недолго, но успели кое-чего нахвататься и охотно делились с Алексеем своими знаниями. От них он и услышал о «Чертовом Плевке» — радиоактивной кристаллической глыбе под саркофагом, скрывавшем разрушенный корпус четвертого энергоблока, — и сумел вычленить из вороха сталкерских легенд нечто удивительным образом совпадавшее с услышанным от Полины.

— Значит, говоришь, надо пробраться к Чертову Плевку? — уточнил Андрей. — Это, я тебе скажу, не пикник на обочине устроить. Народу в районе ЧАЭС сгинуло без счета, и это только на поверхности. А что творится в тамошних подземельях, и что они вообще собой представляют — одному богу известно.

— Говорят, что до самого Плевка почти никто не добирался, — добавил Артем, — а кто добрался, тот назад не вернулся. Так что рассказать об этом камушке никто не может, а легенды — они легенды и есть, им веры мало. Пьяные разговоры об этом суперартефакте мы, конечно, слыхали, но толку с них... В общем, та еще прогулочка.

Все трое помолчали, а потом Андрей посмотрел Алексею в глаза и уронил веско:

— Ты уверен, что все это правда — то, что ты нам рассказал?

— Уверен, — ответил Алексей.

Он не стал рассказывать друзьям о своем странном сновидении — и без этого мистики выше крыши, — но парням хватило его уверенности: с такими вещами не шутят.

— Но если так, — рассудительно заметил Артем, — то идти надо не втроем, а большим отрядом, тогда наверняка пробьемся. А еще лучше — Расскажи обо всем полковнику, а он свяжется с высокими военными чинами за кольцом оцепления. Раз такое дело, пускай они долбанут по Сердцу Зоны чем-нибудь основательным, чтобы все там в пыль, вместе с этим треклятым Чертовым Плевком!

— Не получится, — Алексей криво усмехнулся. — Большим отрядом туда идти нельзя:

слишком заметно. А если заметно, то кто-нибудь непременно заинтересуется и спросит сам себя: а что это им понадобилось в районе аварийной АЭС? И тут же найдутся охотники нас перехватить и получить ответ на этот вопрос в «частной доверительной беседе», а то и попросту перестрелять нас по дороге, и все дела. Сами знаете, какая паутина сплетена вокруг Сердца Зоны и что за пауки ее сплели. А насчет «долбануть» — это тем более не получится. Зона нужна слишком многим, иначе ее давно уже выжгли бы. Мало человекам оружия, что сами они изобрели, — им подавай чего-нибудь такого особого, неземного. Да и как ты себе это представляешь? Лощеные господа в уютных кабинетах вот так сразу поверят командиру незаконного вооруженного формирования, окопавшегося в Киеве и провозгласившего свою независимую республику, и кинутся спасать город от незнамо чего? Вы мне и то не до конца верите, а что тогда говорить о генералах и правительствах? И убеждать их некогда — времени у нас в обрез. Нет, ребята, идти нужно малой группой. Втроем — вам я доверяю.

— Не дойдем, — угрюмо произнес Андрей. — Идти к ЧАЭС — это тебе не лутеров по пустым квартирам гонять. Слишком это опасно, Леша.

— Опасно, — согласился Алексей. — Но вот что я вам скажу, парни. Если вы пойдете со мной, я буду рад. Если не пойдете — я не обижусь и отправлюсь к Сердцу Зоны один. Пусть уж лучше я лягу на пустоши, чем меня потом совесть насмерть загрызет при виде гигантской черной ямы на месте Киева.

Артем и Андрей молча переглянулись.

— Ладно, — медленно проговорил Артем, — мы с тобой, псих ненормальный.

— Спасибо, ребята, — тихо сказал Алексей.

* * *

Артем погиб, когда они прошли большую часть пути и вдали уже показались корпуса мертвой электростанции. До этой роковой минуты все шло на редкость гладко, и друзья немного расслабились, а этого Сердце Зоны не прощает...

А поначалу все складывалось как нельзя лучше. В разведрейды в Зону полковник предпочитал направлять добровольцев, и когда трое друзей вызвались идти в очередной поиск, он не стал возражать, тем более что Андрей и Артем с Зоной были уже знакомы. Правда, утверждая состав группы, он спросил у Алексея: «А молодую жену вдовой оставить не боишься?», но, услышав в ответ его решительное «Не боюсь, товарищ полковник!», молча кивнул головой.

Ребята вышли в разведывательный рейд хорошо экипированными: с водой, едой и медикаментами, с оружием (никакой экзотики — все трое были вооружены старыми добрыми АКМ с подствольниками), с солидным боезапасом и в защитных комбинезонах «хамелеон», усиленных бронепластинами. Многие сталкеры зачастую предпочитали суперсовременные автоматические винтовки иностранного производства с компьютерными наворотами, но друзья остались верны «калашам», и отнюдь не из чистого патриотизма — эти неприхотливые машинки отлично зарекомендовали себя на пустоши, да и особого выбора у ополченцев не было: оружие и в Киевской, и в Чернобыльской зонах ценилось на вес золота.

До «бутылочного горла» они добрались на трофейном бэтээре, оставшись при этом незамеченными беспилотниками и благополучно избежав встреч с моторизованными патрулями «гуманистов». БТР сразу же ушел обратно (вернуться за ними он должен был через три дня), а разведчики двинулись дальше на своих двоих. Алексей знал, что трех дней для выполнения задуманного им явно не хватит, но говорить об этом экипажу бронемашины не стал. Конечно,

по возвращении придется все объяснить полковнику (а то как бы их самодеятельность не сочли за дезертирство), но для этого надо еще вернуться. А победителей — не судят.

Разделительный барьер между двумя «грязными» зонами — Чернобыльской и Киевской — прошли без проблем. Артем и Андрей помнили сталкерские лазейки, да и охрана здесь, где остался радиоактивный след выброса, протянувшийся от Припяти до Киева, была скорее символической (в отличие от внешнего кольца оцепления, окружившего обе зоны минными полями, спиралями Бруно, бетонными заборами и многочисленными постами электронного наблюдения). Углубившись в Зону, под вечер они сделали короткую остановку в одном из импровизированных баров в сталкерском поселке на окраине пустоши, являвшем собой причудливое скопище полуразрушенных домов, трейлеров и контейнеров, приспособленных под жилье. Алексей хотел без задержки миновать убогий притон, устроенный в бетонном подвале опустевшего двухэтажного здания, однако друзья объяснили ему, что этого делать нельзя: сталкеры, ревниво оберегающие свои делянки от чужаков, могли насторожиться, заметив пришлых, уверенно направившихся напрямик к «адскому винегрету», без вопросов типа «А как пройти туда-то?», и проследить за ними. Впрочем, вынужденный привал не отнял много времени: друзья очень убедительно изобразили глупых новичков, наслушавшихся сказок о бесценных артефактах, валяющихся в Зоне на каждом шагу (только не ленись за ними нагнуться!), задали с десятков идиотских вопросов, выпили по банке скверного пива (по цене коллекционного коньяка), купили (по дешевке) подержанный индикатор аномалий и ушли в ночь, провожаемые ироничными взглядами местных завсегдатаев, уже записавших «этих дураков» в покойники.

Наверное, им повезло: они шли по Зоне, как по ровному полю, удачно обходя замеченные ловушки (сталкерский опыт Андрея и Артема, приобретенный парнями за время их недолгой жизни в Зоне, оказался очень полезен) и счастливо избегая встреч с опасной живностью пустоши, — Алексей, наслушавшийся рассказов о чернобыльских тварях, испытал даже что-то похожее на разочарование. Тем не менее чужеродное дыхание Зоны он почувствовал сразу — к здешним местам, с виду ничем не примечательным, очень подходило прилагательное *неземные*. И трава здесь была какая-то не такая, и земля, и даже небо, низкое и странно светящееся. И тишина, давящая и гнетущая, убивающая все звуки. «Одно слово — *Зона*, неведомое порождение непонятно чего. Вселенское кладбище, где похоронены законы земной физики. „Пока все тихо, даже чересчур тихо, но что будет возле самой АЭС и кто встретит нас у кристалла? — с тревогой подумал Алексей. — Ожившие покойники или, может статься, сородичи Заточенного?“ При мысли о том, что им, возможно, придется встретиться лицом к лицу (или что там у них вместо лица?) с близкими родственниками затаившегося под Киевом древнего чудовища — твари (судя по тому, что Алексей о ней знал) невероятно могучей, совершенно безжалостной и абсолютно неуязвимой, — Алексею стало не по себе. Но он справился с этим, чтобы не выказать перед товарищами охватившее его смятение.

Но пока никаких сюрпризов Зона им не преподнесла. Унылый пейзаж — болотистая кочковатая равнина, кое-где украшенная серыми чахлыми кустиками и редкими уродливыми деревцами, изогнутыми самым причудливым образом, и подернутая мелкой сеткой осеннего дождя, — не радовал глаз, но ополченцы не обращали на это внимания: в конце концов, они пришли сюда не любоваться красотами дикой природы, а на такой открытой местности меньше вероятность напороться на что-то неожиданное и неприятное. Ночью ребята спали по очереди, предусмотрительно выбирая для ночлега места только с хорошим круговым обзором, а днем двигались крайне осторожно, предпочитая сделать крюк и обойти стороной подозрительную ложбинку или бугорок, чем переть напролом ради сомнительной экономии времени и сил. „Торопись медленно!“ — этот девиз на Чернобыльской пустоши имел силу закона. Но к вечеру

третьего дня везение кончилось.

Купленный в баре индикатор аномальных форм жизни оказался барахлом — среди торговцев пустоши не считалось зазорным „впарить лохам“ негодный товар (Зона, мол, все спишет). В статике он работал более-менее, а вот в динамике подкачал, и отчаянная троица, миновав овраг, густо поросший какой-то вонючей гадостью, на опушке небольшой рощицы лоб в лоб столкнулась со стаей кабаноголовых волков — гуронов, как называли этих зверей сталкеры, — то ли гнавших кого-то по зарослям, то ли, наоборот, спасавшихся бегством от кого-то более сильного и агрессивного.

Все дальнейшее произошло стремительно. В памяти Алексея обрывками запечатлелся треск выстрелов, сопение и визг четвероногих мутантов, их налитые кровью глаза, кривые клыки и ошметки мяса, вырываемые пулями из лохматых серо-бурых туш. Алексей влепил гранату из подствольника прямо в раззявленную и сочившуюся клейкой слюной зубастую пасть здорового секача, другому распорол очередью брюшину и успел заметить, как подстреленная тварь убегает прочь, волоча за собой сизые кольца вывалившихся потрохов. А затем ударом в бок парня отшвырнуло в сторону и крепко припечатало спиной о дерево.

А когда мельтешение разноцветных искр перед глазами прекратилось и он поднялся на ноги, гуронов уже не было: среди истоптанных кустов стоял смертельно бледный Андрей, сжимавший еще дымившийся автомат, у ног его бесформенной грудой валялся убитый свиноголавец, а чуть поодаль лежало изуродованное тело Артема, разодранное клыками и растоптанное копытами. В Зоне все происходит очень быстро...

Андрей и Алексей отделались царапинами и ссадинами — спасибо бронепластинам, хотя от неминуемой смерти их спасло только то, что кабановолки неслись сломя голову и не стали задерживаться на месте схватки. Но дальше друзья шли молча, избегая встречаться взглядами, — мгновенная гибель Артема потрясла обоих, — а ночью оба спали урывками, вскидываясь на каждый звук, изредка прокалывавший мертвую тишину. И все-таки они шли, давя трусливую мыслишку „А может, вернемся?“, и к полудню следующего дня оказались прямо напротив АЭС, на невысоком холме, откуда хорошо видна была вся станция.

— Ну, вот и дошли, — с видимым облегчением произнес Андрей, вглядываясь из-под ладони в контуры ЧАЭС, — почти. Теперь дело за малым — забраться внутрь. Мутантов вроде не видать, и этих полоумных, которые называют себя стражами Сердца Зоны, тоже не видно. А насчет аномалий — пойдем во-о-он по той тропке, видишь? — он шагнул вперед и обернулся к Алексею. — Там всегда было чисто, потому как...

И недоговорил. Прозрачная пустота за его спиной внезапно сгустилась, ухватила Андрея невидимой лапой и поволокла, выкручивая мягкое человеческое тело, как мокрую тряпку. Алексей дернулся было к нему на помощь и замер, услышав стонущий шепот друга:

— Не подходи... Оно и тебя... затянет... не трогай...

Повисшее в воздухе тело Андрея было видно до половины — ниже пояса оно исчезло, словно срезанное. „Дьявольская форточка“, — мелькнуло в голове Алексея, — пульсирующая дыра в мерности, перемалывающая все в нее попавшее». Но Андрей еще жил, и жило его лицо, искаженное болью, и глаза, полные смертной муки.

— Дойди, Алешка... — прохрипел он. — Дойди...

А потом «дьявольская форточка» схлопнулась. Алексей услышал мокрый хруст, и в лицо ему плеснуло чем-то теплым. Он машинально вытерся и увидел на ладони кровь — кровь друга... Небо качнулось, поплыли куда-то серые параллелепипеды АЭС, и Алексей без сил опустился на жесткую колючую траву.

Сколько он так просидел, Алексей сказать не мог. Возможно, ступор продолжался всего пару минут, а может, и гораздо дольше — чувство времени в Сердце Зоны размыто, как и

многие другие ощущения. Но постепенно он пришел в себя, и отчаяние уступило место бойцовской злости. «Андрюха проложил мне дорогу, — подумал Алексей, касаясь пальцами порыжелых травинок, похожих на ржавую проволоку. — Он погиб, чтобы я остался жить и дошел до этого проклятого камня или что оно там такое есть на самом деле. И Артем тоже погиб ради этого. Эх, ребята...».

— Я прикончу тебя, гнида, — прошептал Алексей, обращаясь к серому саркофагу и к тому, что скрывалось под основанием этого уродливого надгробия. — Прикончу, гадина, — и за ребят, и за всех тех, кого ты вознамерился убить. Жди, сволота, — я иду.

Он еще раз внимательно осмотрел в бинокль здания мертвой АЭС. Идти туда ему очень не хотелось (особенно после того, что ему уже пришлось испытать), но не идти было нельзя — хотя бы потому, что если он, Алексей, поддастся страху, значит, Андрей и Артем погибли зря, и скоро погибнет множество других людей, даже не подозревающих о том, что их ждет. Алексей глубоко вздохнул, встал, проверил автомат и пошел к бетонным коробкам станции, напряженно оглядываясь по сторонам и чутко прислушиваясь к каждому шороху.

Алексей шел к саркофагу не для того, чтобы испросить для себя исполнения самого заветного желания или обрести бессмертие, и даже не для того, чтобы одарить всех людей даровым счастьем. Если бы сталкеры знали, что привело к Сердцу Зоны этого молодого киевлянина, участь Алексея была бы, мягко говоря, незавидной. Ведь он, ни много ни мало, хотел разрушить Чертов Плевок, святыню аномальной зоны, овеванную множеством легенд, — разрушить для того, чтобы избежал разрушения и гибели его родной город с десятками тысяч оставшихся там людей.

Но Алексей не дошел до АЭС. Над саркофагом, скрывавшим след копыта Сатаны, беззвучно вспыхнуло голубое зарево, задрожало, раздернулось призрачным занавесом, и из-за него хлынул поток чудовищных тварей.

* * *

«Лопнул нарыв, — подумал генерал-лейтенант аэрокосмических войск Российской Федерации, глядя на дисплей, на который проецировалось орбитальное изображение района Чернобыльской АЭС, — и потекло. Вот и дождались...»

Бурая клякса, бравшая начало от саркофага разрушенного четвертого энергоблока и быстро растекавшаяся, при укрупнении изображения распадалась на множество капель-составляющих. И каждая из этих капель имела свою причудливую форму и была живой — прорванный гнойник извергал орду уродливых существ (мутантов, как их называли ученые, изучавшие аномальную Чернобыльскую зону), саранчой расползавшихся окрест. И каждую секунду количество этих тварей, появлявшихся из ниоткуда, увеличивалось — порождавший их источник казался неиссякаемым. С момента начала живого извержения прошло примерно полчаса, и за это время мутанты заполнили значительное пространство в районе аварийной станции и продолжали свое безостановочное движение. Пятно приняло форму вытянутого овала, все более и более заострявшегося и тянувшегося в направлении Киева: складывалось впечатление, что твари целеустремленно двигались туда, к городу.

Генерал оторвался от созерцания зловещей кляксы и взглянул на офицеров дежурной смены, сидевших на своих местах перед мониторными пультами. В рассеянной полутьме центра орбитального слежения лица людей имели зеленоватый оттенок. Это отсвечивали экраны, но зрелище было неприятным, вызывая ассоциации с ожившими покойниками. Офицеры молчали, однако генерал чувствовал их напряжение. И немудрено — наблюдение за аномальной

Чернобыльской зоной велось достаточно давно, к ее обычным явлениям успели привыкнуть, и теперь всем было ясно: происходит что-то из ряда вон выходящее и опасное.

И генерал-лейтенант вспорол окостеневшую тишину режущим лезвием двух слов:

— Доклад президенту...

Глава 13

Черный зов

Алексей заворуженно наблюдал за накатывающейся живой волной. Мутанты затопили след копыта Сатаны (руины четвертого энергоблока скрылись под сплошной шевелящейся массой) и неудержимо шли дальше, топча землю Припяти ногами, лапами и конечностями, напоминая детали диковинных машин. Уже без бинокля были видны отдельные особи; некоторых Алексей узнавал (погибшие друзья рассказывали ему об аномальной фауне Зоны), но большинство тварей были ему неизвестными. Бок о бок со свиноголовцами, железными ящерицами, панцирными крысами и человекоподобными чупакабрами бежали-ползли-перекатывались совершенно жуткие создания, словно сошедшие с картин Иеронима Босха: двухметровые шерстистые шары, многоглавые черные змеи, суставчатые псевдонасекомые, крабоподобные чудовища, оснащенные многочисленными клешнями, гигантские муравьи со щупальцами и существа, собранные из разных частей разных животных и растений, причем, похоже, далеко не только земных. Мелькали тут и там туманные силуэты реакторных призраков — твари во плоти проходили сквозь них, не обращая на фантомов ни малейшего внимания.

«Так вот откуда они берутся...»

Глядя на этот немыслимый пандемониум, извергаемый следом копыта Сатаны, Алексей понял: да, гипотеза об иномерном происхождении так называемых мутантов верна. Все они появлялись из одной и той же точки пространства, и никакая земная мутация не смогла бы породить столь невероятных существ, да еще за такой короткий срок, который прошел с момента аварии. И число тварей — такого количества местного зверья здесь просто не набралось бы, даже если предположить, что вся окрестная мелкая живность вдруг в одночасье резко увеличилась в размерах. И еще — он ощущал дикую злобу и жажду убивать, буквально излучаемую несметной ордой чудовищ.

Алексей стряхнул с себя оцепенение. К саркофагу ему уже не прорваться, это ясно как день: чтобы проложить дорогу к Чертову Плевку через полчища мутантов, нужна как минимум бронетанковая бригада со средствами усиления (и желательно при поддержке с воздуха). А кидаться в одиночку на эту живую лавину с АКМом с парой рожков патронов и пятком гранат для подствольника так же бессмысленно, как пытаться остановить голыми руками тяжело груженный железнодорожный состав. И Алексей повернулся и побежал вниз по склону холма, возвращаясь туда, откуда пришел, и пытаясь на бегу найти ответ на вопрос «Что же делать?».

Он бежал, уповая на везение, и молился всем богам, чтобы не влететь в какую-нибудь аномалию, наподобие той, что погубила Андрея; бежал, ощущая спиной приближение орды тварей; останавливался, переводил дух и бежал дальше, задыхаясь и хватая ртом горячий сухой воздух, как вдруг — ему показалось, что минула целая вечность, хотя на самом деле прошло не больше получаса, — увидел впереди несколько человеческих фигур в камуфляже и в черных банданах сталкеров, с оружием наизготовку.

Алексей распластался в пыльной траве, надеясь, что сталкеры его не заметили, а если и заметили, то вот так сразу стрелять не будут: он ведь им, в конце концов, не враг. Надежда на миролюбие сталкеров была призрачной — Андрей с Артемом немало порассказали ему о нравах Зоны и о том, как здесь любят чужаков, забравшихся в чужие уголья, — но выстрелов не последовало, и Алексей осторожно поднял голову.

Кныш с трудом продрал глаза. Свинцовая тяжесть в голове и липкая сухость во рту неопровержимо свидетельствовали о том, что градус вчерашней попойки в сталкерском баре «Удачный хабар» явно превысил максимально допустимый. Повод, конечно, был знатный: Доходяга и Хмырь вернулись из Зоны целыми-невредимыми и к тому же с богатой добычей (они принесли даже желчь железной ящерицы, из которой, по слухам, на Большой земле изготавливали поистине чудодейственные препараты) и, как водится, устроили в баре пир на весь ограниченный сталкерский мир, пригласив туда всех ветеранов. Спиртное лилось рекой; сталкеры, очень хорошо знавшие, как легко и просто обрывается в Зоне жизнь человеческая, и поэтому живущие одним днем, пили, бессвязно орали отдаленное подобие песен и хватали за ягодицы доступных девиц-официанток, шустро сновавших между столиками. Не обошлось, понятное дело, и без традиционной драки — а как же без этого! — к счастью, не перешедшей в массовое кровопролитие: по строжайшим правилам бара все без исключения посетители оставляли оружие в «предбаннике», сдавая его гориллоподобному стражу с красноречивым погонялом Троль. В общем, вечеринка удалась, хотя целостной картины вчерашнего разгула в сознании Кныша не запечатлелось: с какого-то момента его воспоминания походили на рваный видеоклип, прореженный частыми лакунами полного беспамятства.

Однако разбудило Кныша не свирепое похмелье, не жажда срочно промочить горло и не вульгарная физиологическая потребность избавить организм от биологических излишков. Сталкер свесил ноги с развороченной койки и некоторое время тупо пялился на бесстыдно разметавшуюся голую девку, спавшую рядом с ним тяжелым пьяным сном. Попытка собрать в кучку расползавшиеся мысли оказалась неудачной — сознание Кныша бунтовало и напрочь отказывалось служить своему хозяину.

Но в то же время Кныш ощущал в сознании некое беспокойство — «мозговой зуд», как тут же окрестил это непривычное явление сталкер, не слишком склонный к поэтическим изыскам. В похмельной голове Кныша оформлялось какое-то смутное желание, требовавшее немедленного удовлетворения. Еще не понимая до конца, чего же он все-таки хочет, Кныш слез с койки, торопливо надел полное сталкерское облачение (по устоявшейся привычке не упуская ни одной мелочи, от которых в Зоне зависела жизнь), взял автомат, несколько гранат и свой любимый широкий нож с зазубренным лезвием, не раз попробовавший плоти и крови мутантов (и не только мутантов).

Закурив на ходу, он быстрыми шагами направился к бару, желая омыть страдающую душу пивом, а главное — узнать, что же происходит. Кныш ни минуты не сомневался в том, что в Зоне что-то случилось — над сталкерским поселком была разлита неясная тревога, она висела в воздухе и вползала в легкие с каждым вздохом.

В баре былолюдно — здесь уже собрались почти все участники вчерашнего попойки, и то и дело появлялись новые люди, причем некоторых из них Кныш видел впервые.

С наслаждением хлебнув вожделенного пива, он огляделся, и его поразило выражение лиц собравшихся. Люди — в том числе и старые его знакомые, тертые и трепанные Зоной, выглядели странно: вроде бы не пьяные и не обкуренные дурь-травой, росшей на пустоши, а как бы не в себе, словно в поселке, видевшем всякое, началась эпидемия сумасшествия.

— Эй, — окликнул Кныш своего приятеля Годзиллу, ожесточенно жестикулировавшего в кругу сталкеров и каких-то пришлых, преданно смотревших на Годзиллу как на вожака. — Что происходит, черт подери?

Годзилла повернул к нему свою широкую физиономию, изуродованную огромным безобразным шрамом, и хрипло заорал:

— Надо всем идти к станции! К саркофагу!

— Зачем? — недоуменно спросил Кныш. — За каким хреном? Есть ведь гораздо менее

сложные способы самоубийства!

— Надо! — отрезал Годзилла и направился к выходу. За ним потянулись и остальные, и Кныш с удивлением заметил, что в нарушение строгих правил «Счастливого хабара», все они были вооружены — кто чем, вплоть до гранатомета, который волок на плече незнакомый Кнышу здоровенный детина. А кроме того, у всех имелось и холодное оружие, причем такое, которое в Зоне обычно не слишком в ходу из-за его громоздкости и малой эффективности при столкновениях с мутантами: топоры, тесаки и даже широкие мясницкие секачи. И только сейчас Кныш с удивлением обнаружил, что его собственный АКМ висит у него на плече — на входе в бар бдительный Тролль не сказал сталкеру ни слова.

«Надо... Надо... Надо...» — шелестело в мозгу. И Кныш вдруг понял, чего он хочет, — он хочет идти к четвертому энергоблоку, потому что там скоро начнется большая потеха: самая большая потеха в его жизни.

Выскочив из опустевшего бара, он бегом догнал размашисто шагавшего Годзиллу и дернул его за плечо.

— погоди! Надо на колесах, так будет быстрее!

— Дело, брат сталкер! — обрадовался шрамоносец. — Правильно мыслишь!

Похоже, эта мысль посетила не только Кныша — со всех сторон доносился шум моторов. Сталкеры выводили из укрытий самые разные машины, бережно сохраняемые на «черный день», лезли в них и загружали ящики с боеприпасами, как будто собирались по меньшей мере прорывать санитарный кордон, плотно обжавший Зону со всех сторон. Их движения были лихорадочно быстрыми, но какими-то дергаными, словно у кукол на невидимых ниточках; глаза горели фанатичным огнем. Но Кныш почему-то не удивлялся: он и сам был захвачен общим порывом.

«Надо... Надо... Надо...» — стучало в висках.

В «Хаммер» Годзиллы (эта машина появилась у него в результате тайного бартера с «гуманистами», предпочитавшими не воевать, а торговать всем, чем ни попадя) набилось человек десять, теснясь и задевая друг друга стволами автоматов. Годзилла дал газ, но Кныш его остановил.

— Погодь, брат сталкер, — я мигом!

Добежав до своего домика (будучи «сталкером в законе», Кныш обитал в более-менее сносном коттедже, снабженном минимумом необходимых удобств), он заскочил внутрь, не обращая никакого внимания на девку, поднимающую голову на шум и сонно хлопавшую глазами, и распахнул дверцу хлипкого шкафа. Порывшись, выволок оттуда длинное мачете, валявшееся там без дела, и прицепил его к поясу. Сознание сталкера было ясным, мозговой зуд прекратился. И Кныш понял, каким это будет удовольствием вогнать почти метровое лезвие в тушу краборака или гуруна, или просто четверорукой чупакабры — какая разница? Главное — всадить, всадить глубоко, до самого мутантского нутра, до кишок или что там у них есть. И резать, резать, резать это ходячее радиоактивное мясо, резать на мелкие кусочки!

О том, что рукопашная схватка с чудовищными тварями Зоны есть гарантированное (и очень мучительное) самоубийство, старый опытный сталкер по кличке Кныш почему-то не думал...

Джипы, набитые вооруженными людьми, один за другим покидали поселок и неслись к Сердцу Зоны.

Сталкеры шли прямо на Алексея. Точнее, они шли не только на него — их развернутая редкая цепь захватывала целую полосу местности, — но в эту полосу попадал и пригорок, за которым залег молодой ополченец.

«Попал, — промелькнуло в голове Алексея, — вот это попал так попал...». Отступить было некуда — за спиной бесновались мутанты. Он хотел было встать во весь рост и поднять руки, демонстрируя старожилам Зоны свои мирные намерения, но что-то ему подсказывало: этого делать не стоит — тут же получишь автоматную очередь, и никакие бронепластины тебе уже не помогут. И Алексей остался лежать, уповая на то, что его «хамелеон», сливавшийся с густой чернобыльской травой, спасет своего хозяина. Парень смотрел вперед, на идущих к нему людей, а под ним все осязательнее содрогалась земля: орда мутантов приближалась.

Секунды превратились в столетия. Алексей потерял счет времени и не мог сказать, сколько прошло минут или часов с того мига, как он залег, и тут прямо перед ним возникла фигура сталкера — возникла бесшумно, словно призрак.

Сталкер был вооружен до зубов, но Алексею прежде всего бросилось в глаза длинное мачете, болтавшееся на его боку, — стальное лезвие тускло поблескивало. А потом Алексей увидел глаза этого человека.

Глаза сталкера были пустыми и мертвыми, будто у зомби; он шел уверенно, но какой-то неестественной походкой, словно запрограммированный автомат, и это ошеломило парня. «Что с ним? — подумал Алексей. — Под наркотой он, что ли? Но ребята говорили, что настоящие сталкеры никогда не ходят в Зону пьяными или под дурью, и уж тем более не лезут в таком состоянии в „адский винегрет“». И тут он понял, что сталкер его не видит, хотя между ними было всего-то с десяток шагов. И защитный комбинезон тут был ни при чем — сталкер смотрел прямо на Алексея и не замечал его, а если и замечал, то не обращал на прижавшегося к земле парня никакого внимания. У сталкера была своя цель, и он шел к ней, не глядя по сторонам и ни на что не отвлекаясь.

Человек в черной бандане прошел в двух шагах от Алексея, даже не повернув головы. Алексей слышал его тяжелое дыхание и заметил, что сталкер небрит: его подбородок и щеки украшала жесткая черная щетина. Левее ополченца с той же целеустремленностью прошел другой сталкер, правее — третий. Цепь сталкеров миновала пригорок и шла вперед, прямо навстречу катящейся волне чудовищ. А там, откуда они пришли, появились еще люди, и число их все увеличивалось, как будто к Сердцу Зоны собрались все сталкеры Чернобыля, и не только они. Алексей видел и солдат-мироотворцев в ооновской форме, и даже хорошо знакомых ему киевских лутеров. «Это что же такое творится-то, а? — растерянно подумал он. — Они ведь идут на верную смерть!» Алексей привстал на колени, и тут началась стрельба — сталкеры открыли огонь по мутантам.

Они стреляли с ходу, не целясь, но промахнуться по густой толпе чудовищ, валом валивших от саркофага, было невозможно — каждая пуля и каждая граната попадала в цель. Но тактика сталкеров была непонятной: вместо того чтобы залечь и организовать оборону, утыкав землю минами, они продолжали идти вперед, с каждым шагом сокращая расстояние между собой и тварями, извергнутыми следом копыта Сатаны.

Наземь хряпнулись первые туши мутантов, скошенных плотным огнем, но живую волну это не остановило. Чудовища шли вперед, равнодушно топча упавших сородичей, а навстречу им с таким же механическим равнодушием шли сталкеры. И вскоре волна тварей и цепь людей встретились...

Расстояние до чудовищ было небольшим, не более полукилометра, и Алексей видел происходящее во всех деталях. И увиденное его потрясло.

Сталкеры стреляли до последней минуты, а когда до оскаленных пастей и уродливых лап

оставались считанные метры, они отбрасывали свои автоматы и штурмовые винтовки и кидались на мутантов с топорами и тесаками. Это было дико, бессмысленно, но это было именно так: сталкеры, опытные бойцы Зоны, остервенело цеплявшиеся за жизнь и умевшие ловко расправляться с любыми аномальными живыми формами, бросались врукопашную, как будто желая не победить, а умереть. И умирали...

Над полем боя — нет, над полем бойни, — несся дикий человеческий крик множества глоток, перемешанный с визгом и рычанием мутантов. Алексей видел, как взлетело вверх размахивающее руками человеческое тело, упало и снова взлетело вверх. Но руками оно уже не размахивало — обе руки были вырваны из плеч клыками тварей. А на третий раз вверх взлетел уже бесформенный обрубок, взлетел — и упал обратно, бесследно исчезнув среди косматых туш и оскаленных пастей. Живая волна смяла и погребла под собой редкую цепь людей и покатилась дальше. А навстречу ей шли и шли другие люди; шли, стреляя на ходу. А затем эти люди вынимали ножи и кидались в самую гущу тварей, на верную и быструю смерть.

...Кныш отбросил автомат и выхватил мачете (широкий нож уже был зажат в его левой руке). На него с воем набегал здоровенный гурон; сталкер подался чуть в сторону и ловко принял на лезвие ножа уродливое тело твари, взметнувшееся в прыжке. Свиноглавец взвыл и забился в судорогах, а Кныш одним быстрым движением мачете отсек ему башку. Сталкера окатило волной кровожадной радости, он хрипло заорал, потрясая окровавленным клинком, но тут же радость его сменилась ужасом: вместо кабановолка перед ним появилась невиданная тварь, похожая на скорпиона гигантских размеров. И Кныш понял — все, это конец. «Зачем я жил?» — промелькнуло в голове сталкера, а в следующую секунду огромная зазубренная клешня отстригла ему голову...

Алексей рывком вскочил на ноги. «Иди туда! — явственно прозвучало в его сознании. — Иди, убей и умри, это и есть счастье!» Он сделал несколько шагов навстречу орде чудовищ, стиснув автомат так, что свело пальцы, и тут вдруг понял, что творилось с несчастными сталкерами и что происходит с ним самим. «Так вот он какой, Черный Зов, о котором говорил волхв! Заточенный сводит людей с ума и гонит их на смерть! Но зачем ему это нужно?»

«Верно, — раздался незримый голос, и Алексей узнал в нем голос старого кудесника. — Ты правильно понял, воин. Сопrotивляйся — ты можешь устоять, и ты должен устоять перед Черным Зовом! Иначе все пропало...»

Пересиливая себя и согнувшись в три погибели, Алексей, шатаясь, повернулся и побежал прочь, подальше от места бойни. Ему было трудно, однако с каждым шагом тяжесть становилась легче — человек побеждал.

«Заточенный правильно все рассчитал, — продолжал волхв. — Все эти люди, идущие на смерть, разучились думать самостоятельно. Они привыкли, что кто-то все решает за них, привыкли бездумно следовать призывам „Купи! Оттянись! Вливайся!“ и своим собственным примитивным инстинктам, сводящимся к деньгам, чревоугодию, пьянству и блудодействию. Все они стали легкой добычей Заточенного и своей смертью увеличивают его мощь. И только немногие, подобные тебе, воин, могут еще противостоять злой силе пришельца. Сопrotивляйся — на тебя вся надежда...»

Навстречу Алексею шли и шли люди, много людей. Идущие на смерть не замечали его, и он не останавливался — он знал, что все равно не сможет им помочь. До Киева оставались еще десятки километров, но Алексей бежал, уповая на чудо. Потому что иначе... А там, в Киеве, — Полина, и не только она.

Каррах чутко отслеживал происходящее наверху. Все шло так, как он и предполагал — туземцы легко поддались его ментальному приказу: они шли и умирали, питая ариссарра своими смертными муками. Отдельные невосприимчивые экземпляры, можно было не учитывать — зомбированных оказалось куда больше. Могучая воля звездного пришельца сгребала тысячи людей, заставляя их бросить все и устремиться к Сердцу Зоны.

Каррах контролировал расход и пополнение энергии. Ему приходилось делать много дел сразу — генерировать ментальный зов, поглощать предсмертные выбросы психоэнергии людей, умиравших в когтях мутантов, следить за окрестностями и к тому же тратить силы на проталкивание через портал Чернобыльской Зоны все новых и новых обитателей смежных миров, превращавшихся на переходе в монстров, — и все эти дела требовали энергозатрат. Но силы его постепенно возрастали, и недалек уже был тот момент, когда их будет достаточно для того, чтобы, опираясь на «реакторную слезу», проломить мерность и вернуться в свой мир, оставив дымящийся черный кратер на месте города, где он провел пленником столько циклов.

* * *

Воздух обжигал легкие.

С каждым шагом земля все ощутимее была в подошвы.

Алексей физически чувствовал, как силы кончаются, но запретил себе даже думать о том, что добежать до Киева на одном дыхании практически невозможно.

А сзади накатывалась волна тварей: они двигались куда быстрее бегущего человека, отягощенного к тому же немалым весом оружия и защитной экипировки. Гонимые Черным Зовом люди, шедшие навстречу орде мутантов, нисколько не задерживали ее убийственный разбег — живая волна глотала их с ходу и даже с удовольствием. И все-таки Алексей бежал, хотя ему хотелось лечь и тихо умереть: если ему суждено погибнуть, он умрет, сражаясь до конца.

Издаваемые тварями рычание, шипение и треск трущихся друг о друга хитиновых покровов становились все громче. Земля под ногами парня дрожала все ощутимее, и Алексей не сразу понял, что лавина мутантов, при всей ее многочисленности, не может так сотрясать почву. А понял он это, когда увидел впереди железную шеренгу танков, шедших навстречу орде чудовищ.

* * *

Командир российской танковой бригады, подпиравшей кольцо оцепления вокруг Чернобыльской зоны, а заодно игравшей роль бронированного аргумента в случае более чем возможного обострения дискуссии с ооновцами по поводу статуса «независимого Киева», с облегчением принял приказ о выдвижении бригады в район ЧАЭС для «локализации всеми силами и средствами прорыва аномальных живых форм, принявшего угрожающие размеры». Приказ пришел как нельзя кстати: с личным составом бригады творилось что-то неладное. «Похоже на массовый психоз, — сказал начальник медсанслужбы, к счастью, не потерявший головы и сохранивший способность мыслить адекватно. — Это наверняка связано с тем, что творится в районе Чернобыля — Припяти. Я бы посоветовал вам как можно скорее занять их серьезным делом, а я, со своей стороны, приму медикаментозные меры». И комбриг, сам испытывавший непреодолимое желание кинуться в драку сломя голову и готовый уже начать действовать на свой страх и риск, выполнил полученный приказ без промедления.

Боевые машины, приземистые и могучие, показались Алексею чем-то похожими на тварей Зоны — во всяком случае, они мчались в атаку с той же целеустремленностью, как мутанты. Чтобы не попасть под гусеницы — танки шли полным ходом, не разбирая дороги, — Алексей отскочил в сторону. Бронированная махина пронеслась мимо, обдав парня жарким выдохом перегорелой солярки, а вот соседней не повезло. Чернобыльская зона существенно отличалась от полигона: тяжелая машина с ходу влетела в узел переменной мерности и сразу же осела, всей массой вдавливаясь в податливую землю. Мощности аномалии не хватило, чтобы смять многотонную машину, но танк застрял в ловушке намертво, а экипаж его, скорее всего, погиб или, по крайней мере, потерял сознание. Однако остальные машины, ведя на ходу беглый огонь из орудий и пулеметов, продолжали движение, и через пару минут танковая броня встретила с живой инопланетной плотью.

Встреча эта сопровождалась чавкающим хряском. Алексей отчетливо услышал этот тошнотный звук, несмотря на рев моторов, лязг гусеничных траков и грохот выстрелов и взрывов: расстояние до орды тварей было небольшим, и акустика Зоны сортировала звуки необычным образом: предсмертный визг раздавленной чупакабры был слышен отчетливее, чем разрыв пятидюймового снаряда.

Танки врзались в живую стену и разметали ее, с легкостью подминая и сокрушая порождения копыта Сатаны. Со стороны это выглядело как замес кровавого теста: бронированные машины с хлюпаньем давили уродливые тела мутантов, во все стороны летели слизь, кишки и бесформенные обрывки мяса. Броня танков почти мгновенно сменила цвет, сделавшись красно-буро-зеленой от обилия налипшей на нее размолотой органики. Под гусеницами ломались лапы, клешни и хитиновые панцири кработоров и псевдоскорпионов, лопалась пуленепробиваемая чешуя железных ящериц, а всякая прочая мелочь вроде иглокожих жуков и крыс-попрыгунчиков превращалась в растертую липкую грязь. Алексей не мог сдержать ликующего злого восторга — мутанты встретили достойного противника и гибли под его натиском десятками и сотнями.

Если бы под такой удар попали разумные существа или хотя бы обычные звери, они давно уже прекратили бы бесплодные попытки прокусить-прогрызть сталь и обратились в беспорядочное бегство. Однако мутанты, судя по всему, были лишены не только разума, но и инстинкта самосохранения и подчинялись только неумолимой воле того, кто пропихивал их в этот мир, безжалостно уродуя и калеча. Танки глубоко вклинились в живое море тварей, но оно не расступилось перед ними и не расплескалось, спасаясь от натиска боевого железа. Чудовища кидались на машины с какой-то запредельной неистовой яростью: живые волны, разбивавшиеся о броню, накатывались на нее снова и снова, смыкаясь и заполняя прорехи, оставленные гусеницами. Мутанты могли бы, пропустив танки, двигаться дальше, но они почему-то разворачивались и лезли на них сзади, словно желая не победить, а умереть во что бы то ни стало. И напор этот был далеко не бессмысленным: порождения Зоны, как очень скоро выяснилось, были вооружены не только клыками и когтями.

О мозгокрутах Алексей слышал от погибших друзей и примерно представлял себе, как выглядят эти создания. В бурлящей каше побоища, развернувшегося в нескольких сотнях метров от него, он не различал отдельных тварей — облепляя танки, они смешались в общую массу, — но о присутствии пресловутых гипнотизеров он догадался по странным маневрам нескольких боевых машин. Некоторые танки начали описывать беспорядочные круги, слепо тычась из стороны в сторону и стреляя куда попало, а две машины столкнулись лоб в лоб, расплющив

попавшего между ними скорпиона. Алексей похолодел, прикинув, что будет, если мозгокруты полностью возьмут экипажи танков под ментальный контроль и заставят их двинуться на Киев, но этого, к счастью, не произошло — то ли потому, что танковая броня ослабляла гипнотическое воздействие, то ли потому, что твари не видели гипнотизируемых в лицо, то ли из-за фонового воздействия Черного Зова. Так или иначе, успех пси-атаки был невелик, хотя одну боевую машину, ползшую вниз по склону, мутанты перевернули вверх гусеницами. Алексей видел, как к ее днищу прилипла студенистая подрагивающая пленка, и понял, что экипаж обречен: присосавшаяся к перевернутому танку гигантская амеба так или иначе просочится внутрь корпуса, добираясь до лакомой добычи. А затем среди тварей Зоны появились новые «действующие лица».

Внешне они походили на исполинских — размером с медведя — жаб камуфляжной раскраски. Жабы эти не имели устрашающего вида клыков-рогов и прочих приспособлений для эффективной разделки плоти, однако очень быстро показали, на что они способны. Одна из них присела на задние лапы, раздула бледное чешуйчатое горло и плюнула жидким огнем — пылающая струя хлестнула по броне танка и расплескалась, охватывая боевую машину быстро расползавшимся пламенем, затекавшим во все щели. «Саламандры, — ошеломленно подумал Алексей. — Вот это да...»

Вспыхнул один танк, второй, третий, и Алексей понял, что исход боя далеко еще не ясен: превосходство земной брони над иномерной живой плотью уже не казалось ему таким бесспорным, как пять минут назад. Однако танковая атака задержала тварей: прежде чем продолжить свое наступление, исчадия копыта Сатаны стремились сначала покончить со всеми боевыми машинами, преградившими им путь на Киев. Танкисты подарили Алексею спасительную передышку...

Он уже поворачивался, чтобы бежать дальше, когда прямо перед ним из клубов дыма и пыли выкатилась свернувшаяся тугим клубком черная змееподобная тварь, распрямилась стальной пружиной и кинулась на него, широко распахнув пасть с изогнутыми длинными клыками. Змея летела в лицо парню выпущенной стрелой, а он не успевал в нее выстрелить — никак не успевал.

Но гадина не долетела. Ее черное вытянутое тело пересекла прямая белая черта, как будто кто-то взмахнул длинным шестом. Тварь отлетела в сторону, злобно зашипела и снова сжалась в клубок, однако теперь Алексей успел вскинуть автомат и всадить очередь в башку чернобыльской змеи. Кровавые брызги разлетелись во все стороны, змея судорожно забилась в агонии, а в воздухе медленно растаял призрачный силуэт старца в белой одежде с посохом в руках.

«Волхв! — мелькнуло в сознании Алексея. — Вон оно как...»

«Не надейся, что я всегда смогу прийти к тебе на помощь, — услышал парень, — я не всемогущ. Ты сам должен сделать свое дело, отрок, — никто не сделает его за тебя».

Алексей сглотнул и сорвался с места, оставляя позади грохот невиданной битвы, — что еще ему оставалось?

Над головой пророкотал вертолет, мигая пулеметными вспышками. Потом из-под его брюха выхлестнулись белые полосы ракетных трасс, уткнулись в месиво сражения, выжигая в сонмище мутантов внушительные проплешины, а затем вдруг винтокрылая машина вошла в крутое пике и врезалась в землю, обозначив место своего падения высоким фонтаном огня, — Черный Зов продолжал собирать свои жертвы.

Откуда-то издалека принеслась стая реактивных снарядов, кромсая орду мутантов бурными кляксами разрывов и разметывая клочья разодранных уродливых тел, но Алексей уже не обратил на это внимания. Люди, заживо сгоравшие сейчас за его спиной в железных гробах на

гусеницах, спасли ему жизнь и дали возможность сделать свое дело. И он побежал дальше.

* * *

Армейский «Хаммер» стоял на дороге, словно ожидая того, кто сядет за руль. Алексей подбежал к машине и плюхнулся на сиденье, тыльной стороной ладони утерев пот, заливавший ему лицо. «Теперь успею! — обожгла радостная мысль. — Но сначала...»

Рация, установленная на «Хаммере», была ему знакома — ополченцы пользовались такими же, знал Алексей и частоту штаба. Настроив рацию, он схватил микрофон и вышел в эфир, абсолютно не беспокоясь о том, что его услышит множество людей, — сейчас это уже не имело значения. Несколько очень долгих секунд в наушниках стояла тишина, нарушаемая только легким шорохом помех, а затем Алексей услышал знакомый голос Семена Авдеенко:

— Кто на связи?

— Это я, Лешка-книгочей! — радостно закричал Алексей.

— Леха? Ты куда пропал, чертов сын? Дезертировал, растудить твою в бронхи? Женка твоя с ума сходит! Андрей и Артем с тобой? Вот вам гетман задаст, только вернитесь!

— Я недалеко от аварийной АЭС. Ребята погибли. Слушай меня внимательно, Семен Степаныч. Здесь творится что-то страшное: от саркофага идет несметная орда мутантов — их тысячи, десятки тысяч. Они идут на Киев, убивая всех на своем пути. Твари встречаются с людьми, и начинается резня — дикая резня, командир. Я не шучу — это вторжение.

Алексей говорил короткими отрывистыми фразами — времени было у него в обрез.

— А чего вас туда понесло? — подозрительно спросил сержант. — И почему вы никому ничего не сказали?

— Спроси Полину, она все объяснит. Но главное не мутанты — их можно перебить с воздуха или артиллерией. Из развалин четвертого энергоблока бьет источник какого-то неведомого излучения, от которого люди сходят с ума и бросаются на тварей Зоны с голыми руками. Этот источник надо погасить, пока мы тут все не обезумели!

Алексей не стал рассказывать сержанту о каменном диске, о спекшемся кристалле под саркофагом, о древнем чудовище, притаившемся в киевском метро, и обо всем прочем. Изложить всю эту историю вкратце было невозможно, и сержант просто принял бы Алексея за сумасшедшего — со всеми отсюда вытекающими.

— У нас тут тоже черт знает что творится, — отозвался старшой. В свою очередь он не стал рассказывать Алексею о том, что уже отбил кулак, наводя порядок, и что полковник лично пристрелил безумца, фанатично звавшего растерявшихся людей на Припять. Хорошо еще, что максимальной силы Черный Зов (о нем Авдеенко, понятное дело, ничего не знал) достигал в районе Чернобыля, резко уменьшаясь по мере удаления от разрушенной станции. Бестелесный понимал, что из Киева туземцы будут идти навстречу мутантам слишком долго, а пища нужна была Карраху немедленно, и поэтому ариссарра прежде всего выгонял незримой плетью Зова всех, кто находился в непосредственной близости к руинам ЧАЭС.

— Это излучение, командир. Развалины станции надо сжечь — выжечь, как гнойную язву. На десять метров в землю, чтобы и следа не осталось! Доложи полковнику — пусть он свяжется с российским командованием. Сердце Зоны надо сжечь, и лучше всего атомной бомбой. Доложи полковнику, сержант, доложи! Это смерть, смерть для многих тысяч людей или даже для миллионов!

— Хорошо, — ответил сержант, чуть помедлив, — я доложу. А ты...

— Я возвращаюсь в Киев, — перебил его Алексей. — До связи, Степаныч!

Двигатель «Хаммера» завелся с полоборота. В лицо ударил тугой встречный ветер. Алексей гнал машину, загоняя до упора стрелку спидометра. Мутантов он уже не опасался — им его не догнать — он боялся, что не успеет опередить Заточенного. «Волхв сказал, — лихорадочно соображал Алексей, — что пришельцу потребуется и кристалл под саркофагом, и каменный диск в метро. Чертов Плевок важнее, но и без жернова этой твари не обойтись. Я не смог прорваться к саркофагу, но я могу добраться до камня в туннеле. И я попытаюсь это сделать — пока российские власти буду решать, наносить удар по ЧАЭС или нет, и верить ли вообще словам полковника, Час Гнева может уже наступить. И тогда...»

Контрольный пост на кордоне, отделявшем Чернобыльскую зону от зоны Киевской, Алексей проскочил без задержки. КПП пустовал — Черный Зов вымел оттуда всех. Алексей снес бампером шлагбаум и промчался мимо покинутых бетонных капониров, из которых сиротливо торчали стволы пулеметов, но не было видно ни одной «салатовой каски».

«Только бы успеть, — повторял про себя Алексей, выкручивая руль на очередном повороте, — только бы успеть...»

Глава 14

И грянул гром...

— Ситуация выходит из-под контроля, господин президент. Множество, — генерал запнулся, подбирая слово, — *сущест*в, движущихся от развалин Чернобыльской АЭС, — по примерным оценкам, их там сотни тысяч, если не больше, — уже заняли Припять и движутся дальше, в сторону Киева. При сохранении темпа наступления они достигнут окраин города через несколько часов. Ученые-эксперты считают, что мы имеем дело с крупномасштабным инопланетным вторжением, — генерал, привыкший иметь дело с реальным противником, а не с иномерным, слегка поморщился.

— Какие меры приняты? — спросил Президент Российской Федерации. Внешне он выглядел спокойным, только на скулах вздулись желваки, да движения стали чуть быстрее обычного.

— К точке прорыва перебрасываются войска и бронетехника. Встречной танковой атакой нам удалось приостановить наступление противника, однако затем танкисты понесли тяжелые потери и были вынуждены отойти. Среди мутантов обнаружались живые огнеметы, и значительная часть машин — до сорока единиц — сгорела вместе с экипажами. Реактивные системы залпового огня дали ряд залпов по наступающему противнику, но обстановка осложняется тем, что там находится много людей из числа гражданских, устремившихся к Чернобылю. Мы предприняли также несколько авианалетов, в том числе и с применением термобарических боеприпасов, однако должного эффекта не достигли. Дело в том, — генерал снова запнулся, — что там присутствует какое-то непонятное излучение. Солдаты теряют над собой контроль и норовят броситься в штыки, что совершенно бессмысленно и приводит только к большим и неоправданным потерям, а пилоты на бреющем полете не могут управлять своими машинами: из-за аварий мы уже потеряли около десятка вертолетов. Считаю целесообразным нанесение удара по саркофагу ядерным зарядом средней мощности. У меня все.

— Ядерный удар по территории другого суверенного государства, — президент обвел взглядом военных, — вы понимаете, что это значит? К тому же нельзя сбрасывать со счетов возможность активного противодействия со стороны наших западных друзей. Эта проклятая Зона слишком у многих вызывает живейший интерес — кое-кто на Западе пойдет на все, лишь бы она сохранилась в неприкосновенности.

За спиной Президента бесшумно распахнулась дверь. Появившийся оттуда офицер связи подошел к главе государства и тихо произнес несколько слов. Генералы впились глазами в каменное лицо президента, пытаясь догадаться, что он услышал. Президент молча поднялся и вышел. Дверь за ним закрылась.

Минуты текли в напряженном ожидании. Затем президент вернулся, сел на свое место и положил на стол сжатые кулаки.

— Со мной только что говорил глава независимой Киевской Республики полковник Щерба. Он просит нас нанести ядерный удар по ЧАЭС — у него есть достоверные сведения, что источник излучения безумия находится под саркофагом четвертого энергоблока и там же расположен портал, через который к нам лезут эти «гости» из космоса. Таким образом, у нас имеется официальное основание использовать атомное оружие — ведь мы сделаем это по просьбе местных властей.

— Киевская Республика является самопровозглашенной и непризнанной, — напомнил кто-то из присутствующих. — Официальные украинские власти нас об этом не просят, и мы не можем...

— Официальные украинские власти бросили огромный город на произвол судьбы, — прервал его президент, — а полковник Щерба навел в Киеве порядок и спас от неминуемой гибели тысячи людей. Вы же военный и должны знать: если старший командир оставляет вверенную ему часть и самоустраняется, командование принимает младший офицер из числа тех, у кого хватило мужества не бежать от опасности, спасая собственную шкуру. Полковник имеет право решать судьбу Киева — он это право заслужил. Чернобыль достаточно удален от столицы Украины — ядерный взрыв средней мощности не причинит городу вреда, а что касается радиоактивного заражения, то хуже, чем есть, там уже не будет. Ну а насчет официального признания Киевской Республики — это мы сделаем раньше, чем с аэродромов взлетят бомбардировщики. На карте судьба не только Киева, Украины, России — под угрозой вся Европа, а может быть, и весь мир. Я ознакомился с мнением ученых — оно фантастично, но мы не имеем права рисковать судьбой всего человечества.

Генералы молчали.

— Приказываю, — президент нашел глазами командующего ВВС. — Поднять в воздух звено стратегических бомбардировщиков «Ту-160» с эскадрилей прикрытия для атомного удара по развалинам ЧАЭС. Выделите лучшие экипажи — удар должен быть ограниченной, но достаточной мощности, и нанести его следует с ювелирной точностью. Украина — это не Семипалатинский полигон, и не Новая Земля, но чернобыльскую язву надо выжечь начисто. Выполняйте!

* * *

— Сложившаяся ситуация позволяет нам решить наболевшую проблему, — веско произнес генерал Петерс, глава временного Контингента гуманитарных частей ООН в районе бедствия. — Ликвидация незаконной структуры, претенциозно именующей себя независимой Киевской Республикой, является одной из первоочередных задач миротворческих сил. Весь цивилизованный мир крайне обеспокоен происходящим в Киеве — этот тоталитарный режим запятнал себя многочисленными преступлениями, начиная от захвата на государственных складах военного имущества и продовольствия и кончая нарушениями прав человека, выразившимися в массовых расстрелах людей, предпочитающих свободу унылой жизни под пятой диктатора. Этот больной зуб надо вырвать!

О том, что «свободные люди», подвергавшиеся «кровавым репрессиям» со стороны «антидемократического режима», были обыкновенными мародерами, которых сами же «гуманитарии» отстреливали без малейших угрызений совести, Петерс умолчал. Он хорошо помнил инструкции, полученные им в Брюсселе, в Штаб-квартире НАТО, и теперь, блюдя имидж, упражнялся в демократической риторике, нимало не беспокоясь о том, что кроется за его стандартными словесами, — правила игры есть правила игры.

— А вы не опасаетесь, гхм, острой реакции со стороны России? — подал голос генерал Ивахнюк, командующий вооруженными силами УНР. — Если мы начнем силовую акцию, Россия может и вмешаться — вспомните заявления Москвы по киевскому вопросу.

— Повторяю, — в голосе Петерса явственно просочился оттенок снисходительности (что возьмешь с этих бестолковых туземцев!), — ситуация сложилась благоприятная. Русские втянулись в бой с ордами мутантов, создавших угрозу Киеву, — дело дошло до применения танков, реактивной артиллерии и авиации. Российским миротворцам сейчас не до нас: если мы будем действовать быстро и решительно, у нас есть все шансы восстановить в Киеве конституционный порядок за считанные часы. Русские просто не успеют вмешаться, к тому же

официально ввод в город наших миротворческих сил имеет целью защитить уцелевших киевлян от полчищ мутантов — по нашим данным, русским так и не удалось остановить их наступление на Киев. Все продумано — нам остается только четко выполнять разработанный план.

Ивахнюк скептически хмыкнул, но промолчал.

— Операция «Вернисаж» будет осуществляться в основном силами прибалтийских и польских соединений при ограниченном участии войск стран Западной Европы, — продолжал американец. — Представляется целесообразным использование и ваших частей, генерал, — с этими словами Петерс испытующе посмотрел на Ивахнюка: мол, что ты на это скажешь?

— Это нежелательно, — набылчился командующий вооруженными силами Украины. — Нам приходится считаться с настроениями народа, который назовет это братоубийством. На заключительном этапе операции использование частей Украинской армии возможно — ну, скажем, в качестве сил по поддержанию законного правопорядка, — но в первом эшелоне...

«Хочешь, чтобы мы поднесли вам Киев в аккуратной упаковке? — подумал Петерс. — Не выйдет!»

«Хочешь, чтобы мы сделали за вас — и для вас — всю грязную работу, а потом расхлебывали последствия? — подумал Ивахнюк. — Не выйдет!»

Но вслух никто из них ничего не сказал: при всей ограниченности своего мышления оба генерала были насквозь прожженными политиками и знали, что можно говорить (особенно в присутствии третьих лиц), а что нет. И сейчас они самым вульгарным образом торговались, стремясь получить кое-какие бонусы — бизнес, ничего личного. Обоим генералам была очень хорошо известна основная причина недовольства Запада «диктатурой полковника», тщательно скрываемая за патетическими речами о «нарушении прав человека».

Во время кредитного бума нулевых годов двадцать первого века множество киевлян поддались соблазну и влезли в долги ради приобретения недвижимости и автомобилей. Кредиторами, в конечном счете, выступали крупнейшие транснациональные западные банки, а в Киеве, по самым скромным подсчетам, оставались сотни тысяч должников и их наследников, личные данные которых хранились в бесстрастных банковских компьютерах. Сотнями миллионов долларов не разбрасываются, а если человек не в состоянии расплатиться со своими долгами — что ж, рабочие руки (тем более бесплатные) тоже в цене. Долговые ямы Средневековья не канули в Лету — они всего лишь подверглись апгрейду для приведения их в соответствие с гуманистическими нормами современности. Эти соображения перевешивали даже опасения по поводу возможных бунтов киевских мстителей — бунтовщиков можно и покарать, у ооновцев накоплен изрядный опыт по усмирению разного рода повстанцев и подавлению «мятежей» в различных уголках земного шара.

— Полагаю, вопрос об участии в операции украинских частей мы решим в рабочем порядке, — примиряюще произнес Петерс. — А сейчас нам следует уточнить и согласовать график развертывания всех гуманитарных соединений, задействованных на первом этапе. По данным воздушной и космической разведки, плотной обороны у киевских боевиков нет, и серьезного удара они не выдержат. Массированной ракетно-артиллерийской подготовки и удара с воздуха не будет — это потеря темпа плюс неизбежные сопутствующие разрушения и уничтожение значительных материальных ценностей. Итак, согласно плану операции, в течение двадцати четырех часов колонна бронетехники численностью...

* * *

Каррах ощутил нарастающее беспокойство. Аборигены встревожились не на шутку и

пытались противодействовать. Они быстро поняли, что в открытом бою лавину мутантов им не остановить — ментальный гипноз ариссарра действовал безотказно, — и перешли к атакам с дальней дистанции, соответствующее оружие у них имелось. Они также бросили в бой танки, накачав экипажи транквилизаторами и даже пристегивая их к сиденьям наручниками, чтобы солдаты не выпрыгивали из боевых машин. Танкисты действовали заторможенно — против мало-мальски организованного противника из рода людей им было бы не устоять, — однако против мутантов эта уловка сработала: броня была тварям не по зубам, и только саламандры сумели сжечь несколько десятков танков и отбить танковую контратаку. Но людские потери снизились (несмотря на то, что к Сердцу Зоны шли и шли одурманенные толпы), а наступление чудовищ на Киев замедлилось. Прогнозируя дальнейшие действия туземцев, Каррах понял, что они с высокой степенью вероятности пустят в ход свое самое мощное оружие — атомное, — используя для его доставки летающие машины. Перехватить высотные самолеты ариссарра не мог — он не переоценивал свои силы, — а термоядерный взрыв на развалинах станции почти наверняка разрушит «реакторную слезу». И тогда — все, он, звездный скиталец, навеки останется пленником этого проклятого мира, без всякой надежды на возвращение и отмщение. Значит, надо спешить, хотя энергии накоплено еще недостаточно.

Делая одновременно несколько дел, Каррах не обратил внимания на колонну танков и бронетранспортеров, двинувшуюся на Киев с запада, — войны аборигенов его нисколько не волновали. И уж тем более не заинтересовал его одинокий джип, несшийся по опустевшим улицам древнего города.

Даже могущественные звездные скитальцы-ариссарра не всемогущи и не всеведущи.

* * *

Радиопереговоры с Москвой отняли у полковника много сил, но дело того стоило — кажется, ему удалось убедить Президента Российской Федерации в необходимости принятия крайних мер, и теперь оставалось только ждать. В присутствии офицеров своего штаба полковник держался, не подавая вида, но как только они ушли, он прилег на кожаный диван и обессиленно закинул руки за голову. Тело покрывал липкий пот, сердце билось неровными толчками. «Как это все не вовремя, — думал глава Киевской Республики, устало сомкнув веки, — хотя, когда болезнь, особенно лучевая, бывает вовремя? Ничего, мы еще поборемся: вот полежу пяток минут и встану...»

Но отдохнуть ему не дали: не прошло и пары минут, как вернулся сержант Авдеенко. Несмотря на свой невеликий чин, сержант пользовался среди ополченцев непрерываемым авторитетом и особым доверием гетмана и имел право доступа в его «походной-полевой» кабинет в любое время дня и ночи. Увидев, что командир отдыхает, Авдеенко остановился в нерешительности, однако полковник уже открыл глаза.

— Что у тебя, Семен?

— Ооновцы, товарищ полковник, — доложил сержант. — Входят в город с запада. По донесениям с постов наблюдения, от ста до двухсот единиц бронетехники в сопровождении пехоты. Латышские стрелки и жолнежи Войска Польского.

— Ну, вот и дождались мы дорогих гостей, — преодолевая слабость, полковник встал и подошел к столу. — Так, сержант Авдеенко. Всех офицеров штаба — ко мне. А ты — поднимай мобильные группы, и вперед. Гранатометы. Мины. Засады. Снайперы. — И добавил, усилием воли заставляя отступить хворобу, так и норовившую вцепиться в горло незримыми когтями: — Будет им хлеб-соль, попотчует от всей нашей широкой души. Не зря, думаю, тренировал ты

* * *

Из боевых донесений
временного Контингента
гуманитарных частей ООН
в районе бедствия, 2006 год

17Y-005

Войдя в город единой механизированной колонной, части временного Контингента гуманитарных частей ООН столкнулись с неожиданно сильной и хорошо подготовленной противотанковой обороной боевых групп полковника Щербы, общей численностью от двух до четырех тысяч человек. К сожалению, план командования, рассчитанный на полную внезапность и на низкую боеспособность ополченцев киевского незаконного вооруженного формирования, был разработан на основании недостоверных разведданных, а потому не привел к положительным результатам. Спешка, недостаточное материально-техническое обеспечение, а также отсутствие практических навыков и опыта использования легкой и средней бронетехники в городе у личного состава частей, задействованных в операции «Вернисаж», привели к большим потерям.

33Y-022

Согласно доктрине, предложенной военными советниками НАТО, основной тактикой применения танков стало сопровождение на узких улицах и прикрытие броней пехотных штурмовых подразделений, которым была поставлена задача пробиться к зданию бывшего торгового центра «Глобус» на Майдане Незалежности, где располагается главный штаб самопровозглашенной «Независимой Киевской Республики». Основное противодействие наступлению оказали подвижные группы гранатометчиков, вооруженные, в том числе, и последними моделями станковых автоматических гранатометов «GL Srtiker» производства ЮАР. Гранатометчики, ведущие огонь из подвалов и с верхних этажей зданий, а также снайперы противника превосходно ориентировались в переулках и дворах и быстро меняли свои огневые позиции, что позволило им уничтожить значительные силы Контингента, оставаясь при этом практически неуязвимыми.

Основная бронетехника, примененная в операции, — танки «Т-72» и «Leopard 2A4», действовавшие на ограниченном пространстве, — оказалась отличной мишенью для стрелковых расчетов боевиков. Почти каждый танк, попавший в зону поражения, сразу же подвергался обстрелу из нескольких АПГ с разных направлений. На проспекте Победы, по которому двигались основные силы, был подбит танк «Leopard» (борт № 243). В его моторно-трансмиссионное отделение попало одновременно четыре или пять гранат, при этом совокупная мощность удара оказалась такой, что вызвала детонацию бортового боезапаса. Танк развалился на части, при этом его экипаж был уничтожен до полной невозможности сбора и идентификации останков.

По предложению заместителя командира передового батальона майора Рябининса экипажи изменили тактику. Стремясь выполнить поставленную задачу, танкисты, ведя бой под перекрестным огнем, начали использовать прием «наскока», когда два танка, поочередно выкатываясь из-за угла здания, производили три-четыре выстрела по обнаруженным целям и задним ходом уходили обратно. Однако и эта тактика оказалась малоэффективной.

В танк «Т-72» (борт № 437) угодило шесть или семь гранат, которые вывели из строя двигатель и гусеничный блок, однако корпус, оборудованный динамической защитой, смог выдержать удар, так что экипаж уцелел и сумел эвакуироваться. В «Leopard» (борт № 231) было шесть попаданий, после четвертого (выстрел был произведен неидентифицированным сверхмощным боеприпасом) башня танка накренилась. Последней с расстояния 100 м в башню со стороны командира танка угодила противотанковая ракета, выпущенная из мобильного комплекса «BGM-71 TOW». От удара с торсионов сорвало люки в башне, наводчик-оператор получил тяжелую контузию, от осколков брони его спасла казенная часть орудия. В башне начался пожар, механику-водителю и наводчику-оператору удалось покинуть горящую машину, которая через 20 минут взорвалась. Таким образом, отсутствие на танках «Leopard» контактной динамической защиты вело к гарантированному поражению агрегатов и экипажа машины при попадании нескольких гранат с близких дистанций.

46X-039

Попытка блокирования господствующих высот юго-западной части города атакой со стороны Одесской трассы в результате прорыва привела к потере от артиллерийско-гранатометного огня боевиков двух танков «Т-72» из состава польской мотострелковой бригады. После отсечения огнем боевиков пехоты от танков последние были мгновенно подбиты на путепроводе у станции метро «Лыбидская», пополнив счет наших безвозвратных потерь.

55Y-044

Возникший из-за первых потерь дефицит тяжелой бронетехники вынудил создавать смешанные бронегруппы, в состав которых включались 2 танка и БМП-1. Закрепленные за конкретными штурмовыми подразделениями, бронегруппы должны были обеспечить постоянное прикрытие штурмующих пехотинцев мощным огнем, однако в связи с разным уровнем защищенности этих боевых машин и их различными маневренными возможностями смешанные бронегруппы себя не оправдали.

Применялись два основных способа действий бронегрупп. В первом случае один танк вел огонь в интересах пехоты, а экипаж второго, наблюдая за обстановкой, мог в любой момент заметить и отразить готовящуюся на головной танк атаку. Вездеходы «Хаммер» и БМП-1, прикрываясь танками из-за своего слабого бронирования и постоянно маневрируя, вели огонь по верхним этажам высотных зданий. Второй способ назывался «Карусель» — суть боевой работы бронегруппы заключалась в непрерывности огневого воздействия на цель. Несколько пар танков поочередно, проводя пересменку на огневом рубеже, обеспечивали непрерывный обстрел цели.

Тем не менее бронегруппы понесли ощутимые потери. Типичная ситуация сложилась в ходе боя за площадь Победы. Имевший задачей блокировать перекресток проспекта Победы и

улицы Саксаганского танк «Leopard» (борт № 220), выдвигаясь на огневую позицию, при подходе к площади был обстрелян из засады на крыше здания универмага «Украина». Один из выстрелов РПГ пришелся в борт, отсутствие сорванного ранее фальшборта привело к сквозному пробитию брони в районе топливных баков и боеукладки. Мгновенная детонация не оставила экипажу шансов на спасение.

62Y-051

В качестве дополнительной защиты от РПГ и крупнокалиберных пулеметов экипажи танков и легкой бронетехники стали интенсивно навешивать на броню снарядные ящики, сетки, дополнительные запасные части.

Большое количество потерь танков в Киеве было усугублено отсутствием на многих из них контактной динамической защиты (КДЗ) либо взрывчатого вещества в ней. Например, 20 польских танков «Т-72» не имеют контактной динамической защиты, а у 14 танков блоки «табакерок» КДЗ оказались пустыми. Ведя интенсивный бой на узких улицах города, укрываясь от ответного огня, экипажи танков прижимают машины к зданиям или въезжают внутрь домов, снося фальшборта и сминая блоки КДЗ.

77X-062

Основу боекомплекта танков, ведущих тяжелые бои в городе, составляют выстрелы с осколочно-фугасными снарядами. Кроме них, имеются один-три выстрела с бронебойно-подкалиберными снарядами на случай теоретически возможной встречи с танками боевиков.

Впервые в городских боях были использованы управляемые ракеты «Hellfire» наземного базирования, однако из пяти выпущенных ракет в цель попали всего две. В дальнейшем управляемые ракеты не применялись, предпочтение отдавалось осколочно-фугасным и бронебойно-подкалиберным снарядам — последние оказались способными пробить с торца пятиэтажный блочный дом от первого до четвертого подъезда.

82S-073

Противник активно использует противотанковые мины для минирования путей выдвижения бронегрупп. В боях за южную и юго-восточную части города боевиками против танков стали использоваться фугасы.

В ходе боя на бульваре Дружбы народов была потеряна связь с танком «Leopard» (борт № 322). В результате поисков исчезнувшего танка обнаружили двухметровую воронку и разлетевшиеся в разные стороны куски машины. Башня танка отлетела на 70 м, двигатель на 20 м, катки, гусеницы и борта, перелетев одноэтажные дома, валялись на параллельной улице. Наиболее вероятной причиной гибели танка стал мощный фугас, действие которого усилил сдетонировавший боекомплект машины.

99F-085

При движении бронетранспортера БТР-70 из состава латышского батальона по улице Большая Васильковская, в трех кварталах от площади Толстого машина была обстреляна и подбита прямым попаданием гранаты из РПГ-7 в правый борт рядом с десантным люком. Кумулятивная струя, пройдя внутри вдоль всего корпуса БТР-70 до моторного отделения включительно, подожгла машину (в дальнейшем от пожара сдетонировал боезапас).

103X-092

Серьезную опасность представляет также огонь из крупнокалиберных пулеметов. Так, нижняя лобовая часть корпуса польской БМП-1, эвакуированной с места боя, напоминает дурилаг, она обильно усеяна сквозными пробоинами от бронебойных пуль.

122Z-101

В настоящий момент наши учтенные потери составляют 226 человек погибшими, 430 ранеными, некоторое число солдат и офицеров захвачено противником. Безвозвратные потери боевой техники составляют, примерно, 19 танков «Leopard», 9 — «Т-72», 22 — БМП-1, 18 — БТР-70 и 37 вездеходов «Хаммер».

Основная цель операции «Вернисаж» — захват здания бывшего торгового центра «Глобус» и ликвидация так называемой Киевской независимой республики — пока что не достигнута.

Из радиоперехвата

Улица Крещатик, триста метров от Майдана Незалежности. Наблюдаю непонятное явление. Волнообразное сотрясение грунта. Асфальт плывет. Образовался провал шириной до... (передача оборвалась).

* * *

Влетев на полной скорости в город, Алексей был неприятно удивлен. Воздух сотрясал гром артиллерийской канонады, над крышами домов поднимались клубы черного дыма, откуда-то доносился рев мощных двигателей, орудийные выстрелы, взрывы и злобный треск длинных пулеметных очередей. Судя по интенсивности и разнообразию огня, это не было обычной стычкой с лутерской бандой, пусть даже многочисленной и хорошо вооруженной. «Вторжение „гуманистов“, — понял Алексей, холодея. — Дозрели, значит, суки в ботах...» Первой его мыслью было немедленно развернуть машину и мчаться к штабу, чтобы вместе со всеми с оружием в руках встретить непрошенных гостей. Алексею пришлось сделать над собой усилие, чтобы подавить это желание: да, он должен быть там, среди других ополченцев, но у полковника тысячи бойцов, и один лишний штык значит не так много. А вот встать лицом к лицу с Заточенным и не дать ему испепелить весь город может только он, Алексей, — хотя бы потому, что никто другой ничего не знает о страшной опасности, нависшей над Киевом. И Алексей, стиснув зубы, понесся к метро «Контрактовая площадь».

Грохот боя нарастал и приближался. Над головой парня простонал снаряд и врезался в дом,

выбросив скошенный султан дыма и серой пыли; посыпались битые стекла, куски дерева и обломки кирпичей. «Не попасть бы под шальной снаряд, — промелькнуло в голове Алексея. — В двух шагах от цели — это было бы обидно...»

Однако ему везло — следующий снаряд лопнул вдалеке (Алексей даже не понял, куда он угодил). А потом у него что-то случилось со зрением: каким-то непонятным образом он обрел способность видеть *со стороны* чуть ли не всю панораму сражения, разгоревшегося в городе. Он видел маленькие, словно игрушечные, коробочки танков и бронетранспортеров, пятнистыми жуками ползущих по дымным улицам; видел вспышки выстрелов из танковых орудий; видел трассы реактивных гранат и яркие взлески прямых попаданий; видел солдат-«миротворцев» — их крошечные фигурки суетливо перебегали от укрытия к укрытию и падали под плотным пулеметным огнем. Алексей не задавался вопросом, откуда у него появилась такая способность (хотя об этом он смутно догадывался) — ему хватило и того, что теперь он мог свободно ориентироваться в грохочущей сумятице уличного боя и выбрать кратчайший и самый безопасный маршрут. И он сумел добраться до Контрактовой площади раньше, чем туда подтянулись первые штурмовые группы ооновцев.

Выскочив из машины, Алексей нырнул в подземный переход станции «Контрактовая площадь». Влетев в темный зал, он, подсвечивая себе дорогу, бросился к краю платформы, не глядя по сторонам. Нарваться в метро на банду лутеров он уже не опасался — Черный Зов гигантским пылесосом высосал из города всех мародеров. Алексей не знал, что полковнику пришлось пойти на крайние меры, чтобы спасти своих: часть ополченцев тоже поддались Зову. Людей связывали, оглушали, вгоняли им снотворное, и хотя без потерь не обошлось — кое-кто все-таки ушел к Чернобылю, и оставалось надеяться только на то, что пешком они туда не дойдут до того, как все закончится, — в целом удалось обуздать вспышку темного безумия и взять ситуацию под контроль. Этого Алексей не знал, да и не думал об этом: он думал только об одном — успеть опередить Заточенного.

По обнаженным нервам парня ударил подземный гул — пришелец пробудился и уже разминал свои призрачные мускулы, готовясь к броску. Спрыгнув с платформы на рельсы, Алексей побежал по туннелю — он был уверен, что не пройдет мимо того места, где скрыта подземная каверна с каменным диском. Но только сейчас он сообразил, что дело принимает скверный оборот: подствольник АКМа — слишком слабое оружие против бетонной стены туннеля. Парень выругался, и тут увидел впереди голубоватое свечение.

Пещера была раскрыта — точь-в-точь как в его памятном ночном видении, — вход в нее перегораживал только световой занавес. Алексей заскочил в каверну и замер.

Тяжелый каменный диск не лежал на земле. Наполовину в нее погрузившись, он стоял на ребре, напоминая огромную мишень, и был развернут плоскостью ко входу в нишу.

— Спасибо тебе, отец... — прошептал Алексей, поняв, кому он всем этим обязан.

«Я сделал все, что мог, сыне, — услышал он голос старого волхва. — Теперь слово за тобой, воин».

«А возьмет ли подствольная граната такую махину?» — засомневался Алексей. И тут же, приглядевшись, он заметил длинную ломкую трещину, наискось пересекавшую жернов сверху донизу. Камень был не монолитен — некогда расколотый, он состоял из двух половин, прижатых одна к другой и, похоже, ничем особо не скрепленных (разве что временем и слоем засохшей земли). Алексей отступил назад, к выходу из пещеры, и поднял автомат.

Фугасная граната — ополченцы наладили кустарное производство подобных зарядов, незаменимых в схватках с лутерами в тесноте подвалов и подземных ходов, где приходилось взламывать взрывами перегородки и вышибать двери, — почти не давала осколков, но взрыв выбил из диска сноп каменного крошева. Алексею ощутимо посекло лицо (хорошо хоть, успел

прикрыть глаза), его оглушило (ощущение было таким, словно в оба уха ударили два крепких кулака), но «небесный камень» медленно и величественно распался надвое — по той самой трещине. Половинки жернова разошлись, а потом упали плашмя, подняв облако серой пыли.

Земля вздрогнула — раз, и другой, и третий, — и Алексей понял, что содрогается она совсем не оттого, что на пол пещеры упали два обломка каменного диска. И он побежал по туннелю обратно к станции.

* * *

Каррах почувствовал резкую боль. Опираясь на кристалл под саркофагом четвертого энергоблока и на каменный диск, ариссарра сросся с ними, и когда одна из опор (пусть даже не главная, а вспомогательная) была внезапно выбита, плененный пришелец получил удар и потерял равновесие. И одновременно он ощутил, что очень скоро на развалинах атомной электростанции распустится Огненный Цветок — летающие машины аборигенов, несущие ядерные заряды, уже оторвались от земли.

И тогда Каррах яростно рванулся, щедро выплескивая силу, обретенную среди стонов умиравших людей, и всем своим призрачным телом налег на пружинящие грани измерений, опираясь теперь только на «реакторную слезу». Энергии на то, чтобы, уходя, громко хлопнуть дверью и полностью сжечь пленивший его город, уже не оставалось — каждая капля силы нужна была для пролома мерности, — но ариссарра решил, что отмщение подождет, главное сейчас — вырваться. И он не стал отвлекаться даже для того, чтобы мимоходом прихлопнуть дерзкого туземца, осмелившегося нанести ему такой болезненный удар, — у звездного пришельца остро не хватало не только энергии, но и времени.

Каррах закричал. Над городом разнесся пронзительный ревуший вой, захватывающий ультразвуковой диапазон, — казалось, это кричит от боли многострадальная мать-земля. Уже не экономя запасенную впрок энергию, ариссарра рванулся из глубины горы, где на протяжении многих сотен лет было его убежище, вниз, к расколотому каменному диску, рядом с которым возвышался давно присмотренный Бестелесным подходящий резонатор — огромное здание из стекла и бетона с массивной, изогнутой к центру крышей.

Первая волна высвободившейся энергии покатила от осколков Велесова камня, сминая пространство со всем его содержимым; вторая, расширяя образовавшийся пробой континуума, накрыла крытый Житный рынок. Построенное в тысяча девятьсот восемьдесят втором году, огромное сооружение в стиле модерн, навсегда изуродовавшее облик древнего Подола, оказалось в самом центре искаженного пространства-времени — прямо на пути у космического пришельца, разрывающего оковы.

* * *

Алексей схватился за голову — боль злобно ввинчивалась в виски и раскалывала череп. Потолок подземного зала станции метро рассекла зигзагообразная трещина; посыпались камни. Пригнувшись, Алексей бросился к выходу из вестибюля, уворачиваясь от падающих кусков облицовки. Спотыкаясь в темноте на ступеньках лестницы, он опрометью бежал к яркому свету дня, но когда оказался наверху, на площади, остолбенел.

Очертания примыкавших к площади домовплыли и размазывались, теряя четкость, словно он смотрел на них сквозь пленку текучей воды. Ближайшие улицы — Межигорская,

Константиновская, Григория Сковороды — изгибались гигантскими живыми змеями, утрачивая прямизну, заложенную в них градостроителями; по асфальту то и дело пробегала крупная рябь, собираясь в уродливые морщины.

«Здорово меня шарахнуло взрывной волной», — подумал Алексей, все еще надеясь, что это ему только кажется из-за контузии, хотя разум подсказывал: нет, контузия здесь ни при чем, все гораздо страшнее...

На Спасской улице показались грузные пятнистые туши ооновских бронемашин, из Хоревого переулка выполз танк, поводил из стороны в сторону орудийным стволом и плюнул огнем — над площадью провизжал снаряд. А потом на перекрестке Спасской и Межигорской лопнула земля.

Вскрывшийся провал заполняла слабо светящаяся голубоватая дымка. Она выглядела безобидной и даже красивой, но от разверзшейся пропасти веяло жутью. А затем от площади во все стороны покатила волна искажения пространства, захватившая и твердь, и воздух.

Первым под удар этой волны попал танк, так и не успевший сделать второй выстрел. Тяжелая бронированная машина смялась, как будто она была сделана из пластилина: ствол пушки вдавился в корпус, а через секунду танк превратился в бесформенный ком, ни на что уже не похожий. Здания, захваченные зоной искажения, рассыпались карточными домиками; бронетранспортеры миротворцев взлетали вверх колесами. Из десантных люков сыпались вниз солдаты, ронявшие оружие и беспомощно размахивающие руками и ногами. Неведомая сила расшвыривала их во все стороны и плющила — Алексей успел заметить красную кляксу на покосившейся стене одного из домов. А провал расширился, глотая попавшие в него машины — они то ли тонули бесследно в злобещей голубой дымке, то ли мгновенно растворялись в ней.

Невидимая исполинская метла вычищала улицы от всего шевелящегося, мимоходом разваливая дома. Асфальт под ногами Алексея дрожал все ощутимее — он чувствовал себя муравьем, случайно оказавшимся на вздувшемся бицепсе атлета, поднимающего непомерную тяжесть. Никакая аномалия из «адского винегрета» Зоны и близко не могла сравниться по силе и титаническому размаху со взбесившейся искаженной многомерностью, прорвавшейся на Подоле.

«Конец», — обреченно подумал Алексей, удивляясь тому, что он все еще жив.

Бежать было некуда — измененная метрика охватила район Контрактовой площади со всех сторон. И все-таки он побежал, надеясь на чудо.

Волна искажений отхлынула и покатила обратно, перемешивая камень, металл и стекло, но в нескольких шагах от Алексея она вдруг угасла, осыпав его мусором и пылью.

Обрадоваться он не успел.

Второй — и последний — удар Бестелесного, наконец-то проломившего неподатливое измерение и покидающего пленивший его мир, пришелся по зданию Житного рынка. Алексей обернулся как раз вовремя, чтобы увидеть все происходящее из первого ряда и во всех деталях.

Громадное здание, безвкусное нагромождение стекла и бетона, самоуверенно и нагло вознесшееся к небу и оттеснившее все другие строения, шаталось, словно лодка на волне. Под ним вспучивалась земля, как будто оттуда рвалось вверх нечто невероятно могучее, с легкостью сокрушавшее асфальт и камень, — зрелище это подавляло какой-то космической первобытной мощью. Фасад, исполосованный гигантскими трещинами, словно шрамами от ударов невидимого исполинского кнута, оседал, перекашивался и рассыпался. Огромные стекла превращались в сверкающие водопады мелких осколков, бивших по вздыбленному асфальту и собиравшихся в подобия ледяных луж. Бетонные балки ломались, как спички, стенные панели падали плашмя, словно костяшки домино, сбитые щелчком. Помпезное величие разлеталось в пыль и прах зримым свидетельством хрупкости бытия и тщетности человеческих

усилий вознестись и возвеличиться. Обломки разных размеров картечью хлестали по всей площади; острый кусок стекла полоснул Алексея по лицу, добавив к мелким порезам, оставленным взрывом в нише, широкую кровоточащую царапину.

Земля уходила из-под ног, голова кружилась, перед глазами мельтешили цветные пятна. Шатаясь, Алексей уже не бежал, а скорее карабкался прочь по содрогавшейся под ногами земле, стараясь оказаться как можно дальше от эпицентра невиданной катастрофы.

А затем грянул гром. Громадное здание лопнуло как мыльный пузырь, превращаясь в бесформенную грудку развалин. Асфальт вздыбился, Алексея швырнуло вперед; где-то на самом дне его сознания прозвучал рокочущий рык: «Я вернусь...», и парень понял, что он слышит то, что не слышал еще никто из людей, — голос плененного и освободившегося бога.

«Тоже мне, Терминатор долбаный...» — успел подумать Алексей и потерял сознание.

Эпилог

Время выбора

1 мая 1986 года

...Он стоял на трибуне, привычно улыбался и помахивал рукой, приветствуя текущий мимо трибуны праздничный людской поток, а сам то и дело украдкой поглядывал на часы. Инструктор, ответственный за проведение демонстрации, клятвенно уверял его, что они непременно уложатся в отведенное время. Таким образом, будут и волки сыты, и овцы целы: киевские власти проведут ответственнойшее мероприятие, отмена которого однозначно вызвала бы неуправляемую панику, и вместе с тем сократят его настолько, что люди, вышедшие на улицу, не страдают от радиоактивной пыли.

В городе ходили слухи, будто бы он, Щербицкий, категорически возражал против проведения Первомайской демонстрации в Киеве и едва не пошел из-за этого на конфликт с Москвой. Но все это было полной чушью — принятое решение было вызвано отнюдь не требованиями коммунистической идеологии, а трезвым расчетом государственников-управленцев. Огромный город, слушающий «вражьи голоса», и так уже находился на грани всеобщей паники, и столь очевидное подтверждение атомных слухов вызвало бы страшные последствия. Первый секретарь сделал все, что мог — демонстрация сократилась в два с половиной раза и длилась меньше часа. Сам же он взял с собой на трибуну детей и внука — потому что не мог, не имел права делать исключение не только для себя, но и для своих близких.

Несмотря на занимаемый им пост, его роль и возможность влиять на события были изначально ничтожны. Любая атомная электростанция — это в первую очередь завод по производству оружейного плутония. А все, что связано с производством ядерных боеприпасов, не входит в республиканское подчинение и жестко управляется Москвой. Поэтому в том, что он узнал об аварии на Чернобыльской АЭС из Кремля от Рыжкова, не было ничего противоестественного — доступ к подобной информации был регламентирован строжайше. Тем не менее он отдавал себе полный отчет, что эта демонстрация — начало его конца как политика. Поднаторевший в кремлевских аппаратных играх Горбачев и его советчики непременно используют «демонстрацию под радиацией», чтобы снизить влияние Щербицкого как члена Политбюро, чем тут же воспользуются ошалевшие от объявленной гласности проамерикански настроенные украинские националисты. Но все это уже не имело значения, потому что ситуация в Чернобыле была взята под контроль и над местом этой странной, необъяснимой аварии в ближайшее время будет сооружен надежный саркофаг.

С мест, предназначенных для особо важных гостей, центральная трибуна была видна как на ладони. Пирс Паркер смотрел на улыбающегося главу Украинской Республики и сочувственно качал головой. Незадолго до событий в Чернобыле он побывал в Америке и сумел развязать язык мелкому лоббисту из ближайшего окружения Киссинджера. И теперь ему уже было известно о том, что вокруг обезглавленного Советского Союза вовсю крутятся шестеренки тайной мировой политики, и для выхода на политическую сцену выращиваются новые, более устраивающие Запад фигуры. Только вот тем, кто сейчас ведет переговоры с эмиссарами фонда Сороса, и кто, подняв на флаг националистическую идею, руками, ногами и зубами рвется к власти в этой стране, он не доверил бы и старушку перевести через улицу...

Пирс Паркер искренне сочувствовал Щербицкому, этому человеку с аристократической внешностью и огромным политическим интеллектом, которому, несмотря на все его незаурядные личные качества и достижения, в силу сложившихся скотских обстоятельств,

скорее всего, доведется вскоре лишиться власти и закончить свои дни в забвении...

...А под трибуной, в глубине, укрытый многими слоями песка, глины и костей, в предвкушении щедрых человеческих жертв, грузно ворочался в вязкой вневременной жиже неупокоенный мстительный бог...

***

2007 год

...Высоко в небе, за полторы тысячи километров от Припяти, от хищного серебристого тела стратегического бомбардировщика «Ту-160» отделилась крылатая ракета Х-55 — «Кент», по классификации НАТО. Прошивая редкие облака и разматывая за собой дымную нить инверсионного следа, ракета устремилась к руинам Чернобыльской АЭС — туда, где все еще продолжалось живое извержение иномерных монстров.

Приказ Президента Российской Федерации был выполнен — атаку проводил один из лучших экипажей. Ракета вышла точно на цель, и на предельно малой высоте, над самым саркофагом четвертого энергоблока, ее двухсоткилотонный термоядерный заряд превратился в огненный шар, мгновенно расплавивший бетонные развалины, сплюснутые чудовищным ударом взрывной волны. Образовался тарелкообразный кратер глубиной десять метров и диаметром почти полкилометра, сплошь покрытый иссиня-черным шлаком. Загадочный кристалл под разрушенным реактором сгорел в атомном огне, сгорели и многотысячные полчища тварей, а уродливый лилово-сизый гриб, взметнувшийся на десятикилометровую высоту, возвестил о конце Сердца Зоны.

И пала с небес горькая звезда Полюнь...

notes

Примечания

Casus belli — повод к войне (лат.).

Very Distinguish Person (VDP) — весьма значительное лицо (англ.).

В 1964 году на Пленуме ЦК был смещен Н. С. Хрущев.

Prime time — «час пик» (англ.). Здесь — время, когда у телевизоров собирается максимальное число зрителей.

СНБО — Совет национальной безопасности и обороны при президенте Украины — орган, которому подконтрольны все силовые структуры республики.

ДПС — дорожно-постовая служба, экс-ГАИ.